МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский государственный университет иностранных языков

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЯЗЫК, ОБУЧЕНИЕ, ПЕРЕВОД

Сборник научных статей по итогам
1-й Международной научно-практической конференции
Минск, 12 марта 2026 г.

Минск
БГУИЯ
2026

УДК 81’1’25+378.147(063)
ББК 81я4+81.2-9+81.057+95.4
Д 44

Р е к о м е н д о в а н Редакционным советом Белорусского государственного университета иностранных языков. Протокол № 4/84 от 28.08.2026

Р е ц е н з е н т ы: кандидат филологических наук, доцент *С. А. Дубинко* (БГУ); кандидат филологических наук, доцент *И. И. Ковалевская* (БГЭУ)

Д 44 Диалог культур: язык, обучение, перевод : сб. науч. ст. по итогам 1-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 марта 2026 г. / отв. ред. О. В. Железнякова. – Минск : БГУИЯ, 2026. – 231 с.

ISBN 978-985-28-0400-4

В сборнике освещаются актуальные вопросы современной лингвистики, лингводидактики и теории перевода. Представлен широкий спектр общих и частных лингвистических исследований, рассматриваются проблемы профессионально ориентированного обучения иностранным языкам и переводческой деятельности в процессе подготовки специалистов в области лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации, анализируется роль диалога культур в современном образовательном и научном пространстве.

Предназначен для научных работников, лингвистов, преподавателей, специализирующихся в области межкультурной коммуникации, аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81’1’25+378.147(063)
ББК 81я4+81.2-9+81.057+95.4

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке БГУИЯ
по ссылке **e-lib.bsufl.by** или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0400-4

© УО «Белорусский государственный университет иностранных языков», 2026

УДК 811.111’255.2:78.067.26:78.071

Адалевская Екатерина Дмитриевна
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Россия

Ekaterina Adalevskaya
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
ms.adalevskaya@gmail.com

АДАПТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ЭКВИРИТМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА IMAGINE DRAGONS)

ADAPTATION AS A STRATEGY OF EQUIRYTHMIC TRANSLATION (BASED ON IMAGINE DRAGONS’ LYRICS)

Анализируются особенности осуществления поэтического эквиритмического перевода на примере творчества группы Imagine Dragons. Рассматривается адаптация как одна из ключевых стратегий передачи песенного текста с учётом ритмической организации, образного содержания и эмоциональной выразительности оригинала. Выделяются этапы поэтического перевода, необходимые для создания прагматически адекватного и потенциально исполняемого текста на русском языке. Делается вывод о значимости сохранения ритма, рифмы, слоговой структуры и естественности звучания при переводе англоязычных песен.

Ключевые слова*: эквиритмический перевод; песенный текст; адаптация; ритм, рифма.*

The article analyzes the features of poetic equirhythmic translation based on the lyrics of Imagine Dragons. Adaptation is considered one of the key strategies for rendering song lyrics taking into account the rhythmic organization, figurative content, and emotional expressiveness of the original. The stages of poetic translation required to create a pragmatically adequate and potentially performable text in Russian are identified. The conclusion highlights the importance of preserving rhythm, rhyme, syllabic structure, and naturalness of sound when translating English-language songs.

Key words*: equirhythmic translation; song lyrics; adaptation; rhythm, rhyme.*

Эквиритмический перевод занимает особое место среди способов передачи поэтического текста, поскольку переводчик работает не только со значением слов, но и с музыкальной формой. В обычном художественном переводе строку можно свободнее перестроить, расширить или сократить. В песенном тексте такая свобода ограничена мелодией. Перевод должен лечь на уже существующую музыкальную основу, сохранить ритмический рисунок, расположение ударений и общий темп исполнения.

Г. С. Мхитарьян определяет эквиритмический перевод как один из наиболее сложных видов письменного перевода и связывает его с необходимостью сохранить возможность мелодичного исполнения стихотворного или песенного произведения на языке перевода [1, с. 81–82]. Такая мысль особенно важна для анализа песен, поскольку перевод здесь не может быть только точной передачей смысла. Если строка верно передаёт содержание, но не совпадает с музыкальной фразой, она перестаёт работать как

исполняемый текст. Основные ограничения эквиритмического перевода связаны с ритмом, количеством слогов, смыслом, стилистической уместностью и звучанием. Мхитарьян отмечает, что переводчик должен учитывать ритмическую структуру оригинала, стремиться к совпадению слогового объёма, сохранять исходный смысл и обращать внимание на фонику перевода, включая его благозвучие [1, с. 82]. На практике эти требования часто вступают в противоречие. Смысловой вариант может оказаться слишком длинным. Ритмически удобная строка иногда теряет часть образности. Поэтому переводчик вынужден искать компромисс между точностью и музыкальной естественностью.

Ключевая трудность усиливается различиями английского и русского языков. Английская песенная строка часто строится на коротких словах и сильных ударных позициях. Русский язык обычно требует большего количества слогов для передачи сходного содержания. Например, слово thunder можно передать как ‘гром’, но в песенном контексте оно связано не только со звуком, а ещё с ощущением силы, давления и внутреннего импульса. Если переводчик расширяет образ, строка может выйти за пределы музыкальной фразы. Если оставляет одно слово, часть эмоционального оттенка может ослабнуть.

Подход Т. А. Казаковой позволяет уточнить эту проблему с позиции художественного перевода. В её учебном пособии художественный перевод рассматривается не как механическая замена языковых единиц, а как работа с образным содержанием, интерпретацией и межкультурной адаптацией художественного текста [2]. Переводчик передаёт не отдельные слова, а целую систему воздействия, в которую входят образ, интонация, ритм и эмоциональный эффект. По этой причине адаптация в эквиритмическом переводе выступает не случайным отступлением от оригинала, а намеренным переводческим приёмом, который помогает сохранить художественную функцию текста в другой языковой и ритмической системе. Она помогает сохранить художественную функцию текста в другой языковой и ритмической системе. Переводчик может использовать сжатие, замену образа близким по функции, перестройку синтаксиса или изменение порядка слов. Такие приёмы нужны не для упрощения оригинала, а для того, чтобы русская строка звучала естественно и могла быть исполнена в заданной мелодии.

Материал песен группы Imagine Dragons особенно показателен для дальнейшего анализа. В их композициях часто сочетаются короткие ударные слова, повторы, резкая вокальная подача и эмоционально насыщенные образы. Ритм здесь не является внешней оболочкой. Он передаёт напряжение, сопротивление, внутренний конфликт или эмоциональный подъём. Поэтому при переводе таких песен важно оценивать не только лексическую близость к оригиналу, но и то, насколько перевод сохраняет ритм, звучание и исполнительскую выразительность. Именно эти параметры будут рассмотрены далее на конкретных примерах из песенного материала Imagine Dragons.

При оценке практического материала важно учитывать концепцию P. Low, который рассматривает перевод песни как поиск баланса между несколькими критериями: смыслом, естественностью звучания, ритмом, рифмой и

возможностью исполнения [3, с. 185–212]. Такой подход позволяет рассматривать перевод не как выбор между точностью и свободой, а как поиск баланса.

В ходе анализа были сопоставлены английские строки песни Bad Liar и их русские эквиритмические варианты. Учитывались количество слогов, совпадение сильных долей и характер адаптации. Обобщённые результаты представлены в таблице.

Таблица

Результаты анализа эквиритмической адаптации фрагментов песни Bad Liar

Показатель	Значение	Интерпретация
Среднее отклонение количества слогов	+0,58	Русский перевод немного длиннее оригинала
Среднее слоговое совпадение	88%	Сохраняется близость к музыкальной фразе
Полное совпадение сильных долей	33%	Акцентная структура передаётся сложнее
Максимальный результат совпадения	100%	Полное соответствие возможно при адаптации

Данные таблицы показывают, что при эквиритмическом переводе легче сохранить слоговую близость, чем полное совпадение сильных долей. Среднее отклонение в +0,58 слога является умеренным и не разрушает музыкальную основу перевода. Такой показатель объясняется тем, что русский вариант закономерно оказывается немного длиннее оригинала, но это расширение не выходит за пределы допустимого для исполнения. В песенном переводе важна не математическая идентичность каждой строки, а сохранение общего ритмического движения. Если добавленный слог не попадает на сильную музыкальную позицию или не нарушает вокальную фразу, перевод может восприниматься как достаточно естественный.

При этом показатель 33 % по полному совпадению сильных долей подтверждает, что акцентная структура передаётся сложнее, чем количество слогов. Слог можно добавить или убрать за счёт краткой частицы, местоимения, перестановки слов, но ударение связано с внутренней природой слова и русской интонацией. Именно здесь адаптация становится особенно важной. Она позволяет не просто подогнать строку под музыку, а перестроить фразу так, чтобы смысловые слова оказались в наиболее заметных позициях. Для эквиритмического перевода это принципиально, поскольку сильная доля в песне часто совпадает с эмоциональным центром строки.

Эта закономерность видна на отдельных примерах. Строка *And terrors don't prey on innocent victims* была передана как 'И ужасы не мучат невинных людей'. Английская строка включает 11 слогов, русская версия насчитывает 12, поэтому слоговое совпадение составило 91,7 %. При этом совпадение сильных долей достигло 75 %. Перевод не является буквальным, поскольку *innocent victims* передано не как 'невинные жертвы', а как 'невинные люди'. Такой вариант звучит мягче и естественнее для вокального исполнения. Кроме того, слово 'людей' легче вписывается в русскую песенную фразу, чем более тяжёлое сочетание 'жертв'. В результате перевод сохраняет тревожную атмосферу оригинала, но избегает избыточной драматизации.

Другой пример показывает, что даже полное слоговое совпадение не всегда означает полную эквиритмическую точность. Фрагмент *Perfect paradise, tearin' at the seams* был переведён как 'Идеальный рай рухнул для двоих'. В обеих строках по 10 слогов, но совпадение сильных долей составило 75 %. Образ разрушения передан не дословно, а через более компактную русскую формулу. В оригинале выражение *tearin' at the seams* создаёт ощущение того, что идеальное пространство распадается изнутри. Русский вариант 'рухнул' делает этот образ более прямым, но сохраняет его эмоциональную функцию. Компонент 'для двоих' помогает удержать личный конфликт песни и одновременно заполнить ритмическую позицию. За счёт этого строка не выглядит искусственно сокращённой и не теряет связи с общей темой разрыва.

Наиболее удачным примером является перевод *But I'm a bad liar, bad liar* как 'Но не мог лгать я, не мог лгать я'. Здесь совпали и количество слогов, и сильные доли, оба показателя составили 100 %. Такой результат подтверждает, что полное эквиритмическое соответствие возможно, но чаще достигается не буквальным переводом, а перестройкой высказывания. Английское *bad liar* обозначает характеристику человека, который не умеет лгать убедительно. Русский вариант переносит акцент с характеристики на внутреннее признание. Это делает строку более естественной для русского песенного текста и одновременно сохраняет повтор, который важен для припева. В данном случае адаптация усиливает исповедальный оттенок фразы и помогает сохранить вокальную пульсацию.

Сопоставление этих примеров показывает, что адаптация работает на разных уровнях. В первом случае она проявляется в замене словосочетания более удобным для исполнения вариантом. Во втором случае адаптация затрагивает образную структуру, поскольку метафора передаётся через более прямое действие. В третьем случае перестраивается сама грамматическая перспектива высказывания. Вместо определения героя используется фраза, передающая его состояние. Все три решения различаются по форме, но объединяются общей задачей, которая состоит в сохранении песенной выразительности.

Важно отметить, что таблица фиксирует только часть переводческого результата. Количество слогов и совпадение сильных долей позволяют увидеть техническую сторону эквиритмического перевода, однако не исчерпывают его качества. Строка может быть ритмически точной, но звучать неестественно.

Возможна и обратная ситуация, когда небольшое отклонение по слогам компенсируется удачным расположением смысловых акцентов и плавной артикуляцией. Поэтому количественные показатели необходимо рассматривать вместе с анализом образности и звучания.

В статье было показано, что эквиритмический перевод песенного текста требует одновременного учёта языковых, поэтических и музыкальных параметров. Теоретический анализ позволил рассмотреть адаптацию не как упрощение оригинала, а как осознанную стратегию, необходимую при переносе текста в другую языковую систему. Для песенного перевода особенно важно, что художественный образ, ритм, ударения и естественность звучания образуют единую структуру, поэтому нарушение одного элемента влияет на восприятие всего текста.

Практический материал на основе песни Bad Liar подтвердил, что переводческое решение не может оцениваться только по степени буквальной близости к оригиналу. Более значимым становится соотношение между содержанием, ритмической организацией и возможностью исполнения. Проведённый анализ показал, что такой переводческий приём помогает сохранить коммуникативный и эмоциональный эффект песни даже при изменении отдельных лексических или синтаксических элементов. Именно поэтому при эквиритмическом переводе текстов Imagine Dragons адаптация выступает продуктивным способом создания русской версии, которая сохраняет связь с оригиналом и одновременно звучит естественно для адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мхитарьян*, Г. С. Некоторые приемы эквиритмического перевода на материале русскоязычных кавер-версий иностранных песен / Г. С. Мхитарьян // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, № 1. – С. 81–92.
2. *Казакова*, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины / Т. А. Казакова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 224 с.
3. *Low*, P. The Pentathlon Approach to Translating Songs / P. Low // Song and Significance: Virtues and Vices of Vocal Translation / ed. by D. L. Gorlée. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2005. – c. 185–212.

УДК 811.161.3'37

Алёкса Яна Пятроўна
аспірант
Беларускі дзяржаўны
педагагічны універсітэт імя
Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь
eurus.2002holmes@gmail.com

Yana Alioksa
PhD student
Belarusian State Pedagogical University
named after M. Tank,
Minsk, Belarus
eurus.2002holmes@gmail.com

ПАНЯЦЦІ ІНТЭНСІЎНАСЦЬ, ГРАДАЦЫЯ, ЭКСПРЭСІЎНАСЦЬ І ІХ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ Ў МОВАЗНАЎСТВЕ

THE CONCEPTS OF INTENSITY, GRADATION, EXPRESSIVENESS AND THEIR DIFFERENTIATION IN LINGUISTICS

У артыкуле даследуюцца аспекты дыферэнцыяцыі катэгорый градацыі, інтэнсіўнасці і экспрэсіўнасці ў лінгвістыцы, аналізуецца роля моўнай нормы як зыходнага пункта для шкаліравання якасных прыкмет. Асаблівая ўвага надаецца суфіксальнаму спосабу інтэнсіфікацыі ў беларускай мове, які разглядаецца як прадуктыўны сродак стварэння градацыйных шэрагаў.

Ключавыя словы*: беларуская мова; градацыя; інтэнсіўнасць; экспрэсіўнасць; мадыфікацыя; суфіксальныя інтэнсіфікатары; лінгвістычная норма*

The article explores aspects of differentiation of categories of gradation, intensity and expressiveness in linguistics, analyzes the role of the language norm as a starting point for scaling qualitative features. Special attention is paid to the suffixal method of intensification in the Belarusian language, which is considered as a productive means of creating gradational series.

Key words*: Belarusian language; gradation; intensity; expressiveness; differentiation; modification; suffixal intensifiers; linguistic norm*

Катэгорыі градацыі, інтэнсіўнасці і экспрэсіўнасці належаць да ключавых паняццяў сучаснага мовазнаўства і цягам апошніх дзесяцігоддзяў вывучаюцца ў міждысцыплінарнай перспектыве.

У логіцы і філасофіі градацыя разглядаецца як адлюстраванне паступовых колькасных і якасных пераходаў паміж станамі [1, с. 241], у псіхалогіі (пераважна ў даследаваннях, якія звязаны з эмацыянальным інтэлектам) яна звязваецца з механізмамі эмацыянальнай інтэнсіўнасці і з прынцыпамі шкаліравання ўнутраных перажыванняў чалавека [2, с. 87], у кагнітыўнай лінгвістыцы – з прататыпнай арганізацыяй паняццяў і феноменам “памежных зон” [3, с. 51].

Такім чынам, усе тры паняцці – *градацыя, інтэнсіўнасць, экспрэсіўнасць* – аб’ядноўвае паступовасць, колькасная зменлівасць і здольнасць перадаваць ступень праяўлення прыкметы. Моўная градацыя не існуе асобна ад кагнітыўных структур мыслення, якія дазваляюць чалавеку інтэрпрэтаваць

з’явы не толькі ў катэгорыях “ёсць vs няма”, але і ў катэгорыях ступені праяўлення.

З пункту гледжання кагнітыўнай і логіка-філасофскай традыцыі, асновай функцыянавання градацыі служыць мадэль “размытых (невыразных) мностваў” (*fuzzy sets* ‘невыразнае мноства’), дзе аб’екты і прыкметы не маюць строгіх меж, а размяркоўваюцца адносна нейтральнага прататыпа (нормы) з рознай ступенню набліжанасці да яго [4, с. 458]. Гэта цалкам адпавядае моўнаму вопыту чалавека, бо большасць прыкмет, якія ён апісвае, з’яўляюцца не дыскрэтнымі, а паступовымі. Адсюль і магчымасць ствараць шматступеньчатую шкалу тыпу *лёгкі – цяжкі – цяжэйшы – вельмі цяжкі – непад’ёмны*. Падобная шкала выкарыстоўваецца пры апісанні колеру, тэмпературы, руху, эмоцый, інтэнсіўнасці гуку і г. д., што сведчыць пра ўніверсальны характар градацыі і як мысленчай, і як моўнай з’явы.

У лінгвістыцы градуальнасць разглядаецца як семантычныя структура, якая адлюстроўваецца праз магчымасць выражэння паступовага ўзмацнення або аслаблення прыкметы. У мове такая здольнасць рэалізуецца як у лексіцы (прыметнікі, прыслоўі), так і ў словаўтварэнні (суфіксы ўзмацнення), у сінтаксісе (паралельныя канструкцыі, паўторы), у прагматыцы (рэматычная вылучанасць, інтанацыя). Характэрна і тое, што любая моўная градацыя заўсёды грунтуецца на лагічнай градацыі, бо яе ўзнікненне абумоўлена здольнасцю чалавека выдзяляць адносныя ступені праяўлення прыкметы.

У межах беларускай мовы катэгорыя градацыі найбольш выразна праяўляецца ў якасных прыметніках і прыслоўях, радзей – у дзеясловах, назоўніках і іншых самастойных часцінах мовы. Градуальнасць з’яўляецца вынікам магчымасці колькасна ацэньваць ступень праяўлення прыкметы. Напрыклад, прыметнік *цёмны* можа ўтвараць цэлую шкалу: *крыху цёмны – цёмны – вельмі цёмны – змрочны*.

У беларускай мове суфіксацыя з’яўляецца адным з найбольш прадуктыўных спосабаў перадачы градуальных значэнняў. Суфіксы не проста змяняюць, напрыклад, памер прадмета, яны мадыфікуюць інтэнсіўнасць якасці, дадаюць эмацыянальна-экспрэсіўныя адценні:

– суфіксы высокай інтэнсіўнасці (напрыклад, *-эзн-, -эразн-*). Лексема *вялікі* (нейтральная інтэнсіўнасць) трансфармуецца ў *велічэзны* (экспрэсіўная інтэнсіўнасць). Напрыклад, у сказе: *Нікога не знайшлі ў велічэзным, велічынёю са шматпавярховы дом, кальцы* [5, с. 233]. Суфікс *-эзн-* выконвае функцыю лексічнага інтэнсіфікатара, які ўзмацняе візуальную экспрэсію;

– суфіксы сярэдняй інтэнсіўнасці (напрыклад, *-аньк-, -эньк- / -еньк-*). Напрыклад, у сказе: *Цёпленькі ветрык веяў і калыхаў яе* [6]. Вылучаны суфікс стварае мяккае, змякчальна-эмацыянальнае адценне для слова *цёплы*.

– суфіксы нізкай інтэнсіўнасці (напрыклад, *-ютк-, -усеньк- / -юсеньк-*). Напрыклад, у сказе: *Калі Юлька яшчэ такая малюсенькая – ёй усяго шэсць гадоў* [7, с. 164], ужыванне слова *малюсенькая* замест *маленькая* прыводзіць да відавочнага зніжэння інтэнсіўнасці (адбываецца мінімалізацыя памеру).

Пры гэтым квантыфікацыя можа выражацца як з дапамогай лексічных сродкаў (інтэнсіфікатараў – сродкаў, якія ўзмацняюць прыкмету, дзеянне і г.

д.), так і шляхам выкарыстання суфіксаў ўзмацнення або сінтаксічных паўтораў. Разгледзім наступныя прыклады: *ціха – вельмі ціха – ціхо́м – ледзь чутна*, *халодны – даволі халодны – люты – праймаючы да костак*. У кожным выпадку адбываецца паступовае змяненне інтэнсіўнасці прыкметы, што і з'яўляецца сутнасцю градацыйнай структуры.

Экспрэсіўнасць у сваю чаргу выступае складаным комплексным паняццем, якое аб'ядноўвае эмацыянальнасць, ацэначнасць, інтэнсіўнасць і вобразнасць. Яна адлюстроўвае суб'ектыўнае стаўленне чалавека да зместу паведамлення або да адрасата маўлення. Інтэнсіўнасць як складнік экспрэсіўнасці выконвае ролю колькаснай меры праяўлення якасці, а таксама сама па сабе павышае ступень экспрэсіі выказвання. Гэта выразна бачна ў прыкладах тыпу *вельмі прыгожа – неверагодна прыгожа,* дзе рост інтэнсіўнасці суправаджаецца ростам эмацыянальнага ўздзеяння.

Для ўсіх трох паняццяў асноўным элементам з'яўляецца паняцце нормы. Норма стварае пачатковы пункт шкалы, ад якога адбываецца павелічэнне або памяншэнне значэння. У выпадку інтэнсіўнасці гэта звычайна нулявая ступень прыкметы, напрыклад: *цёпла* як норма, *вельмі цёпла* як узмацненне, *горача* як самы высокі ўзровень. У выпадку экспрэсіўнасці норма акрэслівае ступень нейтральнай эмацыянальнасці, ад якой адбываецца рост суб'ектыўнага ўздзеяння. У выпадку градацыі норма адлюстроўвае сярэдзіну ўмоўнай шкалы, адносна якой і фарміруецца ўвесь дыяпазон.

Для нагляднасці пададзена параўнальная табліца 1, яка адлюстроўвае асноўныя прыкметы трох катэгорый.

Табліца 1

Дыферэнцыяцыя паняццяў *градацыя, інтэнсіўнасць, экспрэсіўнасць*

Катэгорыя	Сутнасць катэгорыі	Асноўная функцыя	Ілюстрацыі
Градацыя	Паступовая змена ступені праяўлення прыкметы	Стварэнне шкалы	*Цёплы – вельмі цёплы – гарачы*
Інтэнсіўнасць	Колькасная мера якаснай прыкметы	Узмацненне або аслабленне	*Хутка – вельмі хутка – імкліва*
Экспрэсіўнасць	Перадача суб'ектыўнай эмацыянальнай і ацэначнай характарыстыкі	Эмацыянальнае ўздзеянне	*Прыгожа – надзвычай прыгожа – неверагодна прыгожа*

Узаемасувязь гэтых катэгорый можна прадэманстраваць з дапамогай графічнай схемы 1, якая адлюстроўвае строгую іерархію і відавочную залежнасць паміж паняццямі.

Схема 1

Іерархія паміж паняццямі

У мове гэтыя катэгорыі заўсёды функцыянуюць у своеасаблівым комплексе. Пашыраныя прыклады паказваюць, як градацыя абумоўлівае інтэнсіўнасць, а рост інтэнсіўнасці вядзе да павелічэння экспрэсіўнасці. Напрыклад, *ён стаміўся* – нейтральнае выражэнне; *ён моцна стаміўся* – узмацненне інтэнсіўнасці; *ён страшэнна стаміўся* – максімальная інтэнсіўнасць і павышаная экспрэсія; *ён быў абсалютна без сіл* – градацыйнае ўзмацненне і яркая экспрэсіўнасць.

Таксама добра бачна сувязь у наступных выпадках: *дарога была няроўная* – апісанне якасці; *даволі няроўная* – інтэнсіўнасць; *вельмі няроўная* – вышэйшая ступень; *зусім разбітая* – экспрэсіўная характарыстыка з элементам гіпербалы. У прыкладзе *яна ўсміхнулася цёпла – вельмі цёпла – надзвычай цёпла – шчыра* нарастае і інтэнсіўнасць, і эмацыянальнасць выказвання.

Табліца 2 ілюструе тыповыя інтэнсіфікатары і ступень іх узаемадзеяння ў кантэксце градацыі і экспрэсіўнасці.

Табліца 2

Інтэнсіфікатары і іх функцыі

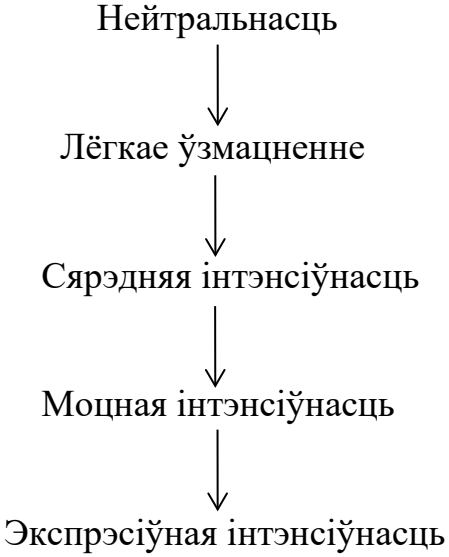
Інтэнсіфікатар	Ступень узмацнення	Характэрная сфера выкарыстання	Прыклад
Вельмі	сярэдняя	нейтральная	*вельмі хутка*
Надта	высокая	размоўная	*надта добра*

Надзвычай	высокая	кніжная	*надзвычай прыгожа*
Жудасна/страшэнна	вельмі высокая	мастацкая	*жудасна стаміўся*
Абсалютна	максімальная	афіцыйная	*абсалютна неабходна*
Шалёна	гіпербалічная	мастацкая	*шалёна прыгожа*

Магчымае градацыйнае разгортванне адлюстравана на схеме 2.

Схема 2

Градацыйнае разгортванне выказвання

Напрыклад, канструкцыі тыпу *ісці хутка – ісці нашмат хутчэй – ісці імкліва – ісці стрымгалоў* дэманструюць паступовае нарастанне інтэнсіўнасці дзеяння, якое вядзе да павелічэння экспрэсіўнага эфекту.

Узаемадзеянне катэгорый градацыі, інтэнсіўнасці і экспрэсіўнасці грунтуецца на кагнітыўнай здольнасці чалавека інтэрпрэтаваць свет праз прызму “размытых мностваў”, дзе прыкметы не з’яўляюцца дыскрэтнымі, а размяркоўваюцца паводле ступені набліжанасці да нейтральнага прататыпа – нормы. Менавіта лінгвістычная норма выступае ўніверсальнай кропкай адліку, якая дазваляе ўбачыць адхіленні ў бок павелічэння або памяншэння якасных характарыстык. Градацыя ў гэтым працэсе выконвае ролю своеасаблівага структурнага каркаса (шкалы), у межах якога інтэнсіўнасць забяспечвае колькаснае вымярэнне прыкметы, а экспрэсіўнасць – суб’ектыўную ацэнку і эмацыянальнае ўздзеянне на адрасата. Такім чынам, гэтыя катэгорыі ўтвараюць непарыўнае адзінства, дзе лагічнае шкаліраванне становіцца базай для стварэння складаных сэнсавых і прагматычных нюансаў у маўленні.

У сістэме беларускай мовы суфіксальная мадыфікацыя з’яўляецца адным з найбольш эфектыўных інструментаў для стварэння градацыйных значэнняў, дазваляючы стварыць з нейтральнай лексемы экспрэсіўную адзінку праз змену

інтэнсіўнасці якасці. Выкарыстанне фармантаў, у якім закладзена розная семантыка, стварае магчымасць для тонкага сэнсавага разгортвання выказвання, дзе кожная наступная ступень шкалы не проста ўзмацняе прыкмету, але і змяняе яе стылістычна. Аналіз градацыйных шэрагаў паказвае, што рост інтэнсіўнасці адразу вядзе да павелічэння вобразнасці і суб'ектыўнасці, якое робіць звычайнае колькаснае апісанне сродкам мастацкай экспрэсіі. Гэта пацвярджае іерархічную залежнасць паміж катэгорыямі, дзе градацыя выступае метадам, інтэнсіўнасць – мерай, а экспрэсіўнасць – канчатковым камунікатыўным эфектам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Smith,* J. Degrees of Quality: Logic and Linguistics. – Cambridge : CUP, 2019. – 312 p.
2. *Gross,* J. Emotion and its intensity. – Psychological Review, 2015, vol. 122 (1). – P. 80–92.
3. *Taylor,* J. Cognitive Models and Gradience. – Oxford : OUP, 2017. – 184 p.
4. *Lakoff,* G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. – 1973 [Reprint 2019]. – Vol. 2, № 4. – P. 458–508.
5. *Караткевіч,* У. Чазенія // Выбраныя творы / У. Караткевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2005. – 512 с.
6. Нацыянальны корпус беларускай мовы : [сайт]. – Мн., 2015-2026. – URL: https://bnkorpus.info/index.html (дата звароту: 27.02.2026).
7. *Бядуля,* Змітрок. Юлька : апавяданне / Змітрок. Бядуля // Збор твораў : у 5 т. / Змітрок. Бядуля. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – Т. 2 : Вершы ў прозе. Лірычныя імпрэсіі. Апавяданні. – С. 158–164

УДК 81`25

Алферов Александр Владимирович
доктор филологических наук, профессор
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
E-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Попова Галина Евгеньевна
доктор филологических наук, доцент
Астраханский государственный технический университет
Астрахань, Россия
E-mail: gepopova@mail.ru

Alferov Alexander Vladimirovich
Doctor of Philology, Professor
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia
E-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Popova Galina Evgenievna
Doctor of Philology, Associate Professor
Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
E-mail: gepopova@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК КРИТЕРИЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

INTERNAL FORM AS A CRITERION OF TRANSLATION RELEVANCE

Когнитивная модель перевода, основанная на механизмах девербализации и деконструкции, требует объективизации оценки результата через концептуализацию внутренней формы переводческого воплощения

Ключевые слова: *когнитивная транслятология; релевантность перевода; внутренняя форма перевода; когнитивные модели перевода*

The cognitive model of translation, based on the mechanisms of deverbalization and deconstruction, requires objectification of the evaluation of the result through the conceptualization of the internal form of translation

Keywords: *cognitive translatology; relevance of translation; internal form of translation; cognitive models of translation*

Концептуализация *внутренней формы* (ВФ) как категории транслятологии требует «феноменологической редукции» в виде обобщения понятийных смыслов, связанных с возникновением этого термина в филологии и лингвистике, требующих переосмысления и доказательства их релевантности в преломлении к теории и практике перевода.

Необходимо отметить прежде всего семиотический генезис внутренней формы, объединяющий известные трактовки этой категории в различных концепциях (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, В. Шкловский, Г.Г. Шпет и др.). В самом термине «ВФ» внутренней формой является релятивный когнитивный вектор, объединяющий план содержания с планом выражения в языковом знаке. Обычно речь идет о мотивации как связующем когнитивном кванте между мыслью и языковой (внешней) формой [1, с. 22]. Семиотическое воплощение интенциональной мотивированности лежит в прототипических моделях когнитивной семиотики, основанной на концепции семиозиса Ч.С.

Пирса [2]. Этим коррелятом внутренней формы знака является *интерпретанта* как «внутреннее свойство знака быть интерпретированным» [2, с. 87].

Будучи по определению интерпретатором, переводчик необходимо проникает в интенциональную мотивированность текста оригинала, или исходного текста (ИТ), то есть осуществляет поиск и определение сущности интерпретанты той или иной номинации на уровне *фонемы–морфемы–слова–словосочетания–текста* на языке оригинала (ИЯ). Рассматривая дискурс как движение между мыслью и ее языковым воплощением в тексте при порождении высказывания и обратное движение – между текстом и мыслью при прочтении и интерпретации ИТ [3, с. 70], можно говорить о том, что переводческий дискурс – это установление интенциональности интерпретанты, то есть осознание внутренней формы ИТ в совокупности всех составляющих его элементов.

Таким образом, ВФ в переводе – это внутренняя мотивированность (интенциональность) ИТ. Восстановление данной интенциональности есть главная задача перевода (создания ПТ). Считая, что термины «адекватность» и «эквивалентность» отражают лишь отдельные уровни переводческого процесса в определенных типах текста [4, с. 17-18], мы оперируем термином «релевантность», уже зафиксированном в транслятологии [5], но понимаемом, как правило, в его узком значении, а именно – как соответствие ПТ коммуникативной цели ИТ, практически вне зависимости от смысловых потерь на пути к этой цели [6, с 95-97; 7, с. 273-274].

Такая узкая трактовка релевантности вполне уместна, например, в устном переводе и/или в переводе любого *аддитивного текста* [8, с. 243-250], то есть текста, опирающегося на прямое значение однозначных языковых элементов ИТ (терминов, слов, фразем, синтаксем, текстем).

В широком значении релевантность важна для *неаддитивных текстов*, содержащих подтекст, интертекстовые аллюзии, языковую игру, авторские окказионализмы и т.п. [8, с. 250]. Следуя авторам теории релевантности [9], понимание состоит в выдвижении инференциальных гипотез об интенциональности отправителя сообщения, поняв которую (более или менее адекватно), можно говорить о правильной интерпретации ИТ, то есть понимании смысла ИТ («замысла автора»).

При этом относительность (градуальность) и субъективность релевантности [10] состоит в том, что понимание переводчика, если и приближается к пониманию автора, то воплощение этой внутренней формы в ПТ затрудняется расхождением во внешних формах ИЯ и ПЯ. Потенциальное отсутствие эквивалентности в языковых средствах, асимметрия плана содержания и плана выражения заставляют искать критерии соответствия ИТ и ПТ в «когнитивном облаке» общности плана содержания, абстрагируясь от сопоставления внешних форм планов выражения. Кроме того, в отличие от «объективных» эквивалентности и адекватности, релевантность перевода сугубо субъективна и зависит от оценки читателя перевода, определяющего для себя степень релевантности ПТ [4, с. 18-19].

Обреченность на потери в плане выражения определенного рода ИТ, вызывает к жизни концепции «непереводимого в переводе» [11, с.121], компенсации которого в плане содержания ПТ и требуют применения понятия большей или меньшей *релевантности перевода* в широком смысле этого термина. Мы постулируем, что критерием *оптимальной релевантности* является логически обоснованная корреляция внутренней формы ИТ и ПТ [12, p. 140], построенная на стремлении к достижению недостижимых в случае неаддитивных текстов «эквивалентности» [4, с. 20-21].

Для доказательства необходимо обратиться к семиотической концепции Л. Ельмслева, выделяющего категории *формы* (Ф) и *субстанции* (С) как для плана выражения, так и для плана содержания [13, с. 182] (табл.1):

Т а б л и ц а 1

Семиотическая дифференциация Л. Ельмслева

План содержания		План выражения	
Ф	С	Ф	С

Конечно, в этом случае речь идет о внутренней форме плана содержания и ВФ плана выражения.

Релевантность перевода обеспечивается релевантностью корреляции ВФ плана содержания ИТ внутренней форме плана содержания ПТ. Формирование ВФ плана содержания легче всего передать на примере «внутреннего перевода» знаменитой фразы Л.В. Щербы «*Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*»). ВФ плана содержания данного текста определяется потенциальными морфосинтаксическими значениями (субстанция ПС) русского языка, реализуемые через конкретные морфосинтаксические реализации – субстанцию плана выражения – суффиксы, порядок слов и т.д. (субстанция плана выражения).

Референциальная непрозрачность (отсутствие конвенционального значения) слов плана выражения «Глокой куздры» заставляет интерпретатора (внутреннего переводчика) формировать собственную субстанцию плана содержания (типа «Голодная корова резво боднула козла и пинает козленка») .

Реальным примером перевода непрозрачности ИТ является перевод знаменитого «*Jabberwocky*» Л. Кэрролла [14]. Несмотря на «заумь» этого стихотворного парадокса, в тексте сказки устами Шалтая-Болтая дается прямое восстановление ВФ составляющих ИТ псевдореферентных номинаций («*Twas brillig, and the slithy toves / Did gyre and gimble in the wabe*» – *«“Brillig” means four o'clock in the afternoon – the time when you begin broiling things for dinner,”slithy” means “litle and slimy” “Brillig” means four o'clock in the afternoon – the time when you begin broiling things for dinner.’ <…> “slithy” means “lithe and slimy”. “Lithe” is the same as “active” –* «*Варкалось. Хливкие шорьки / Пырялись по наве, / И хрюкотали зелюки, Как мюмзики в мове». – «Варкалось» — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед. «Хливекие» – это хлипкие и ловкие; «шорьки» – помесь хорька, ящерицы и штопора; «пырялись» – прыгали, ныряли, вертелись; «хрюкотали» – это хрюкали и хохотали ...*» [15, с.

284-285]. Здесь Н.М. Демурова исходит из произвольной субстанции плана выражения, ограниченной лишь рифмой и выбранным размером стиха (ВФ плана выражения), в целом коррелирующими с ИТ, создавая на языке перевода свою собственную ВФ плана содержания.

Восстановление ВФ номинации как интенциональности автора мы наблюдаем в следующем примере из той же «Алисы» в известных переводах, релевантность которых субъективна (по определению) и зависит от восприятия и оценки читателей ПТ (табл. 2):

Таблица 2

«Все чудесатее и чудесатее» (Н.М. Демурова)

“Curiouser and curiouser!” cried Alice		
Н. Демурова	В. Набоков	Б. Заходер
Все страньше и страньше!	*Чем дальше, тем страньше!*	*Ой, все чудесится и чудесится!*

Нетрудно заметить, что все три перевода построены на одной форме плана выражения – ненормативном образовании сравнительной степени прилагательного/наречия. С нашей точки зрения, все три перевода достаточно («оптимально» [9, p. 60-65]) релевантны, хотя по данным проведенных опросов [4, с. 20] максимально релевантным оказался еще один перевод Н.М. Демуровой, сделанный ею для радиоспектакля по сказке Кэрролла, – «*Все чудесатее и чудесатее*» (ср. [16, с. 324]). Перефразируя высказывание В. Шкловского, можно сказать, что привлекательность последней формулы определяется не ее семантикой (субстанция плана содержания – ‘степень удивления’), а особой формой плана содержания, выраженной морфо-лексической конструкцией (форма и субстанция плана выражения) – более поэтической, более «остраненной», так как «язык поэтический отличается от языка прозаического *ощутимостью* своего построения» [17, с. 294].

В известной когнитивно-эвристической модели перевода [18], концептосфера ИТ [19] служит субстанцией плана содержания для ПТ, однако его релевантность опосредована ВФ плана содержания, то есть интенциональной интерпретантой, лежащей в основе перехода от концепта к его релевантной словесной объективизации.

Так, в концептосфере романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» *ad hoc-концепт* [20], отражающий мир «высшего общества», пребывающего «на водах» с его праздными тревогами, огорчениями и даже, как следует из повествования, «маленькими (и большими) трагедиями» [3, с. 70], иронично названный «водяное общество», получил следующий перевод в сопоставляемых ниже ПТ (табл. 3):

Таблица 3

Ad hoc-концепт ВОДЯНОЕ ОБЩЕСТВО («Герой нашего времени»)

«*водяное общество*»	*society of the watering-place* –	*the spa society* –

	J.H. Wisdom & M. Murray [21].	M. Parker [22].

Не вызывает сомнения оптимальная (достаточная) релевантность (≈ «адекватность») обоих переводов. Тем не менее, в концептосфере романа номинация «водяное общество» полна иронии, что, на наш взгляд, более рельефно проявляется в номинации *society of the watering-place* («общество на водопое»), хотя и перевод М. Паркера может толковаться как некая «пост-ирония» [23].

Внутренняя форма перевода часто отражает логику взаимоотношений между *контекстуальной и концептуальной мотивированностью номинации* (амбивалентность субстанции плана содержания). Так, в переводах поэзии И. Бродского можно отметить различную степень релевантности в следующем сопоставлении (табл. 4):

Таблица 4

Концептуально-контекстуальная релевантность перевода (И. Бродский)

«*Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.* *Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку*?» [24]	A. *Don't leave the room, don't make the mistake. Why do you need the Sun, if you have a cigarette*? [25]	B. *Don't leave the room, don't make the mistake and run.* *If you smoke Shipkas, why do you need Suns?* [26]

Внутренняя форма переводов А и В так или иначе отличается от интенциональности автора ИТ. Конечно, Бродский играет с омонимией: «Солнце» – светило и марка сигарет, достигая семантического смещения и *когнитивного блендинга* в субстанции плана содержания ИТ [7, с. 275]. Как отмечает И.Г. Тамразова, «переводы с указанием на сорт сигарет <...> не передают главного – авторского смысла, грустной самоиронии: зачем тебе БОЛЬШОЙ МИР (Вселенная – Солнце) и все привычные его блага (солнце), когда у тебя свой – пусть ничтожный, но особый мир, отличающийся даже в малом: и в «простом» мире у тебя другие ценности, ты куришь 'другие сигареты'» [27, с. 279-280]. Перевод А представляется логической загадкой-парадоксом (впрочем, в стиле Бродского) – 'зачем тебе солнце, если ты куришь сигарету'. Поэтому степень релевантности здесь, на наш взгляд, склоняется в пользу перевода А как более близкого к внутренней форме плана содержания ИТ.

Подводя итог представленным рассуждениям, можно, на наш взгляд, утверждать о целесообразности введения в аналитику оценочной

транслятологии категорию релевантности, рассматриваемую сквозь призму модифицированного концепта «внутренней формы перевода».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпова*, С. Е. Внутренняя форма слова – мотивирующий признак наименования / С. Е. Карпова, Е. Н. Васильева // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). – С. 22-24.
2. *Пирс*, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 2000.– 350 с.
3. *Алферов*, А. В. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода / А. В. Алферов, Г. Е. Попова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2017. № 1. – С. 69-71.
4. *Алферов*, А. В. Функционально-стилистическая релевантность как критерий оценки качества перевода / А. В. Алферов, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. – Нижний Новгород, 2024. – С. 17-24.
5. *Gutt*, E.-A. Translation and Relevance / E-A. Gutt. – New York: Routledge, 2010. – 284 p.
6. *Алферов*, А. В. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе / А. В. Алферов, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. – С. 94-104.
7. *Алферов*, А. В. Эристическое в поэтическом переводе: семиотические коллизии формы и содержания / А. В. Алферов, И. Г. Тамразова // Индустрия перевода. 2018. Т.1. – С. 272-277.
8. *Ирисханова*, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
9. *Sperber*, D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford; Cambridge: MA, 1995. – 338 p.
10. *Попова*, Г. Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции / Г. Е. Попова. – Пятигорск, 2023.– 242 с.
11. *Кретов*, А. А. Лингвистическая теория реалии / А .А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. – С. 121-128.
12. *Gak*, V. G. Pour un calcul logique des equivalents de traduction / V. G. Gak // META. 1992. Vol. 37. №1. – P.139-148.
13. *Ельмслев*, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248с.

14. *Carroll*, L. Through the Looking Glass / L. Carroll. – М.: «Менеджер», 1999. –160 с.

15. *Кэрролл*, Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. – Пер. Н.М. Демурова. – М.: Наука, 1990.– 359с.

16. *Демурова*, Н. М. О переводе сказок Кэрролла / Н. М. Демурова // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. – М.: Наука, 1990. – С. 315–336.

17. *Шкловский*, В. Тетива: О несходстве сходного / В. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1970. – 376 с.

18. *Минченков*, А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности / А. Г. Минченков. – СПб: Антология, 2007. – 256 с.

19. *Огнева*, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: Монография / Е. А. Огнева. – М.: Эдитус, 2013. – 281 с.

20. Blakemore, R. Metaphor: Ad hoc concepts, literal meaning and mental images / R. Blakemore // Proceedings of the Aristotelian Society, 2010. – P. 295-321.

21. *Lermontov*, M. A Hero of Our Time / M. Lermontov / Translated from the Russian by J. H. Wisdom & Marr Murray. – New York: Alfred A. Knopf, 1916. – 333p. – URL: http://intersci.ss.uci.edu/wiki /eBooks /Russia/ BOOKS/ A%20Hero% 20of% 20Our% 20Time%20Lermontov.pdf (дата обращения 01.10.2017).

22. *Lermontov*, M. A Hero of Our Time / M. Lermontov / Translated from the Russian by Martin Parker. – Everyman Library, 1995. – 185p. – URL: http://litread. me/book/183084/103701-104805 (Дата обращения 21.01.2018).

23. *Wilson*, D. Explaining irony // D. Wilson, D. Sperber. Meaning and Relevance. – Cambridge: Cambridge UP, 2012. – P. 123-145.

24. *Бродский*, И. Сочинения: Стихотворения. Эссе / И. Бродский.– Екатеринбург: У-фактория, 2002. – 832с.

25. *Brodsky*, J. Don’t Leave the Room / J. Brodsky. URL: https://www.wattpad.com/ 455020746-my-favorite-poems-не-выходи-из-комнаты-don (дата обращения 12.01.2021).

26. *Brodsky*, J. Don’t Leave the Room / J. Brodsky. URL: https://brodskiy.su/ne-vyhodi-iz-komnaty-ne-sovershaj-oshibku/?lang=en (дата обращения 12.01.2021).

27. *Тамразова*, И. Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии / И. Г. Тамразова. – М.: Московский Политех, 2021. – 442 с.

УДК 81'373.23:82-34

Богова Майя Григорьевна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
иноязычного речевого общения,
Белорусский государственный
университет иностранных языков,
г. Минск, Беларусь
bomaya@gmail.com

Maya Bogova
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Language Speech
Communication,
Belarusian State University of Foreign
Languages, Minsk, Belarus
bomaya @gmail.com

Павлова Анастасия Валерьевна
выпускница Белорусского
государственного университета
иностранных языков,
г. Минск, Беларусь
izooww@bk.ru

Anastasia Pavlova
graduate of Belarusian State
University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
izooww@bk.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ГЕРОЕВ БЕЛОРУССКОЙ И АРАБСКОЙ МИФОЛОГИИ

LINGUISTIC AND CULTURAL DIFFERENCES IN CHARACTERISTICS OF BELARUSIAN AND ARABIC MYTHOLOGY HEROES

Древние мифы продолжают жить и остаются частью современной культуры. Интерес к мифологии и ее исследованию не угасает, так как именно она является фундаментом культуры и мышления общества. В статье анализируются аспекты характеристик героев белорусских и арабских мифов. Выделяются их общие черты и подчеркиваются различия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *миф*; *мифозои; локализация, облик и функции персонажей; этимология имен*.

Ancient myths live on and remain a part of modern culture. Interest in mythology and its study remains undiminished, as it forms the foundation of any society's culture and ways of thinking. This article analyzes aspects of the characteristics of Belarusian and Arabic mythological heroes, highlighting their common features and emphasizing their differences.

K e y w o r d s: *myth; mythical creatures; localization, appearance and functions of mythical characters; etymology of names.*

Книги о мифологии, созданные много лет тому назад, не теряют популярность и сегодня. Люди ценят мифы, легенды и сказки, так как они развивают воображение, помогают отвлечься от повседневной реальности, а главное – дают мудрые уроки и учат морали. Они являются частью культурного наследия любого народа, что обеспечивает сохранение его культурную идентичность. Знание мифов необходимо в межкультурной коммуникации для глубокого понимания ценностей, истории, картины мира и менталитета других

народов. Это помогает интерпретировать культурные коды, избегать стереотипов, эффективно выстраивать диалог, осознавая общие и специфические черты различных культур.

В нашем исследовании мы обратились к осмыслению роли белорусских мифических персонажей в формировании национальной идентичности и языковой картины мира Беларуси, а также к изучению особенностей арабской мифологии с целью преодоления компаративистского дисбаланса в изучении мифологических систем.

В научном обороте имеется отдельный термин, используемый для мифических персонажей, наделенных фантастическими морфологическими характеристиками и сверхъестественными силами – «мифозои» [1, с. 3]. Источником информации для исследования стала иллюстрированная энциклопедия «Герои мифов и легенд Беларуси» [2], англоязычные и арабские публикации [3; 4]. Для анализа были отобраны 45 персонажей белорусских мифов и 45 героев арабской мифологии. Характеристики героев включали ряд аспектов: место обитания; антропоморфные или зооморфные черты; наличие атрибутов и символов; личностные качества и моральные черты; описание типичных действий и роли героев в мифологической системе; взаимодействие с другими персонажами; влияние на окружающий мир; наконец, этимология их имени.

Сравнительный анализ белорусских и арабских мифических существ позволяет выделить несколько различий, обусловленных особенностями культуры, образа жизни и религиозных воззрений народов.

Локализация мифических существ. В первую очередь следует отметить, что белорусский миф тесно связан с конкретной территорией: дом, поле, вода, лес; арабский – с абстрактными пространствами: космос, пустыня, ад, рай. В арабской мифологии среда и мир обитания персонажей резко противопоставлены друг другу. Мифозои космического масштаба определяют устройство вселенной, духи безграничных враждебных пустынь олицетворяют тотальную опасность. Между ними находим джиннов, не имеющих четкой локации. Можно сделать вывод, что местоположение героев отражает мировоззрение кочевников: есть глобальный Бог и его творение; есть бескрайняя пустыня, испытание и угроза; а есть духи, странствующие между этими полюсами. В арабской мифологии Бог находится над миром, он создал его и управляет им извне. В белорусской мифологии человек не ходит в специальное место для общения с божественным, он живет внутри него постоянно, и его задача – выстроить гармоничные отношения с каждым из этих духов-хозяев, чтобы обеспечить себе благополучие и выживание.

В белорусской мифологии классификация существ по среде обитания идеально отражает оседлый образ жизни. Каждый дух привязан к конкретному, понятному и жизненно важному для человека месту, а сакральная сила не отделена от самого предмета или места. Лес не просто создан богом, он наполнен божественным присутствием, которое персонифицируется в

Лесовике. Озеро не просто творение, оно оживлено духом Водяника. В отличие от арабской мифологии, где сакральность часто связана с глобальными понятиями (рай, ад, судный день, космос), в белорусской мифологии священным становится повседневный крестьянский быт: заботе о доме и семье помогают Агневик и Дамася, работе в поле и урожаю – Житень и Паляся, даже такие места, как баня и хлев имеют своих духов – Лазника и Скарбника.

Облик мифических персонажей. В арабской мифологии внешность мифологических существ часто несет четкую символическую нагрузку. Внешность является прямым символом сущности, функции или морального статуса персонажа. Огромные размеры Бахмута или Куюсы символизируют их космическую роль, рог Каркаданна – его мощь, крылья Бурака – символ вознесения, связи между земным и небесным мирами. Эта символическая ясность отражает более позднюю, систематизированную и теологически проработанную стадию развития мифологии. Мир представлен не хаотичным, он устроен по определенным законам, и у каждого мифозоя в нем есть четкая роль.

В белорусской мифологии форма духа непостоянна и зависит от его настроения, ситуации или точки зрения наблюдателя. Эта изменчивость проистекает из верований, где дух – это сама сила природы, а природа по своей сути изменчива. Образ духа нестабилен, как нестабильны силы природы, которые он олицетворяет. Внешность часто не дает четкого ответа, добрый это дух или злой. Домовой может быть мохнатым. но это не делает его однозначно уродливым или страшным. Его образ говорит о его близости к дикому миру, а не служит простым символом зла. В свою очередь, Русалка выглядит привлекательно, но ее красота обманчива и опасна.

Функции мифических героев. В белорусской мифологии существа интегрированы в повседневную жизнь как часть экосистемы человека. Их ценность определяется практической пользой. Так Домовой значим не потому, что он добрый, а потому, что он охраняет дом и скот. Его функция критически важна для выживания семьи.

Для белорусского духа не существует понятия «абсолютного зла» или «абсолютного добра». Тот же Домовой может и помочь, и навредить. Его поведение – это прямая реакция на поведение человека. Поскольку мораль условна, а поведение ситуативно, со сверхъявственным можно и нужно договариваться. С мифозоями не ведут борьбы, а вступают в сложные, долгосрочные отношения. Мир белорусской мифологии – это комплексная структура,·многоуровневая система взаимоотношений человека и сил природы. Силы эти нейтральны, и задача человека – через ритуалы и правильное поведение направить их себе на пользу.

В арабской мифологии ключевым принципом организации персонажей выступает их принадлежность к силам добра или зла. Мифологическое пространство делится на два полюса: с одной стороны, находятся сущности, подчиненные божественной воле, с другой – демоны и бесы, идущие против Аллаха. Важной особенностью системы является абсолютная невозможность установления договорных отношений с темными демоническими силами.

Попытки установления негласных соглашений квалифицируются как религиозное нарушение. Позиция человека в этой системе определяется необходимостью совершения однозначного морального выбора и присоединения к одному из противоборствующих лагерей.

Этимология имен мифических персонажей. Наблюдаются значительные сходства в принципах образования имен мифозоев. Подавляющее большинство именований создано по принципу прямой связи с признаком персонажа. Арабская и белорусская мифологии используют звукоподражание для обозначения существ, чья сущность передается через звук. Имена возникают с помощью переноса признака по смежности или сходству (табл. 1).

Таблица 1

Элементы сходства в этимология имен мифических персонажей

№ п/п	Элементы сходства	Имя белорусских персонажей	Имя арабских персонажей
1	Описательный принцип номинации	*Зазовака* – от «зазывать»	*Варафу* – от «орошать»
2	Звукоподражательные имена	*Кук* – крик кукушки	*Дерево Вак-Вак* – звуки издаваемые плодами
3	Метонимия и метафора	*Аржавенник* – от «ржавчина», что соответствует цвету болота	*Абибль* – «верблюды», отмечено сходство стаи птиц с караваном

Анализ этимологии имен персонажей в арабской и белорусской мифологиях выявляет и существенные различия, что отражает особенности культурного развития, мировоззрения и традиций. В белорусской – имена происходят из местной лексики, связанной с природой, бытом и хозяйством: преобладает описательная образность. Четко прослеживается связь с местом обитания и внешними признаками; мифологические существа воспринимаются как неотъемлемая часть природного и бытового окружения человека. Белорусская мифология сфокусирована на конкретных явлениях природы, и имена мифозоев преимущественно простые, производные от одного корня с помощью суффиксов *-нік, -іца, -ак*, что подчеркивает их близость к повседневной жизни.

Таблица 2

Элементы различия в этимология имен мифических персонажей

№ п/п	Элементы различия	Имена арабских персонажей	Имена белорусских персонажей
1	Имена с богословским и анимистическим смыслом	Иблис – «отчаявшийся» Махди – «ведомый Богом» Шайтан – «противник»	Лясун – от «лес» Гуменник – от «гумно», т.е. ток, постройка для обмолота зерна Паляся – от «поле»
2	Структурная сложность	Зу-Самави – «Владыка небесный»	Лазнік – от «лазня», т.е. баня Багнік – от «багно», т.е. жидкая грязь, болото, топ
3	Семантика	Марид – «непокорство» Манат – «судьба»	Житень – от «урожай» Агнявик – от «огонь»

В арабской мифологии присутствует сильное влияние абстрактной теологии и письменных религий. Для арабских мифических героев характерны составные имена, отражающие иерархическую структуру мира, представлена абстрактная морально-этическая и эсхатологическая семантика. Выше отражены основные различия в принципах образования имен персонажей белорусской и арабской мифологии (см. табл. 2).

В обеих культурах наблюдается ярко выраженное преимущество мужских образов среди добрых персонажей. Они составляют большинство: 73% в белорусской мифологии и 69% в арабской.

Среди темных сил в белорусской мифологии доминируют женские образы, что формирует уникальный этнокультурный архетип «женского зла». В арабской мифологии в категории злых персонажей, напротив, сохраняется абсолютное превалирование мужских образов. Можно говорить о представлении универсальности мужского начала как основной движущей силы мироздания, независимо от ее моральной окраски.

Различие мифологических систем проявляется в том, что арабская мифология сохраняет маскулинный характер как созидательных, так и разрушительных сил, но белорусская мифология развивает ярко выраженный женский архетип злой силы, в этом ее уникальная этнокультурная особенность.

Подведя итоги, подчеркнем, что мифы содержат фундаментальные представления народа о добре и зле, месте человека в мире, что помогает понимать их традиции и образ мыслей. Знание мифологии, мифологической лексики, имен героев мифов позволяет глубже понимать смыслы, заложенные в речи носителей языка, и избежать недопонимания. Мифы способствуют пониманию ценностей и норм общества, предоставляют образцы поведения, оправдывают моральные принципы. Мифы структурируют мироздание, помогая упорядочить знания о различных культурах и найти точки соприкосновения. Объем статьи не позволяет продемонстрировать, как изучение мифов как части культуры дает возможность увидеть за «сказочным» сюжетом реальные исторические и психологические особенности народа.

Между тем, сравнение лингвокультурных характеристик мифических героев позволяет выделить элементы их сходства и различия. Белорусские мифы показывают прямую корреляцию между именем, функцией, местом обитания, внешними или поведенческими характеристиками белорусских мифических персонажей. Их имена не случайны, они являются отражением их сущности. Некоторые персонажи, например, Водяной, Русалка, Леля, Гаюн, встречаются в разных вариантах мифов и легенд, имеют устоявшиеся образы и функции, ярко выраженную роль в мифологических сюжетах. Они известны широкому кругу людей, даже не специализирующихся в мифологии.

Арабская мифология не является отвлеченной космогонией, а выступает неотъемлемой частью осмысления человеческого бытия. Сверхъестественные силы в этой системе населяют все уровни мироздания – от космоса до безлюдных мест и поселений человека. Этимологический анализ имен

мифозоев демонстрирует прямую и понятную для носителя языка связь между именем и сущностью, функцией или обликом персонажа.

В сравнительном ключе установлено принципиальное сходство арабской и белорусской мифологий в их разнообразии внешних форм существ и прозрачной семантической связи между именем и сущностью. Ключевое различие заключается в том, что арабская система носит глобальный и иерархический характер, а белорусская имеет локальной характер и привязанность к конкретному ландшафту.

Мифы — это не просто вымысел, а ключ к пониманию «культурной грамотности» и менталитета собеседника, что делает его неотъемлемой частью успешного межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова-Казас, О. М.* Мифологическая зоология / О. М. Иванова-Казас — СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2004. — 264 с.
2. Герои мифов и легенд Беларуси : Иллюстрированная энциклопедия с элементами дополнительной реальности. – Под ред. канд. социол. наук, доц. Г. П. Коршунова. – Минск : Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2018. – 111 с.
3. *Thompson, J. S.* The mysteries and secrets of magic / J. S. Thompson. – London, 1927. – 324 p.
4. لقرآن الكريم. المدينة المنورة : مجمع الملك فهد لطباعة المصحف الشريف, 2020. – 604 ص.

УДК 811.1’42

Борзенец Светланана Евгеньевна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
иноязычного речевого общения
Белорусский государственный
университет иностранных
языков, г. Минск, Беларусь
sborzenets@mail.ru

Sviatlana Barzianets
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Language Communication
Belarusian State University of
Foreign Languages,
Minsk, Belarus
sborzenets@mail.ru

Горохова Екатерина Дмитриевна
выпускник
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь
goroxovaed@gmail.com

Katsiaryna Harokhava
Graduate
Belarusian State University of
Foreign Languages,
Minsk, Belarus
goroxovaed@gmail.com

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕЛЕСНОЙ ПОЛНОТЕ В ЭПОХУ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

VERBALIZING EXCESS WEIGHT IN POLITICAL CORRECTNESS ERA

В статье анализируется реализация принципов политкорректности в современном англоязычном дискурсе на примере лексики, описывающей телесную полноту. Результаты демонстрируют сосуществование грубых стереотипов и устойчивой тенденции к смягчению формулировок, отражающей рост социальной чувствительности.

Ключевые слова: *политкорректность; английский язык; телесная полнота; контекстуальный анализ; эвфемизм.*

The article analyzes the implementation of political correctness principles in modern English linguistic practice, focusing on vocabulary describing excess weight. The results demonstrate the coexistence of stereotypes and a stable trend towards softened formulations, reflecting increased social sensitivity.

Key words: *political correctness*; *the English language*; *excess weight*; *contextual analysis*; *euphemism.*

Культурно-поведенческая и языковая тенденция, ныне известная как «политическая корректность», развивалась как реакция на проявление разного рода предубеждений в социальной сфере, изначально расовых, и таким образом отразила запрос общества на гуманизацию. Суть явления, как указывает С. Г. Тер-Минасова, заключается в «стремлении найти новые способы

языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п. [1, с. 215].

Для обеспечения коммуникации на социально-чувствительные темы обществу был предложен ряд номинаций (например, *the fat* 'толстые' → *horizontally challenged people* 'люди, преодолевающие трудности в силу своих вертикальных пропорций'), предсказуемо оттолкнувших языковое сообщество. Памятником этому периоду языкового новаторства стал остроумный бестселлер Дж. Ф. Гарднера «Политически корректные сказки на ночь», увидевший свет в 1994 году [2].

Феномен политкорректности многопланов, отдельные его аспекты исследуются в ряде работ. Предметом одних является реализация политкорректности в разных типах дискурса (например, в клиентском дискурсе [3], в медицинском [4] или политическом [5]), в межкультурной коммуникации [6]. Внимание уделяется проблеме имплементации политкорректных слов и выражений в речь [7]; аспект политкорректности признается значимым при семном описании слов [8].

Исследовательский интерес, реализуемый в настоящей работе, заключается в оценке того, насколько англо-американское языковое сообщество продвинулось в воплощении в жизнь идей социальной толерантности и политкорректности применительно к одной из наиболее чувствительных тем – теме телесной полноты. Анализ был направлен на выявление способов вербализации представлений о телесной полноте и их оценочных характеристиках.

В качестве эмпирического материала использовались контексты, содержащие суждения Интернет-пользователей относительно телесной полноты, отобранные на англоязычных тематических форумах и платформах для обсуждений (reddit.com, quora.com, Medium). Такой выбор источников позволил отследить актуальные социокультурные тенденции. Поиск материалов проводился с использованием ключевых слов и запросов, связанных с понятием телесной полноты (например, *fat*, *plus-size* и т. п.). В ходе отбора было зафиксировано 50 контекстов, содержащих описания внешности, мнения и оценки пользователей.

Обратимся к анализу лексических средств, используемых в английском языке для обозначения телесной полноты и описания людей с избыточным весом.

Наиболее часто употребляемыми лексемами в английском языке для обозначения телесной полноты являются слова *overweight* и *fat*. Лексема *overweight* используется преимущественно в нейтральных, медицинских и формально-описательных контекстах, что делает её универсальной и приемлемой для широкой аудитории:

There are plenty of people that prefer ***overweight*** *or* ***fat*** *people over the conventionally attractive people*; *There are of course many health problems related*

to being ***overweight***; *I do not mind being* ***overweight****, it isn't something I am ashamed of*; *I've been* ***overweight*** *most of my life*; *But there's nothing wrong with people being* ***overweight***.

В то же время слово *fat* встречается как в нейтральных контекстах, так и в стигматизирующих высказываниях, выступая носителем выраженной оценочности:

If a woman is ***fat*** *or ugly, it's often treated as her having less value or worth by default*; *I get that being* ***fat*** *comes off as lazy; As a* ***fat*** *person, bullying and criticizing do not work when you want to help someone lose weight*; *I used to have biases against the* ***fat*** *people in grocery stores on the motor scooters*; ***Fat*** *people know they are* ***fat*** *and they don't need you to tell them*; *A* ***fat*** *person on TV is often shown being lazy, greasy, smelly, oily, grumpy*.

Помимо базовой формы *fat,* в речи активно употребляются производные от неё, например, *a fatty*, обладающие ярко выраженной сниженной стилистической окраской:

I hate ***fatties*** *because of excuses*.

Такие слова, как правило, используются в неформальной ироничной манере, часто приобретают оскорбительный и уничижительный характер.

Заметим, что лексемы *fat* и *overweight* зачастую функционируют в контексте совместно с негативно окрашенной лексикой, усиливающей стигматизирующий эффект. В таких контекстах нередко встречаются слова *ugly, lazy, greasy, smelly, grumpy, oily*, формирующие образ человека с лишним весом как физически непривлекательного, неухоженного и неактивного. Выражение *health problems,* также отмеченное нами в такого рода высказываниях, акцентирует внимание на предполагаемой ненормативности состояния, сообщая телесной полноте медицинскую проблематизацию. Использование конструкций *bullying and criticizing* или *to have biases against* указывает на частые проявления дискриминации по отношению к полным людям, в то время как глагол *hate* и его производные выражают открытое осуждение и неприязнь. Таким образом, даже в бытовых дискуссиях лексика, связанная с телесной полнотой, часто приобретает ярко выраженный негативный и социально маркированный характер.

При этом в анализируемых контекстах встречаются и сопутствующие элементы, направленные на смягчение негативной оценки и формирование позитивного отношения к телесности. К ним относятся следующие высказывания:

beauty *has no weight limit*; ***love*** *the body you're in*; ***confidence*** *has no size*; *size does not define my* ***worth***; ***beautiful*** *souls are never out of shape*; *I am more than a number on a scale*; ***flaunt*** *your curves,* ***embrace*** *your edges*; ***charm*** *is more than skin deep*.

Эти выражения не содержат ключевой лексики исследования, но важны как культурный фон: они отражают альтернативную систему ценностей, где телесная полнота не воспринимается как недостаток, а тело рассматривается как многообразное и индивидуальное. Их активное использование в медиа и

социальных сетях способствует снижению уровня дискриминации и формированию культуры принятия.

Помимо лексем *overweight* и *fat* в англоязычном дискурсе также часто употребляется слово *obese*:

*We have more **obese** people in the world right now, than we ever have in human history*; *Just because we are **obese** doesn't mean we can't do physical activity*; *I feel bad about people that are super **obese***; *I work with several **obese** women, and they seem to have stopped caring*.

Особого внимания заслуживает устойчивое сочетание *morbidly obese*, встречающееся во многих высказываниях:

*I used to be **morbidly obese***; *No one who is **morbidly obese** is in excellent health*.

Это словосочетание характерно для медицинского и формального контекста, указывая на крайнюю степень избыточного веса, сопряженную с серьезными рисками для здоровья. Употребление данной лексики свидетельствует о стремлении говорящих к точности, объективности и научной корректности в описании телесной полноты. Это также подчёркивает влияние медицинского дискурса на повседневную речь, где такие термины используются не только специалистами, но и широкой аудиторией.

Значительное распространение получили также более мягкие, политкорректные обозначения, такие *как curvy, heavy, husky,* chubby. Их использование обусловлено стремлением избежать грубости и прямоты в речи, продемонстрировать уважение к собеседнику:

*I got **heavy** over the pandemic*; *I have so much empathy for **heavy** people*; *God did make me **curvy**; I'm **pretty chubby** myself and I thought I was healthy until I was diagnosed with diabetes*; *I'm not **chubby** for the first time in a long while*; *I'm a **husky** guy who works out*; *I've known girls who are **more rubenesque** and **thicker**.*

Примечательно использование сравнительной степени прилагательного вне ситуации сравнения с целью указания на лишний вес:

*I'm a **bigger** person*; *These jeans would suit **fuller** figures*; *I've always been **heavier***; *I am a **larger** person*.

Сравнительная форма придает высказыванию более мягкий, менее прямолинейный характер, снижает потенциальную конфликтность речи. Кроме того, такие формы позволяют говорящему выразить мысль более деликатно, сохранив уважительное отношение к себе или к другим людям, что особенно важно в контексте тем, связанных с внешностью, самоощущением и принятием тела.

Среди контекстов, лишенных негативной коннотации, стоит особо отметить следующий:

*Would people say "**horizontally enhanced**"?*

Это словосочетание намеренно воспроизводит форму выражений раннего этапа эпохи политической корректности, на что также указывает использование кавычек. Будучи использовано точечно, оно звучит (само)иронично, демонстрирует желание говорящего выразить принятие и толерантность.

В целом подобные выражения особенно характерны для дискурса, связанного с бодипозитивом и самоидентификацией, где акцент делается на уникальности телесности и отрицании стандартов внешности.

В противоположность этому существует пласт лексики, имеющей выраженно негативную, стигматизирующую окраску. К числу таких единиц относятся *fat hippos, melting ice cream cone, livestock*, используемые для демонстрации сарказма, насмешки или открытой агрессии:

She looks ***like a melting ice cream cone***; *How these* ***fat hippos*** *get their confidence*; *Commercial passenger planes aren't designed for* ***livestock***.

Подобная лексика указывает на сохраняющуюся в обществе предвзятость и дискриминационные установки в отношении людей с избыточным весом.

Также в англоязычном дискурсе весьма часто встречаются слова и выражения, содержащие компонент *size*:

Plus size *girls deserve love and appreciation*; *It's very rare to see such* ***big sized*** *people*; *It's the easiest way I've found as a* ***plus sized*** *person.*

Наиболее распространённым является прилагательное plus-size, используемое в контексте описания людей, одежды или образа жизни, связанного с большей, чем стандартная, комплектацией тела. Помимо этого, активно используются выражения вроде *big-sized, larger size* и выражения типа *confidence has no size* или *beauty comes in all shapes and sizes*. Подобные конструкции отражают современную тенденцию к более политкорректному, мягкому, уважительному и инклюзивному описанию телесной полноты, акцентируя внимание не на весе или форме тела как проблеме, а на праве каждого человека чувствовать себя красивым и достойным независимо от размера. Частотность употребления таких выражений отражает влияние социальных движений за бодипозитив и инклюзивность на язык.

Анализ лексических средств, используемых для обозначения телесной полноты на англоязычных Интернет-площадках, позволяет сделать следующий вывод. Наиболее часто (в 38% случаев) в исследованных контекстах используются слова, сообщающие высказыванию нейтральный характер (*fat, overweight, big-sized u obese*).

Отметим достаточно широкую распространенность в контекстах (22% случаев) эвфемизмов и лексических единиц с положительной окраской (*curvy, chubby, bigger person, rubenesque* и др.). Эти формы отражают стремление говорить о телесной полноте более уважительно, избегая стигматизации. Часто они используются в рамках бодипозитивных высказываний и рекламы инклюзивной моды. Это свидетельствует о тенденции к смягчению выражений и к стремлению избегать открытой дискриминации по внешности.

В 20% контекстов говорящие избегают прямого указания на лишний вес. Подобная стратегия позволяет сместить акцент с оценки на положительные индивидуальные особенности, избежав категоричности и выражая поддержку.

При этом стоит подчеркнуть, что в англоязычном дискурсе всё же встречаются и откровенно грубые или уничижительные метафорические номинации, обозначающие лицо, обладающее телесной полнотой (в 20% случаев), такие как *fat*, *fatty*, *livestock*. Их употребление, как правило,

сопровождается выражением презрения, и они чаще всего встречаются в агрессивных или стереотипизированных суждениях.

Таким образом, можно заключить, что в англоязычном дискурсе наблюдается устойчивая тенденция к смягчению и уходу от жестких формулировок, выработка эвфемистичных речевых формул, что отражает изменения в общественном восприятии телесной полноты, общее движение в сторону инклюзивности и повышения социальной чувствительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/SLOVO, 2000. – 262 с.
2. *Gardner, J. F.* Politically Correct Bedtime Stories / J. F. Gardner. – New York [etc.], 1994. – 94 с.
3. *Михайлова, М. С.* Языковой такт при именовании лица в англоязычном клиентском дискурсе / М. С. Михайлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2021. – № 2. – С. 101–105.
4. *Афанасова, В. В.* Политкорректные слова и выражения в современном языке медицины / В. В. Афанасова // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 57–63.
5. *Кузнецова, Н. В.* Многообразие подходов к трактовке феномена политкорректности / Н. В. Кузнецова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018. – № 1. – С. 20–24.
6. *Рубина, Н. Б.* «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке / Н. Б. Рубина // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 35–41.
7. *Никитина, Е. Ю.* Эвфемизмы как средство формирования у младших школьников речевого и языкового такта на уроках русского языка (на примере учебного материала по лексике) / Е. Ю. Никитина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета – 2015. – № 2. – С. 100–112.
8. *Стернин, И. А.* Социально-нормативный компонент в структуре значения слов / И. А. Стернин, Е. А. Маклакова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 127–132.

УДК

Бричикова Валентина Георгиевна
доцент, Белорусского государственного университета иностранных языков, г.Минск

Brychykava V.
Associate Professor, Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

КИНО/ВИДЕО ПЕРЕВОД И ЕГО МЕСТО В ОБЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ПЕРЕВОДА

FILM VIDEO TRANSLATION AND ITS PLACE IN THE TRANSLATION CLASSIFICATION

В статье анализируются особенности кино/видео материалов и стратегии достижения адекватности перевода. Показаны сильные и слабые стороны основных видов кино/видео перевода.

Ключевые слова: кинемотограф, оригинал, киноперевод, качественная передача смысла.

The article analyzes features of film video materials as well as strategies for achieving translation adequacy. Strengths and weaknesses of the main film video translation types are described.

Keywords*:cinematography, original, film translation, high-quality communication of translation.*

С коммерциализацией мирового кинематографа и стремительным развитием систем обработки и демонстрации видеоматериалов, адекватный и качественный перевод на иностранные языки является немаловажной составляющей творческого и коммерческого успеха каждого аудиовизуального произведения.

В непрофессиональном, широком понимании дать определение понятию «перевод» достаточно просто. Мы можем называть переводом любой случай выражения текста, созданного на одном языке, при помощи средств другого языка. Так как язык является своего рода кодом или знаковой системой, а именно произвольным обозначением предметов и явлений действительности путем использования условных знаков, то перевод можно определить, как перекодирование текста, так как каждый из используемых условных знаков при переводе заменяется на знак другой знаковой системы. То есть перевод есть ничто иное как процесс и результат интерпретации смысла текста на одном языке (исходном языке) и создание нового эквивалентного ему текста на другом языке (переводящем языке).

Из этого следует, что перевод, как отметила О.А. Александрова, «это перевыражение или перекодирование исходного текста» [1, с. 7]. При этом за

основу мы берем предельно широкое понимание термина «текст» и имеем в виду любое устное высказывание и любое письменное произведение, начиная от рекламного объявления, заканчивая романом. Тем не менее, существуют некоторые ограничения. В переводоведении понятие «текст» играет главенствующую роль, но говоря о переводе, мы ограничиваемся текстами на живых человеческих языках.

В отличие от лингвиста переводчик работает не только с языком, но и с его конкретными речевыми проявлениями, то есть текстами. Под термином «текст» мы понимаем речевое произведение, при помощи которого осуществляется вербальная коммуникация между людьми [2, с. 59]. Любой текст как произведение речи имеет собственное содержание и несет определенную информацию, смысл которой передается в процессе перевода. Это содержание и называют смыслом. Смысл высказывания и значения его составляющих не тождественны друг другу. Значение высказывания заключено в единицах языка – оно существует и тогда, когда единицы языка не употреблены в коммуникации напрямую и не актуализировались в речи, образуя тем самым смысл текста высказывания. Переводчик оперирует языковыми единицами, однако именно смысл, а не слова, является объектом передачи в переводе. Таким образом, главная задача переводчика передать смысл текста, а не перевести отдельные слова. Это основополагающий принцип перевода, который был высказан христианским писателем и богословом Иеронимом Стридонским в VI веке н.э.: «я передаю не слово словом, а мысль мыслью» [1, с. 13]. Несоблюдение данного ключевого принципа перевода нередко приводит к чересчур буквальному переводу, а именно к так называемому переводу «слово в слово». В результате этого нарушаются нормы языка и искажается изначальный смысл текста.

Существует несколько различных вариантов перевода как деятельности, которая заключается в перевыражении текста. Классификация видов переводов может осуществляться по различным параметрам, среди которых О.А. Александрова выделяет следующие [1, с. 31]: 1) форма презентации текста перевода и текста оригинала/психолингвистическая классификация; 2) полнота и тип передачи смыслового содержания оригинала; 3) жанрово-стилистические особенности и жанровая принадлежность переводимого материала.

По форме презентации текста оригинала и текста перевода выделяют **устный и письменный перевод**. Данные виды перевода также входят в другую, психолингвистическую классификацию, которая основана на способах восприятия текста оригинала и создания текста перевода.

По полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала выделяют следующие виды перевода: 1. **полный перевод** – это перевод, который передает смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений. 2. **неполный перевод** – это перевод, который передает смысловое содержание оригинала с некоторыми пропусками и сокращениями [1, 3].

Жанрово-стилистическая классификация основывается на жанрово-стилистических особенностях оригинала и обуславливает выделение

информативного (специального) перевода и художественного (литературного) перевода [4,5].

Информативный перевод – это перевод текстов научного, общественно-политического, делового, бытового и прочего характера. К этому виду также следует отнести перевод многих детективных (полицейских) рассказов, очерков, описаний путешествий и им подобных произведений, в которых преобладает чисто информационное повествование.

Художественный перевод – это перевод произведений художественной литературы. В зависимости от того, к какому жанру художественной литературы принадлежит текст оригинала, в художественном переводе различают несколько подвидов перевода. В качестве таких подвидов выделяют перевод прозы, перевод поэзии, перевод пьесы и т.д. Основной целью любого художественного произведения является создание определенного художественного образа и достижение определенного эстетического воздействия. С целью обеспечения художественности перевода, художественному переводу свойственны отклонения от максимально возможной смысловой точности.

В.В. Алимов подразделяет переводимые тексты на 3 группы – художественный, общественно-политический и специальный. К художественному переводу относятся жанры прозы, поэзии и фольклора. К группе общественно-политического перевода относятся переводы текстов, которые связаны с одноименной сферой деятельности человека. К группе «Специальный перевод» он относит профессионально-ориентированные переводы, т.е, которые связаны с определенной профессией или специальностью [5].

Однако стоит отметить, что не существует единой классификации видов перевода. Это обусловлено многогранностью перевода, и соответственно, наличием большого количества критериев его классификации. В данном исследовании основным интересом для нас является классификация по форме презентации текста оригинала и текста перевода, а также психолингвистическая классификация, так как компоненты данных классификаций совпадают. Под термином «кино/видео перевод» обычно понимают перевод художественных игровых и анимационных фильмов, сериалов. Согласно М. К. Горбовскому, сам термин «перевод» «соотносится по меньшей мере с двумя различными понятиями: перевод как некая интеллектуальная деятельность, т.е. процесс, и перевод как результат этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком» [6, с. 6]. Как продукт кино/видео перевод подразделяется на три вида: титры (субтитры и интертитры), синхронный закадровый перевод и дубляж.

Кино/видео перевод как процесс заключается в литературной межъязыковой обработке содержания оригинальных монтажных листов с последующей ритмической укладкой переводного текста и его озвучивания или введения в видеоряд в форме субтитров. В большинстве работ, посвященных кино/видео переводу, данный термин отождествляется с термином «аудиовизуальный перевод». Как считает Р. А. Матасов, это не совсем верно,

так как термины «аудиовизуальный перевод» и «мультимедийный перевод», которыми обозначается межъязыковая передача содержания не только художественных кино- и видеофильмов, но также компьютерных программ, телевизионных новостных выпусков, рекламных роликов и театральных спектаклей посредством супертитрования, являются гиперонимическими по отношению к термину «кино/видео перевод» [7, с. 6-7].

Попытка отнести кино/видео перевод к тому или иному конкретному виду в рамках обозначенных выше классификаций не дает однозначного ответа. Если брать за основу классификацию видов перевода В. Н. Комиссарова [4], данный вид перевода в психолингвистической классификации не может рассматриваться как собственно устный перевод, так как в идеальном варианте он подготавливается письменно с опорой на письменный скрипт, представленный монтажными листами и, следовательно, на этапе, предшествующем озвучиванию, его необходимо рассматривать как письменный перевод. В некоторых случаях, при отсутствии возможности осуществить означенный предварительный перевод переводчик может переводить текст фильма с опорой на письменный текст, что сближает такой вид перевода с «переводом с листа».

К примеру, кино/видео перевод при дублировании во многом схож с письменным переводом: переводчик имеет доступ к монтажному листу, то есть написанному тексту, и осуществляет перевод этого текста также в письменном виде. Принимая во внимание то, что перевод художественного фильма – это особый вид художественного перевода, мы можем применить к такому переводу требования качества перевода художественных произведений: переводчик обязан соблюдать нормы литературного языка (если обратное не предусмотрено сценарием фильма), соблюдать конвенциональные, жанрово-стилистические нормы, придерживаться максимального отхода от дословности в переводе и т.д. Тем не менее, при этом важно учитывать специфические особенности киноперевода и помнить, что звучание реплик персонажей ограничено временными рамками. Вероятно, именно эта специфика кино/видео перевода является наиболее проблемным его аспектом. Английскому языку (языку оригинала), в отличие от русского языка (языка перевода) характерна большая компактность: меньшее количество слогов в словах, тенденция английской разговорной речи к сокращениям, более быстрый темп английской речи по сравнению с русской речью.

Исходя из переводческой практики, в итоге русский перевод английского текста в большинстве случаев по объему получается больше оригинала. Для преодоления данных и подобных им расхождений переводчик обязан прибегать к различным переводческим трансформациям и приемам и максимально использовать навыки речевой компрессии. Особая проблема заключается в передаче безэквивалентной лексики, т.к. основным способом ее передачи является экспликация, что является неприемлемым в условиях строгого ограничения по времени звучания отдельных реплик ввиду громоздкости и многословности итогового эквивалента в тексте перевода. Необходимостью соблюдать хронометраж при переводе обусловлена еще одна особенность

дублированного перевода – это соблюдение синхронности, совпадение артикуляции актеров и переведенных реплик. Для решения данной задачи переводчик вынужден идти на большие вольности, чем при письменном переводе художественной литературы и прибегать к синтаксическому уподоблению, опущениям и добавлениям, что в некоторых случаях может привести к искажению смысла исходного текста.

Особенно проблемную область киноперевода составляет учет видеоряда, сопровождающего реплики актеров. Помимо отмеченной ранее необходимости учитывать артикуляцию актеров при переводе, существует еще целый ряд нюансов, обусловленных наличием видеоряда.

Реплики героев, так или иначе, соотносятся с происходящим на экране. Этим в значительной степени обусловлен выбор способа перевода. Так, например, при переводе художественной литературы переводчик может переиграть оригинальную шутку, заменить ее на привычную носителю другой культуры ситуацию, создающую похожий эффект с целью сохранения юмористического эффекта. Тем не менее, при киноперевоже наличие в кадре референта шутки переводчик лишается подобной возможности. Поэтому, во многом, адаптация текста к иноязычной культуре, построенной на иной системе ценностей и понятий, обуславливает неизбежную потерю в восприятии переводного кино с чуждой тематикой и несовместимыми для другой лингвокультуры представлениями.

Таким образом, при переводе художественного фильма переводчик решает те же проблемы, с которыми сталкивается при переводе художественной литературы (достижение максимально возможного уровня эквивалентности, передача культурной специфики, учет различия языковых признаков, создание ярких образов и т. д.), а также вынужден учитывать специфические особенности аудиовизуальных текстов и возможные проблемы экстралингвистического характера. К подобным проблемам Р. А. Матасов относит следующие [7]: 1) неразборчивую (очень тихую) речь персонажей; 2) кинесику и интонацию; 3) полилог, создающий проблему выбора наиболее значимых с точки зрения развития и понимания сюжета высказываний киногероев.

Данная своеобразная «гибридность» перевода кино/видео материалов нашла отражение в «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина, который отмечает, что «перевод кино/видео материалов сочетает черты синхронного, последовательного и письменного перевода в зависимости от цели и характера работы (перевод на аудиторию, для дубляжа, озвучивание и пр.)» [8, с. 53]. В то же время И. С. Алексеева рассматривает данный вид перевода как разновидность синхронного перевода, обозначая перевод в кино как «синхронизацию видеотекста» [3, с. 19-20].

Как пишет А. В. Козуляев, руководитель школы аудиовизуального перевода, «теоретики перевода признали кино/видео перевод не частной разновидностью теории перевода, а самостоятельной областью исследования [9, с. 15]». Причина тому – наличие очевидных кардинальных отличий аудиовизуального перевода от других видов переводческой деятельности.

Основные отличия заключаются в наличии в аудиовизуальном переводе внеязыковых ограничений, относящихся к построению, структуре и синтаксису визуального ряда произведений.

Таким образом, мы можем сказать, что кино/видео перевод в чем-то подобен переводу художественной литературы, но тем не менее имеет свои отличительные черты:

1. Каждый фильм представляет собой сообщение, так как имеет своего отправителя (автора сценария, режиссера и актеров), получателя (зрителя) и канал передачи. В фильме, как и в языковой системе, выделяют наименьшую значимую единицу кадр, а иногда и последовательность кадров. Согласно Ю. М. Лотману, «сущность киноискусства заключается в синтезе двух типов повествования – изобразительного и словесного, и художественный фильм выстраивается на основе разных кодов, причем все они обусловливают друг друга. Законченный список уровней киноязыка составить весьма сложно, т. к. элементом киноязыка может быть любая единица текста (зрительно-образная, графическая или звуковая), которая имеет альтернативу, хотя бы в виде неупотребления ее самой, и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением. При этом необходимо, чтобы как в употреблении ее, так и в отказе от ее употребления обнаруживался некоторый уловимый порядок (ритм). Весь механизм сопоставлений и различий, связывающий кинообразы в повествование, может быть охарактеризован как принадлежащий грамматике кинематографа. Вместе с тем у кино есть и лексика – фотографии людей и предметов становятся знаками этих людей и предметов и выполняют функцию лексических единиц» [10, с. 315, 323]. Поскольку в художественном фильме на коннотации языковых единиц часто накладываются коннотативные значения образов и музыкального оформления, кинематографические знаки могут раскрывать целое множество латентных означаемых.

2. Фильм является прежде всего игрой актеров, которая сопровождается определенным музыкальным звукорядом, поэтому задача переводчика состоит в том, чтобы передать все нюансы переводимых реплик, не изменив при этом режиссерскую задумку и не вложив в реплики героев собственной оценки происходящему. Иначе говоря, при переводе фильма переводчик не пересматривает концепцию автора, а осуществляет строгое смысловое и интонационное сопровождение происходящего на экране.

3. Каждый кинофильм имеет свой прагматический потенциал, так как в художественном фильме значение языковых единиц часто накладывается на значение образов и звукового сопровождения, которые в сочетании являют собой множество закодированных посланий автора, которые придают определенное эмоциональное значение всему произведению.

4. В настоящее время в кинопродукции намечается тенденция к активному использованию вульгаризмов, сленга и сниженной лексики. Вероятно, это происходит потому, что сама кинопродукция зачастую ориентирована на определенную возрастную группу зрителя, для которой основным критерием успешности фильма будет не столько адекватность

перевода и его эквивалентность оригиналу, сколько его зрелищность, близость к просторечию и жаргону, степень пошлости и юмора.

В качестве основы для классификации видов кино/видео перевода может выступить критерий, предложенный А. В. Козуляевым, а именно критерий уровня взаимодействия параллельных потоков информации и нарастающую для переводчика необходимость учитывать холистические факторы (визуальные и референтные) при движении от одного вида аудиовизуального перевода к другому. По данному критерию исследователь выделяет следующие виды перевода [9, с. 19]:1.**Перевод для закадрового озвучивания**, или войсовер (voice-over): приглушение звуковой дорожки на исходном языке и озвучивание на языке перевода. При таком виде аудиовизуального перевода существует минимум ограничений: переводчик не связан с визуальным синтаксисом аудиовизуального текста, а актер, читающий его перевод, имеет пространство для ускорения темпа речи. Этот вид перевода используется в основном при озвучивании иностранных фильмов и сериалов, выходящих на телевидении и на DVD. 2. **Субтитрование (subtitling)**. Согласно определению, которое представлено В. Е. Горшковой, межъязыковое субтитрование – это «сокращённый перевод диалогов фильма, отражающий их основное содержание... и сопровождающий в виде печатного текста визуальный ряд фильма в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части экрана» [11, с. 31]. Субтитры – это текст, ориентированный на визуальное восприятие, поэтому они должны быть привязаны к смене планов в кадре, что укорачивает время перевода. В этом случае основная задача переводчика заключается в том, чтобы текст перевода был удобочитаемым и помещался в выделенные эпизоды аудиовизуального произведения. М. В. Савко приводит следующую классификацию субтитров: внутриязыковые (intralingual), межъязыковые (interlingual), открытые (open), скрытые (closed) [12]. 3.**Дублирование (дубляж)**: «особая техника записи, позволяющая заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода, так и один из видов перевода» [10, с. 35]. Безусловно, самым важным принципом дубляжа является синхронизм изображения и звука. А. В. Козуляев отмечает, что «при полном дублировании («липсинге» (в некоторых источниках обозначается также как «липсинк») необходимо синхронизировать движения губ и фонетический образ текста» [9, с. 15].

С. А. Кузьмичев выделяет те же виды перевода кинофильмов с привязкой к странам СНГ, добавив еще такой вид перевода, как синхронный закадровый перевод. Автор предлагает следующую классификацию, ранжируя виды кино/видео перевода по популярности [13, с. 143]: 1. Дубляж. 2. Закадровое озвучивание. 3. Субтитрование. 4. Синхронный закадровый перевод. Данный вид перевода ранее использовался на международных кинофестивалях, кинонеделях и других подобных мероприятиях. На сегодняшний день этот вид перевода фильмов практически себя изжил, так как все фильмы на международных киномероприятиях в обязательном порядке субтитруются.

Как уже было сказано выше, дубляж является одним из видов кино/видео перевода. Дубляж, вероятно, является для переводчика одной из самых сложных техник. Как пишет в одной из своих работ А. В. Козуляев, при дубляже «переводчик обязан понимать, что требование синхронности движения губ и требование изохронии (одинакового времени звучания исходного и переведенного текстов) является основным. В то же самое время никуда не исчезает и необходимость максимально точного воспроизведения общего и частного смыслов текстов исходного произведения» [9].

Процесс непосредственного дублирования кинофильма можно разделить на несколько этапов. Первым этапом является детекция – выявление особенностей звукоряда (речевой рисунок, шумовые эффекты) и видеоряда. В этот этап также включается принятие решений о степени обязательности передачи тех или иных элементов лингвистической системы аудиовизуального текста. Помня о триединстве слова, аудио– и видеоряда, переводчик начинает работу со знакомства с каждым из данных компонентов. Задачу переводчика может значительно облегчить наличие скриптов, однако в таком случае переводчик нередко фокусирует внимание именно на письменном тексте, в то время как опора на аудио – и видеоконтекст уходит на второй план, хотя она необходима не только на этапе собственно детекции, но и в процессе самого перевода и на завершающем его этапе, что обусловлено требованием соразмерности текста перевода и его оригинала. Завершающим этапом работы переводчика над аудиовизуальным текстом является синхронизация. При дубляже требование синхронизма включает синхронизацию речевых движений. А. В. Козуляев, цитируя Шома (2004), отмечает, что «в мире профессионального дубляжа-липсинга высший приоритет в ходе процесса перевода отдается синхронизации движений губ и фонетического образа переведенного текста. Качество перевода оценивается, исходя из того, насколько переводчик "уложил текст в губы"» [10]. При непосредственном участии переводчика режиссер дубляжа и укладчик (специалист по синхронизации русского текста с артикуляцией актеров на экране) создают синхронный текст, в котором помимо размера надо также сохранить стиль, лексику и другие нюансы, буквально вложив его в артикуляцию персонажей кинофильма.

Зачастую главная проблема переводчика заключается в том, как синхронизировать оригинал текста и его перевод и не перенести в текст перевода синтаксические структуры исходного языка. Попытки максимально синхронизировать текст перевода с текстом оригинала приводит к тому, что переводчики попадают в своеобразную ловушку интерференции — вторжения системы исходного языка в систему языка перевода. Это нередко наблюдается даже при переводе на родной доминантный язык и может затрагивать любой из языковых уровней: 1)межъязыковые (interlingual). Так называемый диагональный тип субтитрования, при котором меняется и перцептивная модальность, и язык; 2) открытые (open). Неопциональные, являющимиея неотъемлемой физической частью фильма или телепрограммы;.3)скрытые

(closed). Опциональные, представляемые в виде телетекста, просмотр которого возможен при применении соответствующего декодера [13, с. 354].

Зачастую выбор типа перевода определяется видом аудиовизуального текста: так, художественные фильмы обычно переводятся при помощи дубляжа, для документальных фильмов и большинства телепрограмм используется закадровое озвучивание. Однако наиболее полную характеристику видов кино/видео перевода с точки зрения их сильных и слабых сторон, которые мы рассмотрим в следующей таблице, дал Р. А. Матасов [7, с. 14]:

Таблица 1 Сопоставление сильных и слабых сторон основных видов кино/видео перевода (недостатки выделены курсивом)

Дубляж	Субтитры	Синхронный закадровый перевод
Дорогостоящее производство	Малозатратное производство	Относительно малозатратное производство
Оригинальный диалог утрачен	Оригинальный диалог сохранен	*Оригинальный диалог частично утрачен*
Производство занимает много времени	Производство занимает относительно немного времени	Производство занимает относительно немного времени
Создает иллюзию продукта отечественного производства	Способствует эффективному изучению иностранных языков	*Лишен обоих этих преимуществ*
Дублированные голоса актеров могут повторяться	Сохранена уникальность оригинальных голосов актеров	*Дублированные голоса актеров могут повторяться*
Лучший выбор для людей, имеющих проблемы с чтением	Лучший выбор для людей с ослабленным слухом и иммигрантов, плохо понимающих устную речь	Предпочтительнее субтитров для людей, имеющих проблемы с чтением
Не «загрязняет» видеоряд	*«Загрязняет» видеоряд*	Не «загрязняет» видеоряд
Передает больше оригинальной информации	*Требует компрессии оригинальной информации*	Передает больше оригинальной информации, чем дубляж и субтитры
Допускает перекрывание одного диалога другим	*Не допускает перекрывание одного диалога другим*	*Не допускает перекрывание одного диалога другим в случае одноголосого синхронного закадрового перевода*
Дает зрителю возможность сосредоточиться на «картинке»	Внимание зрителя рассеивается между «картинкой» и письменным текстом	Дает зрителю возможность сосредоточиться на «картинке»
Зритель имеет возможность следить за развитием сюжета, даже если отвлекается от видеоряда	*Зритель не имеет возможности следить за развитием сюжета, если отвлекается от видеоряда*	Зритель имеет возможность следить за развитием сюжета, даже если отвлекается от видеоряда
Имеет ряд ограничений, обусловленных необходимостью синхронизации по артикуляции	*Имеет ограничения пространственно-временного характера*	Наиболее свободный от данных ограничений вид кино/видео перевода
Использует один языковой код	*Два разных языковых кода используются одновременно, что может дезориентировать зрителя*	Один языковой код доминирует над другим.

Итак, изучив научную литературу по теме и ознакомившись с понятием кино/видео перевода и его основными особенностями, мы приходим к выводу о том, что кино/видео перевод занимает особое место в общей классификации и является феноменом, который сочетает в себе черты различных жанров (он

близок художественной литературе) и типов (устного и письменного перевода). В целом же он представляет особый вид художественного письменного перевода (перевод при помощи субтитров и монтажный лист перевода для последующего дублирования предполагают наличие перевода на бумаге)

ЛИТЕРАТУРА

1 *Александрова*, О.А. Общая теория перевода (курс лекций) / О. А. Александрова. – Нижний Новгород: ун-т им. Ярослава Мудрого, 2012. - 134 с. 1

2 *Комиссаров*, В.Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424с.

3 *Алексеева*, И.С. Введение в перевод введение / И. С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

4 *Комиссаров*, В.Н. Лингвистика перевода / В. Н.Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 168 с.

5 *Алимов*, В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации / В. В. Алимов. – М.: Едиториал, 2005. – 160 с.

6 *Гарбовский*, Н.К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – М.: Московский университет, 2007. – 544 с.

7 *Матасов*, Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. … канд. филол. наук / Р. А. Матасов. – 10.02.20 – М., 2009. – 167 с.

8 *Нелюбин*, Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2003. – 320 с.

9 *Козуляев*, А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А. В. Козуляев. – Царскосельские чтения. – 2011. – № 9. – С. 1-20.

10 *Лотман*, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Ээсти Раммат, 1973. – 106 с.

11 *Горшкова*, В.Е. Перевод в кино: монография / В. Е. Горшкова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 267 с.

12 *Савко*, М.В. Аудиовизуальный перевод в Беларуси / М. В. Савко. – Мова і культура. (Науковий журнал). – Киев, 2011. – Вып. 14. – Т. 6 (152). – С. 353-357.

13 *Горшкова* В.Е. Особенности перевода фильма с субтитрами Особенности перевода фильмов с субтитрами // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф.Решетнева. – Красноярск, 2006. – Вып.3 (10). – С.141- .143

УДК 82.091 : 81'25

Бязлепкіна Інга Пятроўна
кандыдат філалагічных навук,
старшы навуковы супрацоўнік
аддзела славістыкі і тэорыі мовы
Цэнтра даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры НАН
Беларусі, г. Минск, Беларусь
inha@mail.ru

Inha Biazlepkina
PhD in Philology,
Senior Researcher of the Department of
Slavistics and Language Theory of the
Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature Research of
the National Academy of Sciences of
Belarus, Minsk, Belarus
inha@mail.ru

ІДЫЯСТЫЛЬ ПЕРАКЛАДЧЫКА З ПАЗІЦЫЙ МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНАГА ПАДЫХОДУ Ў КАНТЭКСЦЕ СУЧАСНЫХ ТЭХНАЛАГІЧНЫХ ВЫКЛІКАЎ

THE TRANSLATOR'S IDIOSTYLE FROM THE POSITION OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY TECHNOLOGICAL CHALLENGES

У артыкуле даследуецца феномен індывідуальнага стылю перакладчыка ў святле міждысцыплінарнасці і сучасных лічбавых выклікаў. На матэрыяле беларускіх перакладаў Р. Бёрнса пацвярджаецца, што машынны пераклад можа выконваць толькі дапаможную ролю, тады як захаванне мастацкай цэласнасці тэксту патрабуе ад перакладчыка ўнікальнай творчай інтуіцыі і пазіцыі "пазазнаходжання".

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *ідыястыль перакладчыка; мастацкі пераклад; міждысцыплінарны падыход; інтэрпрэтацыйная множнасць; лічбавыя тэхналогіі.*

The article explores the phenomenon of the translator's individual style in light of interdisciplinarity and modern digital challenges. Based on Belarusian translations of R. Burns's poetry, it confirms that machine translation can only play a supporting role, while preserving the artistic integrity of the text requires the translator's unique creative intuition and a position of "outsideness".

K e y w o r d s: *translator's idiostyle; literary translation; interdisciplinary approach; interpretative multiplicity; digital technologies.*

Ідыястыль (індывідуальны стыль) сёння з'яўляецца адным з ключавых паняццяў мастацкага перакладу, у якім перакрыжоўваюцца розныя дысцыпліны – лінгвістыка, літаратуразнаўства, псіхалогія, філасофія, культуралогія і сацыялогія. Ідыястыль – гэта не проста набор моўных прыёмаў, а шматфактарны феномен, непасрэдна звязаны з асобай перакладчыка, якая ў працэсе перастварэння тэксту праецыруе на тэкст свой жыццёвы досвед, культурную памяць, эстэтычнае пачуццё і лад мыслення. У эпоху інтэнсіўнага развіцця лічбавых тэхналогій ідыястыль набывае асаблівае значэнне як выключна чалавечы складнік перастварэння, які паказвае, што перакладчык мастацкіх

тэкстаў застаецца непаўторным нават тады, калі значную частку тэхнічнай працы яму дапамагаюць ажыццявіць праграмныя алгарытмы.

Індывідуальны стыль перакладчыка шмат у чым пераклікаецца з паняццем стылю пісьменніка, але фарміруецца ў значна больш строгіх рамках, абмежаваных першакрыніцай. Праца з арыгіналам вымагае ад перакладчыка не толькі літаратурнага таленту, але і навукова-аналітычных здольнасцей, чуйнасці ў інтэрпрэтацыі і ўмення працаваць на стыку розных дысцыплін. Таму міждысцыплінарнасць набывае асаблівую важнасць, калі справа датычыцца непасрэдна такіх катэгорый, як "суб'ектыўная рэчаіснасць", "моўная асоба" і "псіхалінгвістычныя параметры" мастацкага мыслення. У гэтым кантэксце асабліва каштоўнымі з'яўляюцца назіранні лінгвіста М. П. Брандэс, чыя ўвага акцэнтуецца на спецыфічнай кропцы перасячэння стылістыкі і перакладу, вызначаючы яе катэгорыямі "камунікацыя", "чалавечая дзейнасць" і "суб'ектыўны фактар" [1, с. 4].

Адпаведна, аналіз ідыястылю аўтара датычыцца не столькі механічнага падбору сродкаў, колькі разгалінаванай сеткі мастацкай камунікацыі. Праз яе тэкст гарманічна прыстасоўваецца да іншай мовы і новага культурнага кантэксту, у якім сэнс першакрыніцы перажывае непазбежную трансфармацыю. Мы можам прасачыць гэта на прыкладзе паэзіі Роберта Бёрнса, дзе нават базавыя паняцці – 'каханне', 'радасць', 'свабода', 'беднасць', 'гонар' – паўстаюць не як абстрактныя канцэпты ці агульныя тэмы, а як суб'ектыўна афарбаваныя і індывідуальна арганізаваныя сэнсавыя вузлы.

У прыватнасці, у вершах шатландскага барда тэма кахання можа раскрывацца як 'разбуральная сіла' (*blighted a' my bloom* – 'загубіў мой цвет' у вершы "Scotch Song"), як 'святло' (*cloudless summer sun* – 'бязвоблачнае летняе сонца' ў вершы "Thine Am I, My Faithful Fair"), або як 'унутранае полымя', што грэе і апякае героя (метафары *it warms me*, *it heats me*, *the sacred lowe* у пасланнях да сяброў). Тэма свабоды, у сваю чаргу, раскрываецца праз вобразы 'дрэва' (верш "The Tree of Liberty") і 'плода' (*sic fruit*), які становіцца бясцэнным дарам, бо ён варты 'ўсяго багацця Афрыкі' (*worth a' Afric's wealth*) [2]. Такая непаўторная арганізацыя паэтычнага светаўспрымання аўтара мусіць быць улічана пры аналізе і перакладзе паэзіі Р. Бёрнса.

Як паказвае практыка, працэс мастацкага перастварэння прадугледжвае перакладную множнасць. Гэта цалкам заканамерная і непазбежная з'ява ўплыву сацыяльна, культурна і індывідуальна абумоўленых інтэрпрэтацый, якія прынцыпова ніколі не прывядуць да адзінага канчатковага выніку. Суб'ектыўнасць аўтарскай манеры праяўляецца праз герменеўтыку чытання, бо кожны майстар рэканструюе мысленне стваральніка арыгінала праз прызму ўласнага вопыту, мастацкага густу і светапогляду. З гэтай прычыны варыянтаў перакладу аднаго і таго ж твора можа існаваць столькі ж, колькі і перакладчыкаў, а часам і больш, бо ў аднаго перакладчыка можа існаваць некалькі рэдакцый аднаго твора. Кожная новая спроба будзе мяняць акцэнты, адкрываць новыя

адценні сэнсаў і прыўносіць у тэкст асабістую манеру перакладчыка. Галоўным механізмам адбору моўнага матэрыялу будзе выступаць індывідуальная творчая інтуіцыя перакладчыка, бо менавіта з дапамогай яе вылучаецца тая або іншая мадэль прачытання, якая падаецца мастаку найбольш прыдатнай у перадачы аўтарскай задумы.

Інтэрпрэтацыйная множнасць абумоўлена таксама і тым, што паэтычны твор заўсёды ўтрымлівае больш глыбокі, не выяўлены літаральна пласт значэнняў. Гэты ракурс праблемы асвятляў у сваіх працах У. Эка, абазначаючы праз паняцце ‘sacrum’ з’явы, якія не паддаюцца канчатковаму тлумачэнню [3]. У перакладазнаўчым кантэксце да паняцця ‘sacrum’ можна аднесці саму спецыфіку паэтычнай творчасці як найбольш складанага віду мастацкага перастварэння, бо яна ўтрымлівае пласт адкрытых, незавершаных сэнсаў, якія не паддаюцца адназначнай інтэрпрэтацыі чытачом, перакладчыкам і даследчыкам.

Гэты пласт непасрэдна суадносіцца з архетыпамі, з калектыўным і індывідуальным несвядомым, з такім унутраным чалавечым досведам, які не ўкладваецца ў чыста фармальныя мадэлі. Менавіта ён і складае тую жывую, рухомую частку паэзіі, якую немагчыма цалкам звесці да ўзроўню тэхнічнай перадачы або аўтаматызаванага тлумачэння. Таму пры аналізе ідыястылю даследчыкі павінны ўлічваць не толькі лексічныя, сінтаксічныя і рытмічныя асаблівасці, але і глыбокія сімвалічныя і архетыповыя структуры тэксту. У перакладчыцкай практыцы менавіта архетыпавыя структуры выступаюць фундаментальнай асновай мастацкай перакладальнасці.

Літаратуразнаўца А. А. Яскевіч у сваіх працах справядліва адзначаў: “Зразумець стыль твора – гэта значыць улавіць тую іншасць, дзе архетыпавае і індывідуальнае ўваходзяць у структуру мастацкага свету як адно цэлае” [4, с. 81]. У гэтым сэнсе перакладчыцкая інтуіцыя не супярэчыць аналізу, а з’яўляецца яго натуральным і неабходным працягам. Менавіта інтуіцыя дазваляе адчуць, дзе ў тэксце хаваецца не проста прамое значэнне, а сапраўдная мастацкая “спружына”.

Разам з тым інтуіцыя сама па сабе не гарантуе адэкватнасці. Для таго каб яна не ператварылася ў сляпую праекцыю ўласнага “я”, перакладчык павінен умець заняць пазіцыю “пазазнаходжання” адносна тэксту. Гэты канцэптуальны тэрмін быў уведзены ў навуковы ўжытак М. М. Бахціным і стаў адным з ключавых для разумення мастацкага тэксту. У дачыненні да перакладу гэта значыць, што творца не пазбаўляецца свайго ўласнага гістарычнага і культурнага досведу, але свядома глядзіць на арыгінал звонку, каб убачыць аўтара і яго твор як асобны, адмежаваны свет. Такая дыстанцыя выступае неабходнай умовай аб’ектыўнасці, дзякуючы якой перакладчык бачыць не толькі фрагменты, сугучныя асабістаму вопыту, але і архітэктоніку твора ў цэлым.

На матэрыяле беларускіх перакладаў паэзіі Роберта Бёрнса гэта праблема праяўляецца асабліва выразна. Язэп Семяжон, які стаў фактычна “кананічным” перакладчыкам шатландца ў Беларусі, а таксама іншыя перакладчыкі бёрнсаўскай паэзіі працавалі не ў культурным вакууме, а ў канкрэтным

гістарычным кантэксце XX стагоддзя. Іх зварот да Бёрнса быў абумоўлены не толькі асабістай эстэтычнай сімпатыяй, але і адчуваннем глыбокай роднаснасці паміж дзвюма паэтычнымі традыцыямі, заснаванымі на фальклорных каранях. Бо як трапна заўважаў англійскі перакладчык Уолтэр Мэй, беларуская лірыка асабліва блізкая да шатландскай – яна такая ж простая, цёплая, “нібыта выткана з кужэльных нітак” [5, с. 146]. У гэтым сэнсе беларускія перакладчыкі знайшлі тую кропку судакранання карцін свету, дзе шатландскі бард так жа арганічна гучаў на новай культурнай глебе, як і карэнны беларускі пясняр.

Наяўнасць некалькіх перакладаў аднаго і таго ж твора дазваляе ўбачыць, як праяўляецца ідыястыль розных аўтараў пры працы з адным архетыповым матывам. Возьмем для прыкладу знакаміты верш Р. Бёрнса “My Heart’s In The Highlands”. У арыгінале любоў да Бацькаўшчыны раскрываецца праз персаніфікаванае сэрца, якое палюе і імчыць за жывёламі: *My heart’s in the Highlands, a-chasing the deer; / Chasing the wild-deer, and following the roe...* [2]. Пры перакладзе гэты вобраз набывае зусім розныя адценні. Самуіл Маршак, чые пераклады папярэднічалі беларускім і ў далейшым мелі на іх ўплыў, прыбірае арыгінальную персаніфікацыю і пераносіць дзеянне непасрэдна з ‘сэрца’ на лірычнага героя, надаючы вобразу максімальную дынамічнасць: *По следу оленя лечу по скалам / Гоню я оленя, пугаю козу* [6, с. 35]. Беларускі паэт Рыгор Барадулін, наадварот, узмацняе персаніфікацыю арыгінала, надаючы ‘сэрцу’ стыхійна-рамантычны, неўтаймаваны характар і ўводзячы экспрэсіўныя аўтарскія метафары (напрыклад, *дзе пасвіцца гром*): *Не тут маё сэрца – блукае ў гарах. / Імчыць за аленем на дзікіх вятрах... Пільнуе казулю і цвеліць жуду* [7, с. 102]. Язэп Семяжон, у сваю чаргу, прапануе іншую, больш элегічна-філасофскую мадэль прачытання. Ён робіць акцэнт не столькі на імклівым паляванні, колькі на ўнутранай свабодзе, уводзячы лексемы *мары* і *вольны прастор*: *Між гор маё сэрца. Вандруе між гор, / Дзе марам раздолле і вольны прастор / Высочваць аленя, зайздросціць арлам...* [8, с. 14]. Больш за тое, у фінале верша Семяжон відавочна ўступае ў міжтэкставы дыялог з Маршаком: *Між гор маё сэрца, а ўнізе – я сам* (параўн. у Маршака: *В горах мое сердце, а сам я внизу*), што пацвярджае ўплыў на перакладчыкаў рускай перакладчыцкай традыцыі.

Такое супастаўленне варыянтаў пацвярджае, што перакладчыкі маюць справу не проста з тэмай, абстрактным матывам або метафарай, а са спецыфічным спосабам яе мастацкага існавання і трансфармацыі ў новай, індывідуальнай моўнай свядомасці.

Практычны разгляд лірыкі Бёрнса сведчыць, што ўнутраная “спружына” яго твораў часта трымаецца на ўстойлівых вобразных мадэлях, якія, паўтараючыся, кожны раз атрымліваюць новае індывідуальнае напаўненне. Адным з найбольш паказальных прыкладаў з’яўляецца верш “A Red, Red Rose”, дзе каханне становіцца не толькі кветкай, але і своеасаблівай касмічнай велічынёй – яно застаецца, пакуль не высахнуць моры і не расплавяцца скалы, а лірычны герой

гатовы вярнуцца да каханай, нават калі давядзецца прайсці *ten thousand mile* (‘дзесяць тысяч міль’). У беларускім перакладзе гэтага верша (“Мая любоў, бы ружачка”) Галіна Дубянецкая творча пераасэнсоўвае гэты прасторавы вобраз, замяняючы яго на больш універсальны архетып дарогі – *“дзе б ні бег мой шлях”* [9, с. 9]. Паколькі матыў шляху належыць да ключавых у айчыннай літаратуры, такая замена робіць верш эмацыянальна больш блізкім беларускаму чытачу. Гэта яскрава дэманструе, як індывідуальны стыль і культурная інтуіцыя перакладчыка забяспечваюць тонкую мастацкую адаптацыю арыгінальнага вобраза ў новай моўна-культурнай прасторы.

Важную ролю ў разуменні ідыястылю Бёрнса адыгрываюць сацыяльна афарбаваныя тэмы (*беднасць*, *знаць*, *сквапнасць*), праз якія паэт фарміруе сістэму маральных каардынат свайго лірычнага героя. З аднаго боку, прадстаўнікі вышэйшага свету часта атрымліваюць у паэта рэзка негатыўную ацэнку праз зніжаныя вобразы. Напрыклад, сэрцы “прыстойных” людзей параўноўваюцца са стаячай вадой (*Your hearts are just a standing pool* (“Epistle To James Smith”)), лорд выступае як ‘варты шыбеніцы каржак’ (*widdifu’, bleerit knurl* (“Meg O’ The Mill”)), а знешняя пыха знаці аказваецца толькі ‘цяжкім грузам’ (*cumbrous load*).

З іншага боку, беднасць у паэзіі Бёрнса не дэгуманізуе чалавека, а падкрэслівае яго высакароднасць. Катэгорыі нястачы і голаду персаніфікуюцца (*Waefu’ Want and Hunger fley me* – ‘гаротная Нястача і Голад палохаюць мяне’ (“Crowdie Ever Mair”)). Такім чынам, аўтарская лексіка і сродкі выразнасці пераўтвараюць звычайны сацыяльны досвед у жывое драматычнае дзеянне, што патрабуе ад перакладчыка асаблівай увагі да захавання гэтай ацэначнай палярнасці.

У гэтым сэнсе цікавым з’яўляецца пераклад Я. Семяжонам верша Р. Бёрнса “The Soldier’s Return” (“Вяртанне салдата”). Гэты прыклад яскрава сведчыць пра тое, як патрабаванні крытыкі згодна ідэйным ўстаноўкам часу непасрэдна ўплывалі на спосаб перастварэння твора. У арыгінале матыў дастатку не вядзе да сацыяльнага ўзвышэння, а падкрэслівае маральнае права на шчасце, аднак беларускі перакладчык у дадзеным выпадку прымяняе прыём сэнсавай трансфармацыі:

Арыгінал:	Пераклад:
Quo’ she, “My grandsire left me gowd,	*Яна – праз слёзы: – Вунь мой скарб*
A mailen plenish'd fairly;	*Ад дзеда: дом і садзік.*
And come, my faithfu' sodger lad,	*Цяпер ты будзеш гаспадар*
Thou'rt welcome to it dearly!	*На хутарскім пасадзе* [8, с. 32].

Заможнасць дзяўчыны ў перакладзе істотна зменшаецца: знікаюць згадкі пра золата і багатыя фермерскія запасы, а радасць сустрэчы пераўтвараецца ў сірочыя слёзы. Пасля падобных змен, якія рабілі герояў максімальна сціплымі і

“сацыяльна блізкімі”, твор не мог быць западозраны тагачаснай крытыкай у залішняй буржуазнасці ці антынароднасці. У такім разе пры аналізе ідыястылю даследчык павінен умець прачытаць за гэтымі мастацкімі фігурамі не выключна рыторыку і маральна-этычную пазіцыю аўтара, але і тое, як агульная эстэтыка і ідэалогія эпохі ўрываюцца ў мастацкі свет першакрыніцы і ўносяць свае праўкі.

Як паказваюць прыведзеныя прыклады, у рэальнай практыцы мастацкага перакладу прынцып “пазазнаходжання” непазбежна парушаецца. Індывідуальны стыль творцы, яго нацыянальная ментальнасць і эстэтычныя патрабаванні эпохі прымушаюць перакладчыка ўмешвацца ў арыгінал, адаптуючы яго для свайго чытача. У выніку Бёрнс “абеларушваецца”, а яго вершы становяцца арганічнай часткай прымаючай літаратуры. Для жывога мастацкага перакладу гэта абсалютна натуральны працэс, бо тэкст павінен арганічна ўвайсці ў новую моўна-культурную прастору і ўзяць на сябе не толькі пазнавальную, але і культура- і моваахоўную функцыі.

Гэтыя літаратуразнаўчыя развагі набываюць асаблівую актуальнасць у сучасным кантэксце, калі да “чалавечага” прачытання і інтэрпрэтацыі ўсё часцей далучаюцца лічбавыя сістэмы. Аўтаматызаваныя праграмы імкліва змяняюць тэкставую рэальнасць, робячы пераклад максімальна даступным, масавым і тэхнічна эфектыўным у штодзённай камунікацыі. Аднак у паэзіі, дзе сэнс непарыўна звязаны з формай, дзе кожны троп нясе ў сабе этычны, эстэтычны і культурны зарад, камп’ютарныя мадэлі выяўляюць відавочныя абмежаванні. Напрыклад, аўтаматычная сістэма карэктна перакладае *ten thousand mile* як ‘дзесяць тысяч міль’ і правільна інтэрпрэтуе літаральны сэнс фразы *worth a’ Afric’s wealth* пра вартасць багацця Афрыкі, але яна не можа адначасова ўтрымаць фальклорную прастату, спецыфічную песенную інтанацыю, эмацыянальную інтэнсіўнасць і сімвалічную насычанасць гэтых вобразаў.

Разам з тым, сучасныя лічбавыя тэхналогіі выступаюць надзвычай карысным інструментам у даследчыцкай працы. Яны дапамагаюць рыхтаваць дакладныя падрадкоўнікі, прапаноўваюць шырокі спектр лексічных варыянтаў, палягчаюць кантэкстуальны аналіз і дазваляюць хутка апрацоўваць вялікія тэкставыя масівы для атрымання статыстычных звестак. У прыватнасці, камп’ютарная апрацоўка корпуса вершаў Р. Бёрнса дазволіла нам удакладніць семантыку лексем, напісаных на шатландскім дыялекце (скотс, англ. Scots), а таксама зрабіць выбарку такіх дамінантных канцэптаў творчасці паэта, як *каханне*, *радасць*, *свабода*, *сяброўства*, *гонар* і іншых у іх функцыянальнай кантэкстнай рэалізацыі. Гэта пераканаўчы прыклад таго, як менавіта інфармацыйныя сістэмы могуць працаваць на карысць гуманітарнай навукі, не падмяняючы сабой мысленне даследчыка і перакладчыка.

Зыходзячы з вышэй сказанага, становіцца зразумелым месца лічбавых тэхналогій у сучаснай перакладазнаўчай даследчыцкай практыцы. Калі жывы, “чалавечы” пераклад мастацкага (паэтычнага) твора заўсёды ў той ці іншай ступені суб’ектыўны, эмацыянальна афарбаваны і культурна асіміляваны (што ў

выніку і пераўтварае яго ў твор мастацтва), то камп'ютарныя алгарытмы, наадварот, пазбаўлены суб'ектыўных эстэтычных і ідэйных праекцый. Машынны пераклад не здольны паслядоўна "абеларусіць" тэкст або "ўбудаваць" яго ў кантэкст нацыянальнай літаратуры, затое ён можа выступаць адносна нейтральным інструментам першаснай семантычнай апрацоўкі тэксту. Аднак выключнае права на "парушэнне" гэтай аб'ектыўнай асновы – праз інтуіцыю, культурную трансфармацыю і эстэтычную "гульню" ўнікальнага ідыястылю – назаўсёды застанецца за чалавекам-перакладчыкам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Брандес, М. П.* Стиль и перевод (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М. : Высш. школа, 1988. – 127 с.
2. *Burns, R.* Works / Burns, R // Robert Burns' Works. – URL: http://www.robertburns.org (date of access: 30.04.2026).
3. *Эко, У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
4. *Яскевіч, А.* Грані майстэрства / А. Яскевіч. – Мн. : Маст. літ., 1974. – 160 с.
5. *Мэй, У.* Позняе жніво : вершы / У. Мэй ; пер. з англ. ; прадм. А. Лойкі. – Мн. : Маст. літ., 1982. – 110 с.
6. *Бёрнс, Р.* Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака / Р. Бёрнс ; пер. С. Я. Маршака. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952. – 235 с.
7. *Барадулін, Р.* І. Кахаць – гэта значыць... : Старонкі з паэзіі свету / Р. І. Барадулін. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1986. – 269 с.
8. *Бёрнс, Р.* Вам слова, Джон Ячмень! : выбр. лірыка / Р. Бёрнс ; [уклад., пер. з англ., прадм. Я. Семяжона]. – Мн. : Маст. літ., 1983. – 125 с.
9. *Бёрнс, Р.* Мая любоў, бы ружачка / Р. Бёрнс ; пер. з англ. Г. Дубянецкай // ЛіМ. – 1989. – 18 мая. – С. 9.

УДК 81`25(045)

Винокурова Анна Владимировна
студент факультета иностранных языков
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия
vinockurova.anka2017@yandex.ru

Anna Vinokurova
student of the Faculty of Foreign Languages
Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
vinockurova.anka2017@yandex.ru

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ИСПАНСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

TRANSLATOLOGICAL CHARACTERISTICS OF NONCE WORDS IN THE SPANISH, ENGLISH, AND RUSSIAN LANGUAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Статья посвящена анализу окказионализмов как проявлений индивидуально-авторского словотворчества в испанском, английском и русском языках с позиций переводоведения. На основе дефиниций уточняется их статус как ситуативно обусловленных и функционально мотивированных единиц, возникающих в конкретной коммуникативной ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *окказионализм; лингвокреативность; словообразовательные модели; функциональная эквивалентность; перевод.*

The article is devoted to an analysis of nonce words as manifestations of individual authorial word-formation in Spanish, English, and Russian from the perspective of translation studies. Based on existing definitions, their status is clarified as situationally conditioned and functionally motivated units arising in specific communicative contexts.

K e y w o r d s: *nonce word; linguistic creativity; word-formation models; functional equivalence; translation.*

В современной лингвистической парадигме, ориентированной на антропоцентрический подход к языку, особое внимание уделяется исследованию механизмов речевого творчества и динамических процессов в лексической системе языков. Окказионализмы, понимаемые как индивидуально-авторские неологизмы, созданные в рамках определенного контекста для реализации конкретной экспрессивной или прагматической задачи, являются уникальным объектом для междисциплинарного анализа. В контексте перевода данные единицы представляют особую сложность, так как их передача требует не просто поиска эквивалента, обычно отсутствующего в словарях, а воссоздания самого механизма словотворчества средствами другого языка. Проблема адекватной передачи окказиональной лексики становится наиболее заметной при сопоставлении таких разноструктурных языков, как испанский, английский и

русский. Каждый из них обладает специфическим набором деривационных ресурсов: от развитой аналитической системы английского языка с его тяготением к конверсии и словосложению до богатых флективно-синтетических возможностей русского языка и развитой системы аффиксального словообразования в испанском языке.

Британский лингвист Д. Кристал в своей работе “Investigating nonceness: lexical innovation and lexicographic coverage” предлагает следующую дефиницию окказионализмов: «Окказиональные образования – это единицы, спонтанно созданные говорящим или пишущим для удовлетворения насущных потребностей конкретной коммуникативной ситуации)» [1, с. 219]. Ключевым в данном определении является акцент на спонтанности и непосредственной обусловленности создания слова. Это означает, что окказионализм возникает как ответ на конкретную коммуникативную задачу, для решения которой существующий лексический запас языка оказывается недостаточным или невыразительным. Далее в статье Д. Кристал подчеркивается временный и прагматический характер таких лексических единиц: “nonce-words are used for the time being; temporarily” [1, с. 221].

Подобное понимание окказионализмов имеет прямое отношение к переводоведению. Если окказионализм создан «для конкретного момента», то переводчик должен воспроизвести прагматический эффект оригинала, используя аналог или учитывая функцию слова даже без прямого соответствия. Если окказионализм закрепляется в языке как неологизм, подход к его переводу меняется.

С позиций переводоведения советский и российский лингвист В. С. Виноградов дает такую трактовку термина: окказионализмы – это «новые слова, созданные переводчиком в соответствии со смыслом и функцией индивидуально-авторских слов оригинала сообразно контексту подлинника и перевода» [2, с. 46]. Данное определение делает акцент на активной, креативной роли переводчика в условиях отсутствия прямых эквивалентов, подчеркивая, что это словотворчество не произвольно, а функционально обосновано. Оно направлено на сохранение и воссоздание семантического, прагматического и стилистического воздействия оригинала, а также на гармоничную интеграцию новообразования в контекст текста на иностранном языке.

Обозначенные принципы переводческой деятельности перекликаются с подходами, предложенными Г. Герреро Рамос и М. Ф. Пересом Лагосом в их учебном пособии “Terminología, Neología y Traducción” в главе “¿Es necesaria la traducción de neologismos?”. Авторы отмечают вариативность переводческих стратегий при работе с подобной лексикой: «Некоторые переводчики сохраняют неологизм без изменений, особенно когда он представляет собой заимствование, обозначающее новые или незнакомые концепции в целевом языке. Другие же предпочитают его калькировать или переводить дословно. Конечно, можно перевести неологизм, найдя культурный эквивалент или схожий по смыслу

термин. В конечном счете, вариантов перевода множество, но важно помнить: переводить неологизм – это не то же самое, что просто принять заимствованное слово. Однако мы отдаем себе отчет в том, что, когда импортируется новый концепт и вместе с ним его наименование, крайне сложно заменить его исконной лексической единицей» [3, p. 141]. Хотя авторы говорят о неологизмах в целом, их рассуждения в полной мере применимы и к окказионализмам как одной из форм лексических инноваций, особенно в случаях, когда окказионализм обозначает новую концепцию или явление. Эта позиция подчеркивает, что перевод окказионализмов не является механическим процессом, а представляет собой сложный выбор между ассимиляцией, адаптацией и сохранением оригинальной формы, обусловленный как лингвистическими, так и культурными факторами.

Испанский лингвист П. Х. Буэно Руис в своей статье считает, что окказионализмы – это «единицы, возникающие как ответ на сиюминутную языковую потребность говорящего, обусловленную либо отсутствием подходящего слова для выражения мысли, либо стилистической интенцией говорящего» [4, с. 19]. Таким образом, многообразие подходов к переводу инновационной лексики подчеркивает сложный характер взаимодействия между авторской интенцией, системными ограничениями и творческими ресурсами языка перевода.

Анализ приведенных дефиниций демонстрирует общую тенденцию в понимании окказионализмов среди исследователей различных научных школ. Все лингвисты сходятся во мнении, что окказионализмы представляют собой продукт спонтанного языкового творчества, возникающий в ответ на конкретную ситуативную коммуникативную потребность. Для более точного описания механизмов реализации этой интенции значимой является типология окказионализмов, предложенная Н. Г. Бабенко [5, с. 245]. В своих работах она выделяет несколько ключевых категорий, охватывающих различные аспекты создания и функционирования индивидуально-авторских слов, что позволяет систематизировать их с учетом фонетических, морфологических, грамматических и семантических ресурсов языка:

1. Фонетические окказионализмы. Данная категория включает новообразования, в которых автор намеренно использует определенный звуковой комплекс (слово или словосочетание) с целью передачи специфической семантики. Эта семантика обусловлена фонетическими значениями самих звуков, их звукоподражательными или звукосимволическими свойствами, что формирует особое экспрессивное и образное значение, не присущее узуальным словам. В качестве иллюстрации этого явления ярким примером служат строки из поэмы В. Хлебникова «Зангези»: «Вэо-вэя – зелень дерева, Нижеоты – темный ствол...» [6, с. 29]. В данном фрагменте В. Хлебников демонстрирует мастерство создания фонетических окказионализмов, в которых их семантика формируется за счет прямого соотнесения звукового комплекса с конкретным денотатом. Так,

окказионализм *Вэо-вэя* посредством открытых гласных и мягких согласных ассоциативно связывается с легкостью и простором «зелени дерева», тогда как *Нижеоты* с его более закрытыми и твердыми звуками вызывает образ тяжелого, основательного «темного ствола». Каждому из этих новообразований поэт эксплицитно приписывает конкретный, чувственно воспринимаемый предмет или явление реальности, наделяя их дополнительными характеристиками через звуковой состав.

Примером в английском языке является окказионализм *hy-u-o-ook-kuh* из романа К. Воннегута «Колыбель для кошки», который выступает как орфографическая репрезентация фонетически трансформированной лексемы *hook*, обусловленной спецификой вымышленного диалекта острова Сан-Лоренцо: “He pronounced that last word: “hy-u-o-ook-kuh” [7, p. 87].

В поэме “Altazor” чилийский писатель В. Уидобро целенаправленно дестабилизирует стандартные, лингвистические структуры, используя фонетические окказионализмы, например, *ululayo* или *ululamento*, преимущественно в последних главах произведения, где узуальные слова превращаются в звуковую игру и акустические вариации, подчеркивающие материальность языка, а его звучание как художественную ценность.

2. Лексические окказионализмы. Наиболее обширная группа окказионализмов образуется посредством комбинации существующих морфем и аффиксов, чаще с соблюдением словообразовательной нормы, реже с незначительными отклонениями. В отдельных случаях используются лексико-синтаксические или морфолого-синтаксические способы. Существенно, что новые слова создаются из исторически сложившихся элементов языка в нетипичных или инновационных комбинациях. Например, испанский глагол *reenvenenar* в предложении “Dos argumentos, básicamente, la han reenvenenado para el PP: la propuesta de eurorregión planteada por el nuevo presidente catalán, Pascual Maragall, y la paralización del trasvase del Ebro”: окказионализм создан по продуктивной словообразовательной модели путем комбинации узуальной основы *envenenar* ‘отравлять’ и приставки *re-*. Функциональная нагрузка морфемы здесь смещена с идеи повтора на выражение высокой степени интенсивности действия. Таким образом, автор акцентирует внимание не на дублировании процесса, а на его качественном усилении.

В русской поэзии классическим примером лексической окказиональности служат эпитеты В. Маяковского *молоткастый* и *серпастый*, образованные путем присоединения суффикса *-аст-* к субстантивным основам – *молоток* и *серп*. Использование этой морфемы, традиционно описывающей выраженные физические черты, наделяет неодушевленные государственные символы почти анатомической осязаемостью и экспрессивной мощью.

В английской лингвокультуре примером лексического окказионализма является глагол *to chortle* у Л. Кэрролла, возникший в результате контаминации лексем *chuckle* ‘посмеиваться’ и *snort* ‘фыркать’. Данное слов изначально

функционировало как индивидуально-авторское средство передачи сложного эмоционального состояния.

3. Грамматические окказионализмы. В этой категории Н. Г. Бабенко рассматривает случаи, когда лексическая семантика слова вступает в «конфликт» или необычное взаимодействие с его грамматической формой или функцией. За счет творческого развития лексического значения слова появляется возможность его использования в нестандартном, индивидуально-авторском контексте, который предполагает нарушение или расширение его привычных грамматических парадигм, синтаксических связей или морфологических категорий. Это может проявляться в нетрадиционном употреблении частей речи (например, существительное функционирует в функции глагола) или необычных формах слова, что создает особый стилистический эффект. Примером такого явления служит английская фраза “It’s not a who, it is a what”. В данном случае вопросительные местоимения *who* (традиционно обозначающее лицо) и *what* (обозначающее предмет или понятие) грамматически функционируют как существительные, принимая перед собой неопределенный артикль 'a' и выступая в роли предикатива. Это демонстрирует отступление от их привычных грамматических парадигм и синтаксических функций, поскольку местоимения обычно не субстантивируются таким образом.

В русской поэзии ярким примером служит лексема В. Маяковского *испешеходить*. Интеграция субстантивной основы *пешеход* в глагольную парадигму прошедшего времени создает морфологический конфликт, трансформирующий описание состояния в динамичный образ концентрированного действия. Это позволяет автору объективировать процесс движения, не имеющий в языке прямого лексического соответствия.

В испанском языке у Мигеля де Сервантеса в «Дон Кихоте» встречается лексема *dueñísima*, которая образована от существительного *dueña* с помощью суффикса *-ísima*, превращая его в прилагательное в превосходной степени.

4. Семантические окказионализмы. Данный тип окказионализмов сохраняет внешнюю форму узуального слова, но при этом наделяет его уникальным контекстуальным смыслом, выходящим за пределы словарных значений и привычной полисемии. Определить такие окказионализмы в тексте зачастую довольно сложно, поскольку их уникальное значение обуславливается специфическим «смысловым приращением», которое формируется исключительно под влиянием контекста и авторского замысла. В качестве примера семантического окказионализма можно привести употребление испанского существительного *boda* в предложении: “con el sí, quiero de las juntas de accionistas de Iberia y British Airways (BA), culminó por fin en boda la más larga relación prematrimonial que se ha dado entre dos grandes aerolíneas” [8]. Хотя существительное *boda* имеет узуальное значение ‘свадьба’, в данном контексте оно приобретает новое, не зафиксированное в словарях значение – «слияние компаний или объединение предприятий». Подобное употребление слова не

является узуально закрепленным. Данный смысловой пласт возникает из-за контекста, становясь авторским средством художественной характеристики бизнес-процессов.

В русском языке в стихотворении И. Северянина «Нерон» прилагательное *лазорев* (от привычного «лазоревый» – «ярко-голубой») получает новое, контекстуально обусловленное значение: «чистый, безупречный, далекий от пошлости и земных забот». Авторский окказионализм усиливает контраст между идеализированным Клавдием и «обычными людьми», подчеркивая сарказм и выразительность текста.

У Л. Кэрролла англоязычный семантический окказионализм представляет собой лексема *glory* в диалоге с Алисой: узуальное значение ‘слава’ заменяется на ‘сокрушительный аргумент’: “There’s glory for you!” – “I don’t know what you mean by ‘glory’,” Alice said. Humpty Dumpty smiled contemptuously... “I mean ‘there’s a nice knock-down argument for you!’” [9, p. 110]. Новое значение создается автором и закрепляется контекстом, демонстрируя произвольность и игру смыслов, характерную для окказионализмов в английской литературе.

5. Окказиональные сочетания слов характеризуются аномальной лексической сочетаемостью, которая нарушает принципы семантического согласования ввиду отсутствия общих семантических признаков в лексических значениях входящих в них компонентов. Ярким примером такого типа окказионализмов является употребление Великаном в произведении Р. Даля «БВД, или Большой и Добрый Великан» фразы *human beans* вместо привычного *human beings* ‘люди/человеческие существа’, как в предложении “all human beans is having different flavours” [10, p. 18].

Словосочетание *декоративное внимание* в произведении Л. Е. Улицкой является окказиональным, поскольку прилагательное *декоративный*, обычно относящееся к сфере внешнего оформления, соединяется с существительным внимание, обозначающим внутренний психический процесс. В контексте выражение приобретает значение показной, формально демонстрируемой заинтересованности, лишённой подлинной эмоциональной вовлечённости.

В испанском языке сочетание *pueblos invernosos* из произведения Хосе Марти является окказиональным, поскольку прилагательное *invernosos*, образованное от существительного *invierno*, переносит природную характеристику «зимний» на социальный субъект. В контексте оно приобретает метафорическое значение народов, пребывающих во мраке и холоде угнетения, усиливая антитезу «зима – свет».

Проведенный анализ показал, что окказионализмы представляют собой функционально мотивированные и ситуативно обусловленные новообразования, выступающие индикатором динамических процессов в языке и индивидуального авторского стиля. Использование классификации Н. Г. Бабенко позволяет структурировать их анализ на различных уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом, семантическом и на уровне словосочетания), что необходимо

для выбора адекватной переводческой стратегии. Такой системный подход помогает не только типологизировать уникальные единицы оригинала, но и оценивать эффективность творческих решений переводчика при воссоздании прагматического и стилистического воздействия текста в условиях отсутствия прямых эквивалентов.

В процессе перевода окказиональная лексика требует креативного подхода, когда переводчик выступает в роли соавтора, реконструирующего сам принцип словотворчества. Сопоставление испанского, английского и русского языков подтверждает, что выбор компенсаторных приемов и деривационных моделей диктуется не только авторской интенцией, но и типологическими особенностями конкретных языковых систем. В конечном счете изучение окказионализмов на стыке лингвистики и переводоведения раскрывает сложные механизмы речевого творчества и подчеркивает активную роль переводчика как важного участника процесса в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crystal, D.* Investigating nonceness: lexical innovation and lexicographic coverage / D. Crystal // Manuscript, narrative and lexicon: essays on literary and cultural transmission in honor of Whitney F. Bolton / ed. R. Boenig, K. Davis. – Lewisburg : Bucknell Univ. Press ; London : Associated Univ. Presses, 2000. – P. 218–229.

2. *Виноградов, В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

3. *Guerrero Ramos, G.* Terminología, neología y traducción: ¿Es necesaria la traducción de neologismos? / G. Guerrero Ramos, M. F. Pérez Lagos // Terminología, Neología y Traducción. – Granada, 2020. – Cap. 10. – P. 141–153.

4. *Bueno Ruiz, P. J.* La creatividad léxica: tendencias en la formación de ocasionalismos por prefijación / P. J. Bueno Ruiz // Terminàlia. – 2021. – № 24. – P. 18–28.

5. *Бабенко, Н. Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. ун-т., 1997. – 84 с.

6. *Хлебников, В. В.* Сверхповесть «Зангези» / В. В. – М. : Бослен, 2021. – 448 с.

7. *Vonnegut, K.* Cat’s Cradle / K. Vonnegut. – New York : Dell Publishing, 1963. – 166 p.

8. Portal de América. Pensamos el turismo : [site]. – URL: https://www.portaldeamerica.com/index.php/pda/otras-noticias/item/3879-iberia-british-un-matrimonio-de-personas-maduras (date of access: 01.03.2026).

9. *Carroll, L.* Through the Looking-Glass and What Alice Found There / L. Carroll. – London : Macmillan & Co., 1971. – 224 p.

10. *Dahl, R.* The BFG / R. Dahl. – London : Puffin Books, 2001. – 142 p.

УДК 811.111’373.7:811.161.3(045)

УДК 811.111’373.7:811.161.3(045)=

Гаранович Татьяна Игоревна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры современных технологий перевода
Белорусский государственный университет иностранных языков,
г. Минск, Беларусь
tatiana_garanovich@rambler.ru

Tatiana Garanovich
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Modern Translation Techniques
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
tatiana_garanovich@rambler.ru

АНГЛИЙСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МОДЕЛИ *OF ALL+N_{PL}* И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ENGLISH SYNTACTIC IDIOMS OF THE MODEL *OF ALL+N_{PL}* AND THEIR CORRESPONDENCES IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

В статье рассматриваются компонентный состав и модусные значения английских синтаксических фразеологизмов модели *of all+N_{pl}* и их фразеологические соответствия в белорусском языке.

Ключевые слова: *синтаксический фразеологизм*; *модель*; *постоянный компонент*; *переменный компонент*; *модусная семантика*.

The article dwells on the composition and modus meanings of English syntactic idioms of the model *of all+N_{pl}* and their phraseological correspondences in the Belarusian language.

Key words: *syntactic idiom*; *model*; *permanent component*; *variable component*; *modus semantics*.

В современных классификациях русских фразеологизмов как отдельный разряд выделяются синтаксические фразеологизмы (далее – СФ) [1, с. 9]. Они представляют собой «идиоматичные единицы, образованные на основе воспроизводимых синтаксических моделей с обобщенным модусным значением, имеющие в своем составе постоянные и переменные лексические компоненты» [2, с. 9]. На материале русского языка СФ исследуются с середины 20 века. Проблематика синтаксической фразеологии разрабатывалась Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелевым, А. В. Величко, В. Ю. Меликяном, М. В. Всеволодовой, труды которых послужили теоретической основой нашего исследования, и многими другими советскими и российскими лингвистами. СФ посвящен отдельный раздел в «Русской грамматике» [3, с. 217].

Что касается английского языка, то СФ не выделены в известных нам классификациях английских фразеологизмов и, соответственно, не представлены в словарях и в научной литературе, за исключением некоторых работ российских

исследователей (Е. М. Сливная, Е. В. Нагаева, Ю. С. Гурикова, В. Р. Саркисьянц, И. А. Мельчук, В. М. Савицкий), описавших отдельные модели этих единиц. В этой связи отбор английских СФ и конструирование их моделей осуществляется нами самостоятельно по параметрам, разработанным для русских и белорусских СФ. К этим параметрам относятся неоднословность, устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость, обобщенная модусная семантика, закрепленная за синтаксическими схемами, по которым строятся СФ, наличие в их составе постоянных и переменных лексических компонентов [2, с. 9].

Мы полагаем, что всем этим критериям отвечают построения модели *of all+N_{pl}* (*of all people*, досл. ‘из всех людей’, *of all things*, досл. ‘из всех вещей’, *of all places*, досл. ‘из всех мест’), являющиеся объектом исследования в нашей статье. Их постоянный лексический компонент образуют предлог *of* ‘из’ и местоимение *all* ‘все’, оба слова в составе СФ десемантизируются, что обусловливает идиоматичность всей модели: *of* утрачивает семантику принадлежности, отношения, а *all* – полноты, отсутствия исключений. Переменным компонентом СФ является существительное в форме множественного числа.

Методом контекстологического анализа 100 употреблений СФ модели *of all+N_{pl}* в англоязычных художественных и публицистических текстах XX–XXI вв., отобранных из печатных литературных изданий, Британского национального корпуса [4], с британских информационных интернет-порталов и сайтов периодических информационных изданий, выявлены пять модусных значений, которые они выражают.

1. Недовольство, возмущение, злость. Рассмотрим СФ модели *of all+N_{pl}* с этой семантикой на примере из романа Джона Голсуорси «В петле»: *With a memory of tears in Irene’s eyes*, *and of a smile on her lips*, *they went away extremely silent… Opposite the National Gallery June exclaimed*: “***Of all undignified beasts and horrible laws***!” ‘Вспоминая слезы в глазах Айрини и улыбку на ее губах, они вышли в полной тишине… Напротив Национальной галереи Джун воскликнула: «Что за недостойные животные и ужасные законы!»’. Модель *of all+N_{pl}* в данном случае распространяется вторым существительным в форме множественного числа и атрибутами перед обоими существительными. Контекст, в котором употребляется СФ, следующий: Джун долгое время дружила с Айрини, и ей никогда не нравился ее дядя Сомс – муж Айрини. В семейном конфликте Айрини и Сомса Джун тоже на стороне Айрини: ее возмущает стремление Сомса вернуть жену несмотря на ее нежелание жить с ним. После встречи с Айрини и обсуждения сложившейся ситуации Джун молча идет по улице и, продолжая переживать из-за ее проблем, вдруг восклицает *Of all undignified beasts and horrible laws*!, выражая свое отношение к происходящему. Она не сравнивает Сомса с другими людьми, которых считает плохими, и не сопоставляет законы, чтобы охарактеризовать один из них, что ее высказывание могло бы означать при буквальном понимании ‘из всех недостойных животных и ужасных

законов’, поскольку никакие другие люди и законы в анализируемом контексте не упоминаются. В данном случае Джун имеет в виду ‘меня возмущает этот человек и эти законы’, т. е. то, что создает проблемы для Айрини.

Анализируемый пример иллюстрирует и такую особенность СФ типа *of all+*N_{pl}, как их грамматическая аномальность, заключающаяся в отсутствии указания на объект или лицо, выделяемое из множества, принадлежность к которому передает сочетание предлога *of* с местоимением *all* в неидиоматическом употреблении, например, *one of us* ‘один из нас’. Отметим, что в российской лингвистике СФ традиционно рассматриваются как нестандартные образования в том плане, что в них «связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [3, с. 216]. В нашей концепции СФ несоответствие синтаксических связей между их компонентами современным грамматическим нормам языка не является их категориальным признаком, но служит показателем высокой степени идиоматичности СФ [2, с. 9], поскольку кроме «аномальных» СФ также существуют СФ, формально неотличимые от свободных предложений / словосочетаний.

2. Удивление. В качестве примера использования СФ модели *of all+*N_{pl} в этом значении приведем фрагмент статьи Джейн МакКаббин и Лиз Джексон с сайта Би-Би-Си: *And then he walked towards me, and the very words he said to me were*, '*Are you Percy Chafer*?' *So I said ‘yes’*, *and he replied*, ‘*I’m your cousin Fred*’, *which really took me aback*. *I thought*, *well*, *I’ve come all this way*, *and I’ve got to meet my cousin – found him in Cairo* ***of all places***! ‘И тут он подошел ко мне и спросил: «Вы Перси Чейфер?» Я ответил «да», а он сказал: «Я ваш кузен Фред», что меня действительно очень удивило. Я подумал: вот, я проделал весь этот путь и надо же где встретил своего двоюродного брата – в Каире’. Говорящий удивлен встречей с кузеном, что передается фразовым глаголом *take aback* ‘шокировать или очень удивить’, описывающим его реакцию на неожиданное обращение к нему. Далее, оценивая произошедшее, говорящий удивляется и тому, что эта встреча произошла в Каире. Речь в данном случае не идет о сравнении всех мест, где родственники могли бы встретиться, поскольку в анализируемом контексте потенциальные места встречи не называются.

3. Радость. Употребление СФ модели *of all+*N_{pl} с семантикой радости проиллюстрируем примером из романа Уильяма Сомерсета Моэма «Карусель»: *She walked a few steps behind him*, *uprightly*, *with a swaying movement of the hips that was habitual to her*, *and arriving in front of Miss Ley*, *stopped with a very natural cry of surprise*. “*Miss Ley*, ***of all people***! *How delightful to find you down here*!” *She held out her hand with every appearance of joy* ‘Она шла в нескольких шагах позади него, прямо, с привычными для нее покачивающимися движениями бедер, и, оказавшись перед мисс Ли, остановилась, издав очень естественный возглас удивления. «Мисс Ли, какая приятная неожиданность! Как я рада встретить Вас здесь!» Она протянула ей руку с очень радостным видом’. В

данном случае СФ употребляется в следующем контексте: миссис Кастиллион неожиданно замечает мисс Ли, эта встреча ей неприятна (писатель называет ее *mischance* ‘неудача, невезение’), но поскольку избежать общения невозможно, миссис Кастиллион вынуждена вести себя в соответствии с правилами приличия и приветствует мисс Ли восклицанием *Miss Ley*, ***of all people!*** с СФ, выражающим сочетание удивления и радости, правда, неискренних. На семантику удивления указывает то, что в предшествующих СФ словах автора реакция миссис Кастиллион называется *cry of surprise* ‘возглас удивления’, а семантика радости эксплицируется в следующих за СФ предложениях, в которых героиня называет встречу *delightful* ‘восхитительной’ и протягивает мисс Ли руку *with every appearance of joy* ‘с очень радостным видом’.

4. Превосходство. Примером употребления СФ типа *of all*+N_{pl} в этом значении может послужить фрагмент из статьи Мартина Сэмюэля в газете «Дейли Мейл»: *Pep Guardiola*, ***of all people***, *understands the cultural significance of football. He knows why Catalans at the Nou Camp wear yellow ribbons*, *he has experienced Bayern Munich's position as standard bearers for Germany in Europe*, *and the last three months will have revealed to him football's place in English society* ‘Пеп Гвардиола, как никто другой, понимает культурную значимость футбола. Он знает, почему каталонцы на «Камп Ноу» носят желтые ленты, он видел, как «Бавария» была знаменосцем Германии в Европе, а за последние три месяца, несомненно, понял, какое место футбол занимает в английском обществе’. *Of all people* в данном примере не значит буквально ‘из всех людей’, а ‘очень хорошо; лучше, чем многие люди’.

5. Акцентирование. В этом значении СФ модели *of all*+N_{pl} используется, например, в статье Роберта Тейлора в газете «Телеграф»: *The public won’t forgive the unions for choosing this,* ***of all moments****, to strike* ‘Люди не простят профсоюзам того, что они выбрали для забастовки именно этот момент’. Речь в данном контексте идет не о выборе одного из нескольких возможных вариантов времени объявления забастовки, поскольку эти варианты даже не называются, а о том, что в период, когда в стране сложная ситуация, по мнению автора, бастовать неуместно.

Правомерность причисления выражений модели *of all*+N_{pl} к СФ, кроме приведенных выше примеров их употребления в идиоматических значениях, также подтверждается лексикографическими источниками. Так, в «Оксфордском словаре английского языка для учащихся продвинутого уровня» [5] эта модель представлена в нескольких вариантах: во-первых, как идиома *of all people, things, etc.*, т. е. с постоянным лексическим компонентом *of all* и изменяемой частью; во-вторых, как идиома *of all* с объяснением, что она употребляется перед существительным, т. е. не самостоятельно, а в сочетании с переменным лексическим компонентом, что опять же соответствует признакам СФ; в-третьих, как идиома *of all the…*, которая, как следует из приведенных в словаре примеров, используется в сочетании с существительными. Отметим, что во всех

трех вариантах эти выражения называются идиомами без отнесения к классу СФ. Семантика фразеологизмов с постоянным компонентом *of all* в «Оксфордском словаре» в двух первых случаях определяется как ‘удивление’, что соответствует второму из выявленных нами значений СФ модели *of all+*N_{pl}, а в третьем – как ‘злость’, что соответствует первому значению в нашем перечне.

В онлайн-словаре английского языка «Мериам-Вебстер» [6] как идиома неформального стиля представлено выражение *of all (the)*, которое, как следует из приведенных там же примеров, не употребляется само по себе, а неизменно в сочетании с существительным (*of all people*, *of all times*), т. е. образует устойчивую синтаксическую модель с постоянным и с изменяемым лексическими компонентами. Ее семантика определяется как ‘удивление, неодобрение, злость’, что соотносится с первым и вторым значениями, выявленными у СФ модели *of all+*N_{pl} в нашем фактическом материале.

В белорусском языке нами не обнаружено такой модели СФ, которая совпадала бы с *of all+*N_{pl} во всех пяти значениях, т. е. была бы ее семантическим эквивалентом. Наиболее близкими по семантике фразеологическими соответствиями этих СФ являются СФ модели *што за+N* (*што за чалавек*, *што за сустрэча*, *што за навіна*), совпадающие в ними в трех первых значениях и так же выражающие недовольство, возмущение, злость; удивление; радость, восхищение [2, с. 77]. Например, в романе Кузьмы Черного «Весна» белорусский СФ модели *што за+N* передает недовольство, раздражение: *І не абсячэ ніхто ад студні*, *гэтак намерзла*! *А-яй*, ***што за людзі***. *Кожны ўсё на другога азіраецца*. В рассказе Тишки Гартного «Присады» СФ модели *што за+N* обозначает удивление говорящего: *Другі месяц пайшоў*, *і як завяло – ні сняжынкі*. ***Што за зіма*** *– трэба цуду давацца*, *ды годзі-ы*! Якуб Колас в романе «На ростанях» использует СФ этого типа для передачи восхищения, счастья: *Лабановіч паказаў рукою на ўсход*, *дзе скрозь праразі далёкага лесу прасвечваўся пазалочаны край неба*, *абмыты майскімі росамі*, *і разгортваліся цэлыя панарамы ўзгоркаў*. *– Эх*, ***што за мясціна***! В двух остальных значениях английских СФ модели *of all+*N_{pl} – ‘превосходство’ и ‘акцентирование’ – семантических соответствий среди белорусских СФ нами не выявлено.

Проведенный анализ показал, что функционирующие в английском языке выражения модели *of all+*N_{pl} соответствуют категориальным признакам СФ. Их постоянный компонент является составным и образуется двумя словами – предлогом и местоимением. Морфологическое наполнение позиции переменного компонента ограничено одной частью речи – существительным. Английские СФ модели *of all+*N_{pl} имеют пять модусных значений: ‘недовольство, возмущение, злость’, ‘удивление’, ‘радость’, ‘превосходство’, ‘акцентирование’. Их векторными соответствиями в белорусском языке выступают СФ модели *што за+N*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов, А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, А. Кошелев, 2008. – 656 с.

2. *Гаранович, Т. И.* Синтаксические фразеологизмы в белорусском и английском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Гаранович Татьяна Игоревна ; Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2024. – 210 л.

3. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (глав. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. II : Синтаксис. – 709 с.

4. British National Corpus. – URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (date of access: 04.01.2026).

5. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (date of access: 27.02.2026).

6. Meriam-Webster Dictionary. – URL : https://www.merriam-webster.com (date of access: 27.02.2026).

УДК 81'255.2

Глухенькая Леся Николаевна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия
lesyagluhenka@mail.ru

Lesya N. Gluhenkaya
PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia
lesyagluhenka@mail.ru

ТАК ЛИ НОВА «ИСКРЕННОСТЬ» КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ?

CAROL ANN DUFFY'S NEW ‘SINCERITY’ – IS IT NEW?

Статья посвящена изучению художественного языка последнего сборника британского поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи «Искренность» (2018) на примере его заключительного стихотворения с одноименным названием. Рассматривая поэзию Даффи в контексте культурного движения известного как «Новая искренность», можно констатировать связь между постмодернистскими поэтическими приемами и возрожденным интересом к эмоциональной открытости и этической вовлеченность в творчестве поэтессы. Анализ образов, структуры и тематической эволюции стихотворения позволяет проследить, что трактовка искренности у Даффи не является простым отказом от постмодернизма, а отражает его эволюционное развитие, демонстрируя переходную литературную чувствительность, характерную для метамодернистских культурных парадигм. В конечном счете «Искренность» интерпретируется как отражение зрелого поэтического голоса Даффи, где подлинность личного опыта и чувств, а также социальная осознанность и философские размышления объединяются для переосмысления роли поэзии в современном общественном дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *Кэрол Энн Даффи, Искренность, новая искренность, современная британская поэзия, общественный дискурс, постмодернизм, художественный язык.*

The article examines the concept of *sincerity* in the later poetry of Carol Ann Duffy, with particular focus on the poem *Sincerity* from the eponymous collection (2018). Situating the poem within the broader cultural framework of the movement commonly referred to as *New Sincerity*, the study explores the relationship between postmodern poetic strategies and the renewed emphasis on emotional authenticity and ethical engagement in the author's work. Through close reading of the poem's imagery, structure, and thematic progression, the article identifies that Duffy's treatment of sincerity does not represent a simple rejection of postmodernism but rather an evolutionary development within it, reflecting a transitional literary sensibility often associated with metamodern cultural paradigms. Ultimately, the poem is interpreted as a reflection of Duffy's mature poetic voice, in which personal authenticity, social awareness, and philosophical reflection converge to redefine the role of poetry in contemporary public discourse.

K e y w o r d s: *Carol Ann Duffy, Sincerity, New Sincerity, contemporary British poetry, public discourse, postmodernism, poetic language.*

Introduction

The growing emphasis on social and political issues in literature may always be interpreted as part of a broader tendency toward populism: expressing political views or social dissatisfaction through impassioned poetic declamation has once again become fashionable. Yet *new*[1] authors do not position themselves as judges, rather they speak in defense and on behalf, while critically reflecting on both global historical processes and personal experience. In this respect, their poetry reveals a close affinity with the tradition of political satire.

Among the authors who came to prominence at the dawn of the new century is Carol Ann Duffy (Poet-laureate in 2009–2019), widely regarded as one of the most influential contemporary poets in the United Kingdom.

Raised in a working-class environment, Duffy inherited a Labour-oriented political stance. Admittedly, the Scottish-Irish origins of her parents and the family's move to England during her early childhood influenced her perception of the 1980s British society. After finishing school, Duffy continued her education in Liverpool, where she began to establish herself as a poet and where she witnessed the era of Thatcherism. This important milestone in modern British history shaped her worldview. It was precisely during this period that her lyrics began to produce a vivid portrayal of contemporary British society. In 1985, when her debut collection *Standing Female Nude* was published, she gained widespread recognition among British readers.

From that time onward, she writes boldly about various political issues and their effect on the average British citizen. She began to explore social themes and had already established herself as a political poet with a harsh criticism of government policies long before accepting the laureateship. In subsequent collections such as *Selling Manhattan* (1987) and *The Oher Country* (1990) socio-political agenda continues to evolve. Finally, when Duffy assumed the post of Poet-laureate, she did so as an already established satirical socio-political writer.

Firstly, revisiting historic events through personal perspective and depicting post-industrial realities, she gradually turns to broader cultural and political issues such as excessive consumerism, the commercialization of culture, the free market economy, migration, and many others. Duffy's views situate her poetry firmly in the new poetic democracy of multicultural representation. This poetic paradigm encompasses writers from marginalized positions who articulate their experiences and challenge fixed cultural ideals and dominant political ideologies. She notes, as cited, that poets don't

[1] The terms New Poets and New Generation originate from a long-standing initiative of *The Poetry Society* in collaboration with *Arts Council England* and leading British publishers. As part of this initiative, once every decade, twenty *new poets* are selected. These are writers considered to occupy prominent positions within the poetic landscape. Their works are typically featured in special issues of *Poetry Review.*

have solutions, poets are recording the human experience [6, p. 72]. Indeed, during her 10 years' time as the poet laureate, Duffy demonstrated that she regarded herself as "more people's poet than monarch's band" [8].

Yours sincerely

Sincerity has been a defining element of Carol Ann Duffy's poetry throughout her career. In 2009 she stated that one of her motivations for accepting the position of the poet laureate was precisely the fact that she would be the first woman to hold the role as "the representative for all the others" [3].

Given Duffy's earlier politically engaged poetry depicting life in multicultural Britain during the 1980s and 1990s, and her close attention to the experiences of the underprivileged, critics widely debated whether her laureate poetry would avoid overt political commentary or distance itself from political engagement. However, Duffy maintained her understanding of the poet as a witness and reporter who "should have a finger on the national pulse" [10] throughout her tenure as laureate.

She has repeatedly argued that poets should sincerely engage with contemporary public issues, give voice to the concerns of ordinary people, and reflect the realities of modern life: "I think if you write a poem honestly you have got to do it as you are moved to do. What I am doing is living in the twentieth century in Britain and listening to the news every day and going out every day and reading the newspapers every day and meeting people who've had wonderful or horrifying experiences" [6, p. 70]. This perspective informs Duffy's view that the role of Poet-laureate should be "much more democratic" [8].

Accordingly, even while serving as a *monarch's* poet, she consciously preserved the public dimension of her poetry and continued to document the experience of living in British society during the 2010s and onwards. Her last collection written during her tenure as Poet-laureate, and a long-awaited continuation of *The Bees* (2011), was intentionally titled *Sincerity* (2018). Among other themes, the collection reflects her own frustration and profound anger toward contemporary political developments: "I don't remember ever having felt such a kind of lowering abstract stress coming from the political aura. It's just so demoralizing" [1], Duffy remarks.

Yet the question arises whether *Sincerity* can truly be understood as a political work. As critics observe, "theories of deconstruction and poststructuralist thought can persuade readers and students that the politics of a poem lies in an interrogation of linguistic structures" [9, p. 62]. Such theoretical developments have also affected the linguistic dimension of poetic expression. As Williams notes, "the disruption of syntax, narrative, and the foregrounding of language's generative properties through its slippages, puns, and wordplay serve to create a poetry of intense linguistic opacity. For language writing, the rupturing of politics and poetics – the divergence of poetic language from public discourse – possessed a distinct political agency" [9, pp. 72–73].

In this regard, Mikhail Bakhtin's understanding of the novel as a text 'contaminated' by multiple discourses provides a useful framework for explaining how poetry may function as political critique without requiring the poet to articulate

explicit political rhetoric. As Bakhtin suggests, “the world of poetry, no matter how many contradictions and insoluble conflicts the poet develops within it, is always illumined by one unitary and indisputable discourse” [2, p. 286]. Indeed, when asked about the title of her collection, Duffy explained: “I wanted to speak as myself both personally and as a citizen” [5].

A clear connection can therefore be observed between Duffy's *Sincerity* and the cultural tendency commonly described as *New Sincerity*. Emerging in the late 20th century as a response to the perceived cynicism and irony of postmodernism, this tendency reflects a renewed cultural demand for authenticity, emotional openness, and ethical engagement. The present article examines the poetic language of Duffy's recent collection, focusing particularly on the eponymous poem, in order to determine whether *sincerity* (whether understood as ‘new’ or ‘old’) should be interpreted as an organic development within the evolution of the poet’s worldview and whether it emerged from the very foundations of postmodern aesthetics, which have long formed Duffy's individual poetic style.

So *Old* or *New*?

New Sincerity originates within the intellectual framework of postmodernism, and the turn toward it may be interpreted as another stage in the ongoing search for new cultural paradigms. Yet this development contains a certain paradox. Deconstruction is the central methodological impulse of postmodern thought, relying on the dismantling of established structures, including its own. Consequently, Ellen Rutten observes that *New Sincerity* “acts as both a replacement for and a continuation of postmodernism” [7]. This paradox is particularly evident in the work of Carol Ann Duffy.

Throughout her career, Duffy has been known for her ability to examine both public and intimate aspects of human experience with a distinctive combination of realism and irony. This approach is particularly evident in her reinterpretations of classical narratives in *The World's Wife* (1999), a collection that for many years defined the postmodern dimension of her poetic practice. Openness and emotional expressiveness have always been among the most striking features of Duffy's poetic language. At the same time, the local and the personal are consistently framed through intertextual connections with broader cultural traditions. Intertextuality and intercultural dialogue, often manifested through playful experimentation with forms, stylistic conventions, and literary motifs are central features of Duffy’s writing.

However, these postmodern techniques serve not merely to dismantle established meanings but also to generate new ones. In her collection *Sincerity*, Duffy creates a space for alternative modes of expression that foreground the ordinary experiences of everyday life, often marked by bitterness, vulnerability, and moral ambiguity, yet deeply reflective of the emotional and intellectual realities of her contemporaries.

The poem *Sincerity* under analysis concludes the anthology. As the final piece in the collection, it assumes a climactic role within the poet's broader reflection on humanity, emotional authenticity, and the search for meaning. In this poem, the

human subject appears immersed in the flow of time and exposed in all its vulnerability before nature, the primordial source from which humanity emerged, before society, within which individuals seek meaning, and ultimately before the vastness of the universe itself.

The tone of *Sincerity* may initially appear restrained, even tinged with irony. Yet this tone conceals a deeper philosophical reflection on the nature of authenticity. For the poet, sincerity is neither a grand moral proclamation nor an easily identifiable virtue; it manifests itself in quiet observation, moments of contemplative awareness, and the patient attempt to understand the world. The poem implicitly constructs a symbolic progression through several stages of learning sincerity.

The first of these stages is represented by nature itself. As the lyrical speaker observes the natural world, she confronts its fundamental laws: the weak inevitably become prey to the strong, as illustrated by the image of the thrush catching a worm:

So. I stand still,
quiet as a soul,
to watch the song thrush
hoodwink the grass
of a worm.
I am all sincerity. [4, p. 75]

In this sense, nature embodies an elemental form of truth. Unlike human discourse, it cannot be falsified or distorted by language; the cyclical processes of life remain beyond the reach of deception.

The second stage concerns the linguistic and cultural dimension of human existence. Here the lyrical speaker reflects on the experience of misunderstanding during the Latin mass, describing herself as *lost in translation*:

As when
I go to the dictionary …
and there be I,
the only one
in the back pew at the Latin mass;
lost in translation. [4, p. 75]

Language, one of humanity's most powerful cultural achievements, reveals its inherent limitations. Since the time of ancient Babylon, people have sought a common language through which they might understand one another. Yet linguistic systems and social institutions do not necessarily eliminate misunderstanding; on the contrary, they may obscure truth and facilitate deception.

Biblical imagery and references to the Old Testament frequently appear in Duffy's poetry. Born in Scotland to a family of Irish descent, the poet received a

Catholic education in a convent school, an experience that left a lasting imprint on her literary imagination.

The third stage of the poem introduces a markedly different emotional register. The closing stanzas adopt a more contemplative and philosophical tone. Through the metaphor of breath joining the stars, the poet symbolically immortalizes every human being who has ever lived and sought harmony with the Universe:

Or I look up
from the hill at Moniack,
to see my breath
seek its rightful place
with the stars,
with everyone else who breathes. [4, p. 75]

To remain truthful not only toward others but also toward oneself as a part of this larger cosmic order becomes the ultimate aspiration of the lyrical voice. In this way, Duffy also gestures toward her own poetic vocation: to allow her *breath* to find its rightful place among the voices of others, speaking *sincerely* on their behalf and alongside them.

The poem's formal features reinforce this thematic orientation. Its free verse structure creates the impression of a natural, unforced mode of expression, resembling the rhythms of everyday speech. Short lines, pauses, enjambment, and visually shaped stanzas evoke the cyclical movement of time and the continuity of lived experience.

Notably, the poem is structured around a single subjective perspective, which underscores the interconnection between postmodern and metamodern sensibilities within Duffy's lyric voice. The repeated first-person statements leave little doubt that the poetic voice closely aligns with the author herself. This choice appears deliberate: unlike in earlier works such as *The World's Wife*, where Duffy frequently spoke through the voices of other characters, here the poet abandons such masks. *Sincerity* thus becomes an attempt to articulate personal experience directly rather than through intertextual mediation.

Conclusion

Sincerity traces a deeply personal trajectory – a return to origins. The references to childhood, embodied in the image of the Latin mass, and to homeland, suggested by the landscape of *Moniack Gorge*, reinforce the autobiographical dimension of the poem. Duffy's Catholic upbringing and her Scottish cultural background form an important symbolic framework that informs the poem's imagery and philosophical perspective.

At the same time, the poem should not be interpreted solely as a personal confession. Rather, it represents a broader poetic gesture toward reconnecting individual experience with collective historical and cultural memory. In this respect,

the lyrical voice functions not merely as an autobiographical speaker but also as a mediator between private reflection and shared social reality.

The analysis undertaken in this article demonstrates that Duffy's poetic strategy in Sincerity cannot be fully explained either by postmodern irony or by a straightforward return to traditional lyric sincerity. Instead, the poem reveals a transitional aesthetic position that combines elements of both paradigms, and postmodern devices are increasingly subordinated to a search for emotional authenticity and ethical clarity.

Consequently, the concept of sincerity in Duffy's poetry may be interpreted as part of a broader cultural shift toward what scholars have described as metamodern or post-postmodern sensibility. Within this framework, sincerity emerges not as the rejection of postmodernism but as its transformation: irony and reflexivity continue to operate, yet they coexist with a renewed aspiration toward truthfulness, empathy, and moral engagement. From this perspective, the poem *Sincerity* illustrates how poetry can negotiate the tensions between personal authenticity and cultural mediation, between skepticism and belief, and between individual voice and collective experience.

Ultimately, the poem suggests that sincerity is not a fixed moral category but a dynamic process of self-positioning within the world. By situating the lyrical subject simultaneously within nature, language, and the cosmos, Duffy constructs sincerity as an ongoing act of awareness – a continuous effort to speak truthfully within the complex discourses that shape modern existence. Thus, her *Sincerity* may be understood as a poetic principle that defines her mature artistic vision: the attempt to reconcile postmodern self-consciousness with an enduring human desire for authenticity, connection, and meaning.

REFERENCES

1. *Allardice, L.* Carol Ann Duffy: 'With the evil twins of Trump and Brexit… There was no way of not writing about that, it is just in the air' // The Guardian, 27 October 2018. – URL: https://www.theguardian.com/education/2011/sep/05/carol-ann-duffy-poetry-texting-competition.
2. *Bakhtin, M.* The Dialogic Imagination: Four Essays / ed. M. Holquist, trans. C. Emerson, M. Holquist. – Austin and London: University of Texas Press, 1981. – 446 p.
3. *Burgin, L.* Great Britain’s Poet Laureate Carol Ann Duffy brings her personal poetry to UMMA // The Michigan Daily, 12 January 2010. – URL: https://www.michigandaily.com/uncategorized/carol-ann-duffy-lecture/.
4. *Duffy, C. A.* Sincerity. – London: Picador, 2018. – 75 p.
5. *Major, N.* THE SRB INTERVIEW: Carol Ann Duffy // Scottish Review of Books, 10 November 2018. – URL: https://www.scottishreviewofbooks.org/2018/11/the-srb-interview-carol-annduffy/.

6. *McAllister, A.* Carol Ann Duffy Interview. – Béte Noire, 6, 1988. – Pp. 69–77.
7. *Rutten, E.* Sincerity after Communism: A Cultural History. – New Haven; L.: Yale University Press, 2017. – 289 p.
8. *Viner, K.* Metre Maid // The Guardian, 25 September 1999. – URL: https://www.theguardian.com/books/1999/sep/25/costabookaward.features.
9. *Williams, N.* Contemporary Poetry. – Edinburgh University Press Ltd., 2011. – 264 p.
10. *Wroe, N.* Interview: Carol Ann Duffy on Five Years as Poet Laureate: 'It Has Been a Joy.' // BBC News, 27 September 2014. – URL: https://www.theguardian.com/books/2014/sep/27/carol-ann-duffy-poetlaureate-interview.

УДК 81:659.44:791.44.071.2(73+47)(045)

Голикова Татьяна Ильинична
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
современных технологий перевода
Белорусский государственный
университет иностранных языков, г.
Минск, Беларусь

Golikova Tatiana Ilyinichna
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of
the Department of Modern Translation
Techniques
Belarusian State University of Foreign
Languages,
Minsk, Belarus
gti2003@yandex.ru

Азевич Анастасия Анатольевна
студентка 5 курса факультета
межкультурных коммуникаций
Белорусский государственный
университет иностранных языков,
г. Минск, Беларусь

Azevich Anastasiya Anatolievna
5th-year student of the Faculty of Intercultural
Communication,
Belarusian State University of Foreign
Languages,
Minsk, Belarus

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМИДЖА ИЗВЕСТНЫХ ПЕРСОН ИЗ МИРА АМЕРИКАНСКОГО И РОССИЙСКОГО КИНО

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE FAMOUS FIGURES IN THE AMERICAN AND RUSSIAN CINEMA WORLD

В статье рассматриваются особенности репрезентации имиджа двух широко известных медийных персон из американского и российского кино – Тома Хэнкса и Никиты Михалкова. Формирование и развитие имиджа в массмедиа наиболее ярко проявляется с помощью лингвистических стилистических средств, таких как эпитеты, сравнения, метафоры, оксюмороны и др., что позволяет поддержать в общественном сознании устоявшийся образ названных персон.

Ключевые слова: *имидж*; *известная персона*; *мир кино*; *Том Хэнкс*; *Никита Михалков*; *стилистические средства*.

The article deals with the description of the image of the two well-known figures in American and Russian cinema world – Tom Hanks and Nikita Mikhalkov based on their common and different features. The role of linguistic stylistic means such as epithets, metaphors, simile, oxymoron in the formation and strengthening their profiles is being described.

Key words: *image*; *famous person; cinema world*; *Tom Hanks*; *Nikita Mikhalkov*; *stylistic devices.*

В условиях возможного культурного обмена и взаимодействия между американской и российской киношколами, представляется важным изучение лингвистических особенностей формирования и способов предъявления имиджа известной персоны в разных языковых и культурных контекстах. Сопоставительный анализ англоязычных и русскоязычных источников в СМИ позволяет выявить общие и отличные пути создания и поддержания образа медийной персоны, а также определить, как культурные различия влияют на создание имиджа в конкретном культурном контексте.

В центре нашего внимания находится языковая составляющая имиджа известной персоны из мира кино, репрезентируемая в вербальных средствах, используемых для формирования и продвижения образа деятеля кино в публичном пространстве. Особое значение приобретает изучение лексических, стилистических средств, риторических приемов и других лингвистических средств, влияющих на восприятие персоны как профессионала, публичной личности и общественного деятеля.

Материалом исследования послужили современные англоязычные и русскоязычные материалы из СМИ о таких деятелях из мира американского и российского кино, как Том Хэнкс и Никита Михалков.

Выбор названных персон из мира кино обусловлен их высокой медийностью и значимостью в обществе: оба являются лауреатами кинопремии «Оскар», оба известны своими актерскими и режиссерскими работами, их имена регулярно упоминаются в СМИ. Том Хэнкс – дважды лаурет премии «Оскар» за художественные фильмы “Philadelphia” («Филадельфия», 1993) и “Forrest Gump” («Форрест Гамп», 1994). Никита Михалков – лауреат премии «Оскар» за художественный фильм «Утомленные солнцем» (1994), а также имеет высокие награды Каннского и Венецианского кинофестивалей.

Том Хэнкс является одним из самых известных актеров в американском кино и имеет значимое влияние на киноиндустрию и общество, что заметно при анализе его имиджа в СМИ. Данный факт подтверждается статистикой: исследование, выполненное с помощью Google Tools в период с 1 апреля по 30 июня 2025 года, зафиксировало более 49 100 упоминаний имени актера в англоязычных СМИ, включая такие авторитетные издания как Fox News, NBC Insider, The Independent, The Guardian, People, Esquire и The New York Times. Упоминания Т. Хэнкса часто связаны с его новыми проектами, благотворительными инициативами и высоким уровнем общественного доверия. Он известен своими ролями скромных, «простых» героев и воспринимается как воплощение американских идеалов. В прессе его часто называют *America’s Dad* ‘отцом Америки’ [1] и *Hollywood’s Everyman* ‘обычным жителем Голливуда’ [2]. Т. Хэнкс открыто высказывает свои убеждения и подчеркивает важность правдивости, единства и моральных принципов в публичных выступлениях. В частности, газета The Guardian назвала его ‘самым заслуживающим доверия человеком в США’ “*Tom Hanks is the most trusted person in the US*” [3]. Кроме

того, актер часто высказывается по важным общественным и культурным вопросам, включая образование, экологию и развитие технологий, например, в интервью газете The Times в 2025 году, посвященном применению искусственного интеллекта в кино [4].

В российском кинематографе Никита Михалков относится к числу широко узнаваемых и обсуждаемых личностей. Будучи известным режиссером, актером и активным общественным деятелем, Н. Михалков на протяжении длительного времени поддерживает постоянное присутствие в информационном поле. Его участие в социально-политических и культурных дебатах делает его характерным примером медиаперсоны с вызывающим разногласия имиджем. Кроме того, через руководящие позиции в обществе имидж Н. Михалкова позиционируется как важный голос культуры, объединяющий художественную и общественно-политическую роли.

Согласно статистическим данным, собранным с использованием Google Tools за три месяца, в период с 1 апреля по 30 июня 2025 года, имя Никиты Михалкова упоминалось в русскоязычных СМИ 5 410 раз. Среди источников – портал РБК, сайт «Первого канала», РИА Новости, «Известия», ТАСС и другие. Эти публикации затрагивают не только работу Н. Михалкова в кино, но и его общественные выступления. Например, 17 июня 2025 года Никита Михалков выступил перед депутатами Государственной Думы впервые на пленарном заседании на тему сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [5].

Известны высказывания Н. Михалкова о защите русского языка, противостоянии культурному влиянию Запада, воспитании патриотического сознания. В медиапространстве он представляется одновременно как патриот, идеолог, защитник культуры и высокой морали, а иногда – вдохновитель идей, поскольку открыто и резко выражает свои позиции, задает неудобные вопросы, метафорически и эмоционально реагирует на события.

При множестве лексических и синтаксических средств, создающих медийный имидж публичных персон, мы расставляет акцент на стилистические средства, поскольку они в наибольшей степени отражают субъективное отношение медиа к объекту описания. Тропы, такие как эпитет, метафора, сравнение, аллюзия, оксюморон, не просто передают информацию, но и формируют эмоциональную, символическую и культурную нагрузку, закрепляя за личностью определенные ассоциации. Они позволяют исследовать, какие качества личности усиливаются или, наоборот, уходят на задний план в лингвистической репрезентации Т. Хэнкса и Н. Михалкова, и как через язык выстраивается устойчивый имидж названных персон. Такой акцент обусловлен несколькими причинами: во-первых, стилистические тропы несут в себе значительную смысловую нагрузку и способны ярко формировать восприятие образа. Они не просто описывают личность, но и направляют эмоциональную реакцию аудитории, определяя идеологические акценты.

Во-вторых, имидж публичной фигуры создается посредством многократного воспроизведения лексических и стилистических моделей. Именно тропы зачастую несут в себе идеологически окрашенные элементы. Например, такие высказывания, как «*Никита, конечно, – человек мощный, сильный. Это глыба. Без него представить наше русское искусство за последние 50 лет, скажем, просто невозможно*» [6]. Кроме того, тропы формируют устойчивое повествование, определяя ролевую модель субъекта (лидера, защитника, новатора, патриота, инициатора), что особенно заметно в текстах, посвященных общественным выступлениям Н. С. Михалкова.

Анализ стилистических средств, использованных в СМИ для репрезентации имиджа Тома Хэнкса и Никиты Михалкова, показывает, что в обоих случаях наибольшее количество составляют эпитеты: 49, 3% в статьях о Т. Хэнксе и 43, 2% в статьях о Н. Михалкова. Это подтверждает тенденцию к описанию эмоциональной и оценочной характеристики личности в СМИ.

Для образа Тома Хэнкса характерна активная интерпретация положительных личностных качеств через эпитеты и метафоры, формирующие имидж добропорядочного человека и «обычного парня»: *one of Hollywood's true gentlemen* ’один из истинных джентльменов Голливуда’, *an actor with the Midas touch* ‘актер с «прикосновением Мидаса»’. Аллюзии и сравнения выполняют функцию культурной ориентации, вписывая актера в архетипический образ американского идеала: *everyone’s favorite good guy* ‘любимый всеми хороший человек’. Имидж Никиты Михалкова более идеологизирован: в текстах содержатся сравнения, отсылающие к историческим и культурным аналогиям, подчеркивающим статус названной персоны: *луч света*, *режиссер-солнце*. Метафоры и аллюзии используются для усиления символического образа Н. Михалкова как общественного деятеля, который выступает за традиции и нередко прибегает к своей авторитетности: *уже генерал*, *не солдат*.

Лингвистическая репрезентация Н. С. Михалкова и Т. Хэнкса в русскоязычных и англоязычных СМИ, соответственно, существенно различается на уровне частотности частей речи. У Никиты Михалкова наибольшую долю составляют существительные, что указывает на преобладание идеологизированной лексики: *власть*, *народ*, *культура*. У Тома Хэнкса, напротив, выражена тенденция к оценочной и эмоциональной лексике, что подчеркивает близость имиджа Т. Хэнкса к аудитории: он описывается как *honest* ‘честный’, *modest* ‘скромный’, *beloved* ‘любимый’, *trusted* ‘заслуживающий доверия’.

В американском и российском медиапространстве имидж деятелей кино Тома Хэнкса и Никиты Михалкова имеют схожие и отличительные черты. Оба начали свою карьеру более 40 лет назад и с тех пор формируют и шлифуют свой имидж, оба являются значимыми фигурами в кинематографе, обладателями престижных наград и их имена часто упоминаются в новостных публикациях.

Однако, публичный имидж каждого из них формируется на основе различных подходов и установок.

Медийный образ Тома Хэнкса в англоязычных СМИ последовательно выстраивается вокруг его положительных качеств и образа «простого парня», «обычного жителя» Голливуда. Часто используемые эпитеты и прозвища подчеркивают его простоту, искренность, а черты его персонажей приписывают самому актеру, что позволяет считать его имидж безупречным: *This era for him was important for his overall legacy, as his immaculate screen persona being embedded with other noble figures contextualizes the public's relationship with the actor*. 'Эта эпоха была важна для его общего наследия, поскольку безукоризненный экранный имидж, запечатленный рядом с другими благородными фигурами, определяет контекст отношения публики к актеру' [7]. Журнал PEOPLE открыто называет Хэнкса 'хорошим человеком': *Tom Hanks is a good guy – and he knows it* 'Том Хэнкс – хороший человек, и он это знает' [8]. Высказывание отражает его дружелюбие и порядочность, а сам актер подтверждает: *I am not malevolent. I'm not mysterious. You're not going to get a huge amount of anger out of me…* 'Я не злонамерен. Я не загадочен. Вы не получите от меня большого проявления злости…'[8]. И даже если над Т. Хэнксом берут верх эмоции, он все равно возвращается к своему имиджу спокойного и нескандального человека: *Hanks, though, quickly struck a conciliatory tone, saying: "But you know, that's the thing we all signed up for. That's the carnival, that's the contest, right? I've got faith in that*" 'Хэнкс, однако, быстро перешел на примирительный тон, сказав: «Но вы знаете, это то, на что мы все подписались. Это карнавал, это соревнование, верно? Я верю в это»'[9]. На протяжении десятилетий он смог построить имидж добропорядочного человека и заслужить статус *America's dad* 'Отец Америки' и стать воплощением американских ценностей: *As the personification of all-American values in a string of films ranging from Saving Private Ryan and Apollo 13 to Toy Story, Hanks' status is perhaps understandable* 'Статус Хэнкса, воплощения истинно американских ценностей в ряде фильмов, начиная от «Спасти рядового Райана» и «Аполло-13» и заканчивая «Историей игрушек», пожалуй, понятен' [3].

Никита Сергеевич Михалков тоже является хранителем традиций, только российских, и этот архетип хранителя ценностей и традиций является общим для Т. Хэнкса и Н. Михалкова. Как и Тома Хэнкса, Никиту Сергеевича ценят в профессиональной сфере, а также отмечают его вклад в культуру России: «Народный артист России, председатель Союза кинематографистов РФ, герой труда РФ Никита Михалков считает, что сила России – в ней самой и в умении противостоять мировому злу» [10], а издание «Известия» называет Никиту Сергеевича «самым русским режиссером» [11]. Но в отличии от Тома Хэнкса имидж Никиты Михалкова неоднозначен, в частности из-за его собственных резких высказываний. Никита Сергеевич также преподносит себя как человека, обличающего пороки общества: «*Думаю, что как раз мой небесный покровитель*

Никита Бесогон может нам помочь сегодня разобраться в том, что ж такое правда и что такое неправда, и как из правды легко и непринужденно, двумя-тремя фразами делается неправда» [12].

Несмотря на разные культурные реалии, имидж Т. Хэнкса и Н. Михалкова имеют определенные сходства. Оба воспринимаются как «отцовские» фигуры в своих культурах: Тома Хэнкса называют «отцом Америки», а Никиту Михалкова – метафорически, «отцом нации», ментором, оберегающим традиции России. Оба стремятся апеллировать к понятиям морали и честности. Т. Хэнкс подчеркивает идею о том, что успех и доброта неразделимы, а Н. Михалков провозглашает «противостояние лжи в исторических нарративах» и формирование патриотического самосознания. Для обоих характерен образ «народного героя» – Т. Хэнкс как «человек из народа» с открытой душой, а Н. Михалков сосредоточен на народных ценностях, будучи наследником известного рода.

Вместе с тем, существуют и различия. Том Хэнкс – всемирно известная медийная личность, образы его персонажей лишены явной политической окраски и наполнены оптимизмом (*семейный человек*, *простой парень*). Его образ универсален: прозвища, такие как *America's Dad* 'Отец Америки' и *Hollywood's Everyman* 'обычный житель Голливуда', делают его понятным для широкой публики. Никита Михалков является фигурой, связанной с российским искусством и политикой, и его имидж тесно переплетен с идеологией и патриотизмом. В стиле общения Т. Хэнкса сдержан и доброжелателен, в то время как Н. С. Михалков в общении более напорист и не примерим.

В результате анализа имиджа двух медийных персон из мира киноискусства было выявлено, что образ Т. Хэнкса ассоциируется с традиционными американскими ценностями, теплом и доверием публики; образ Н. Михалкова – с патриотизмом, полемикой и неоднозначной авторитетностью. Обе персоны демонстрируют, каким образом такие публичные персоны, как артисты, режиссеры через медиадискурс становятся символами определенных общественных идеалов: имидж Тома Хэнкса ассоциируется с чертами стабильности и уверенности во благо, а Никиты Сергеевича Михалкова – с чертами патриотизма, бескомпромиссности и идеологизированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Betancourt*, M. How Tom Hanks Slowly Became America's Dad / M. Betancourt // Esquire. –
URL : https://web.archive.org/web/20180213104138/http:/www.esquire.com/entertainment/movies/a48447/tom-hanks-american-dad/. – Publ. date : 08.09.2016.

2. *Thorpe*, V. Honest, brave, modest: why the world can't get enough of Tom Hanks / V. Thorpe // The Guardian. –

URL : https://www.theguardian.com/film/2021/jan/31/honest-brave-modest-why-the-world-cant-get-enough-of-tom-hanks. – Publ. date : 31.01.2021.

3. *Pulver*, A. Tom Hanks voted America's most trusted person / A. Pulver // The Guardian. – URL: https://www.theguardian.com/film/2013/may/10/tom-hanks-americas-most-trusted-person. – Publ. date : 10.05.2013.

4. Tom Hanks defends use of de-ageing software in Here // The Times. – URL: https://www.thetimes.com/culture/film/article/tom-hanks-artificial-intelligence-here-bfkm8gsg7. – Publ. date : 14.01.2025.

5. Вячеслав Володин: мнения депутатов и Никиты Михалкова сошлись по ряду актуальных вопросов // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: http://duma.gov.ru/news/61666/. – Дата публ.: 23.06.2025.

6. Татьяна Михалкова: Никита – это глыба. Без него представить русское искусство за последние 50 лет просто невозможно // Общественное телевидение России (ОТР). – URL: https://otr-online.ru/programmy/ot-pervogo-litsa/tatyana-mihalkova-nikita 17138.html?ysclid=mh09ncpkf7222954832. – Дата публ.: 21.10.2015.

7. *Butt*, T. The 2010s Was When Tom Hanks Became America's Dad / T. Butt // Collider. – URL: https://collider.com/tom-hanks-americas-dad/. – Publ. date : 26.06.2025.

8. *Russian*, A. Tom Hanks Won't Play Bad Guys Because He's Not 'Malevolent': 'I Don't Think I Can Fake' It / A. Russian // People. – URL: https://people.com/movies/tom-hanks-wont-play-bad-guys-because-hes-not-malevolent-i-dont-think-i-can-fake-it/. – Publ. date : 13.11.2019.

9. *Pulver*, A. Tom Hanks describes film critics using an expletive / A. Pulver // The Guardian. – URL: https://www.theguardian.com/film/2024/nov/06/tom-hanks-describes-film-critics-using-an-expletive-conan-o-brien. – Publ. date : 06.11.2024.

10. Михалков рассказал, в чем заключается сила России // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24295611?ysclid=mioxnlxgku294150. – Дата публ.: 20.06.2025.

11. *Маслова*, Л. Самый с усами: Никита Михалков и его умение сочетать несовместимое / Л. Маслова // IZ.RU. – URL: https://iz.ru/802484/lidiia-maslova/samyi-s-usami-nikita-mikhalkov-i-ego-umenie-sochetat-nesovmestimoe. – Дата публ.: 21.10.2018.

12. *Щигарева*, М. Никита Бесогон. Михалков в своем шоу унижает оппонентов и разоблачает «бесовщину». За что его боготворят фанаты? / М. Щигарева // Лента.Ру. – URL: https://lenta.ru/articles/2022/07/26/besogon/. – Дата публ.: 26.07.2022 .

УДК

Грицкевич Наталья Петровна,
доцент кафедры иноязычного речевого общения, кандидат педагогических наук, доцент, Белорусский государственный университет иностранных языков

N. P. Gritskevich
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, BSUFL
Minsk, Belarus

Сунцова А. С.
студентка 403/1 группы ФМК, Белорусский государственный университет иностранных языков

A. S. Suntsova,
student ofBSUFL
Minsk, Belarus

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ХИЛИНГ-РОМАНА

THE LINGUISTIC FEATURES OF THE KOREAN HEALING NOVEL

В статье рассматривается новое направление в современной литературе – корейские хилинг-романы. Авторы анализируют структурно-композиционные и лингвистические особенности хилинг-романа на материале художественного произведения «Welcome to the Hyunam-Dong Bookshop» корейской писательницы Хван Порым.

Ключевые слова: *хилинг-литература; корейские хилинг-романы; структурно-композиционные особенности; лингвистические особенности.*

The article examines a new trend in contemporary literature – Korean healing novels. The authors analyze the linguistic features of the healing novel based on the literary work "Welcome to the Hyunam-Dong Bookshop" by the Korean writer Hwang Bo-reum.

Keywords: *healing literature; Korean healing novels; structure-composition features; linguistic features.*

Начиная с 2010-х годов в Южной Корее получила распространение культура «хилинга» (*healing*), ориентированная на исцеление душевных и духовных ран и достижение физического и психического здоровья. Вместе с этим изменилась структура книжных бестселлеров. Ранее обычно бестселлерами чаще всего были практические книги, такие как книги по саморазвитию или учебные пособия. Их место заняли хилинг-романы.

В современной хилинг-литературе можно выделить два направления: хилинг-эссе и хилинг-романы. В 2020-е годы в рамках развития хилинг-тенденции произошло дальнейшее развитие литературных предпочтении. Среди бестселлеров популярный жанр эссе сменился романами. Эссе были

сосредоточены преимущественно на внутренней рефлексии личности и популяризировали идею сосредоточенности на себе и восстановления самооценки.

Хилинг-романы начали делать акцент на теме важности общения с другими людьми и представлять жизнь как многомерное пространство, включающее эмпатию и коммуникацию с другими людьми [1]. Корейские хилинг-романы, находят глубокий отклик у читателей. Их популярность и успех обусловливается несколькими факторами [2].

Во-первых, они затрагивают общечеловеческие чувства через темы любви, дружбы и самопожертвования, вызывая у читателей ностальгию и ощущение эмоциональной связи.

Во-вторых, сама концепция «хилинга» подразумевает осознанность, единение с природой и заботу о себе, что перекликается с популярными культурными концепциями о счастье. Таким образом, глобальная востребованность хилинг-романов объясняется вниманием к ментальному здоровью, медленным темпом, продуманным сюжетом и философским отношением к повседневности.

Еще одним фактором, повысившим интерес к хилинг-литературе, стала пандемия COVID-19, когда многие люди испытывали тревогу, находясь в строгой изоляции. Корейские дорамы и романы с захватывающими историями, наполненные богатыми эмоциями, предоставили зрителям и читателям необходимую психологическую разгрузку от постоянного стресса жизни в условиях карантина. Процесс чтения оказался эффективным средством отвлечься и справиться с информационной перегрузкой, что помогло многим людям пережить период социального дистанцирования [3].

Хилинг-романы значительно влияют на читателей, побуждая к размышлениям о жизни и вселяя надежду. Поскольку современное общество становится всё более конкурентным, потребность в эмоциональной разрядке возрастает. Читатели все больше обращаются к историям, дающим утешение, повод для самоанализа и надежду. Герои корейской литературы становятся для них примером того, как можно противостоять социальному давлению и находить собственный жизненный путь.

Наше исследование проводилось на материале англоязычной версии художественного хилинг-романа «Welcome to the Hyunam-Dong Bookshop» современной южнокорейской писательницы Хван Порым [4], получившей известность после выхода этого дебютного романа. Книга стала бестселлером в Южной Корее, а также была переведена на несколько иностранных языков.

Рассмотрим структурно-композиционные и лингвистические характеристики данного художественного произведения.

Структурно-композиционные особенности.

Для хилинг-романов характерна определенная организация композиции и повествования для достижения исцеляющего эффекта. Заголовками хилинг-

романов часто становятся хилинг-пространства, в которых развивается сюжет. В нашем случае хилинг-пространством художественного произведения «Welcome to the Hyunam-Dong Bookshop» выступает книжный магазин.

Структурно роман делится на короткие эпизодические главы и строится по принципу сборника, где отдельные истории персонажей объединены хилинг-пространством, книжным магазином. Читатель последовательно знакомится с героями и их внутренними конфликтами, разрешение которых происходит через их взаимодействие друг с другом и с постоянными сотрудниками магазина, чьи образы также раскрываются по мере развития сюжета. Такое повествование создает создать эффект рассказа в рассказе, предоставляя возможность глубоко проникнуть в сознание каждого из персонажей.

Во-первых, такая структура позволяет читателю примерить на себя роли множества разных персонажей, что способствует развитию эмпатии и многостороннему восприятию мира. Во-вторых, фрагментированное, эпизодическое изложение облегчает восприятие текста. Книга удобна для нерегулярного или выборочного чтения, так как состоит из коротких, законченных историй внутри основного сюжета. Эта особенность делает жанр особенно востребованным в современных условиях быстрого темпа жизни, постоянной информационной перегрузки и низкой концентрации.

Названия глав хилинг-романов также имеют свою специфику. Они отражают хилинг-пространство и его особенную, комфортную атмосферу.

Лексико-семантические особенности.

Хилинг-романы произошли из эссе, поэтому если анализировать язык таких романов, можно заметить, что в них присутствует большое количество лексики для подробных описаний внутренних переживаний персонажей.

В результате исследования было установлено, в отличие от других жанров, лексика хилинг-романов связана с психологическим комфортом, книжной культурой как источником мудрости, философией осознанности и медленной жизни. Особую значимость приобретает лексика, описывающая простые бытовые ритуалы, что создает особую, умиротворяющую атмосферу, которая привлекает читателей этого жанра.

Общеупотребительная и специальная лексика.

Общеупотребительная лексика позволяет легко погрузиться в историю и сосредоточиться на сюжете, а также описать сложные душевные процессы простыми словами, делая внутренний мир героя понятным читателю. В ходе исследования было выявлено, что автор в первую очередь использует лексику, связанную с книжной культурой, так как книжный магазин в данном случае является основным хилинг-пространством, где происходит весь сюжет.

A man was loitering outside the bookshop.

The floor-to-ceiling shelves crammed with novels.

In elementary school, little Yeongju pestered her dad to line all four walls in her room with storybooks.

The wall of novels in the bookshop was her way of coming full circle to fulfil her childhood dream.

Автор также часто обращается к использованию слов, связанных с комфортом, уютом, спокойствием, чтобы создать ощущение безопасного пространства.

The moment she stepped inside, she relaxed, as if her body and senses basked in the comfort of returning to her workplace.

Instead, she learnt to listen to her body, her feelings, and be in happy places.

She would ask herself these questions: does this place make me feel positive? Can I be truly whole and uncompromisingly myself? Do I love and treasure myself here?

The wall of novels in the bookshop was her way of coming full circle to fulfil her childhood dream.

Later, tired from crying, she would curl up and fall asleep in his embrace.

The languid and dreamy voice filled the air as a new day at Hyunam-dong Bookshop began.

Эмотивная лексика.

Для хилинг-романов характерно создание особой, умиротворяющей атмосферы, где отдельные истории персонажей объединены хилинг-пространством, книжным магазином, в которой развивается сюжет. Так как безопасность хилинг-пространства подразумевает свободное выражение эмоций, в романе можно встретить изобилие лексики, описывающей различные эмоциональные состояния, предоставляя читателю возможность глубоко проникнуть в сознание каждого из персонажей.

"Startled, the man turned his head sharply."

'Well, not sure about other things, but I'm definitely envious that you start work at lunchtime,' he quipped.

"Looking into her eyes, he wondered if they were the reason why he was so nervous right now. Of course, there was also the (not insignificant) possibility that he was simply jittery about the seminar."

"In the past, she used to live by mantras like passion and willpower..."

"Then one day she realised it felt like she was driving herself into a corner..."

"She would ask herself these questions: does this place make me feel positive?"

"An unbreakable habit, the negativity reared its ugly head to drag her down, but she quickly pushed back with happier thoughts."

"It was love at first listen."

"The hardest thing for her was that she developed an intense hatred for people... and she felt nothing but contempt at the sight of that moron assistant manager."

"It was obvious she'd been crying."

"You look terrible. What's wrong?"

“The light’s extinguished in your eyes. Why do you look so defeated?”
“I just feel lost.”

В результате проведённого исследования романа мы пришли к выводу, что роман имеет некоторые структурно-композиционные особенности. Во-первых, он представляет собой сборник коротких, завершённых эпизодов, посвященных разным персонажам. Такая фрагментированная структура способствует развитию эмпатии у читателя через погружение в опыт множества героев и облегчает восприятие в условиях современного ритма жизни. Во, вторых, названия глав отражают уютную атмосферу хилинг-пространства, подчеркивают роль хилинг-пространства как безопасной среды для разделения переживаний, задают философские вопросы или акцентируют внимание на преодолении трудностей. Таким образом, все элементы произведения организованы для достижения исцеляющего эффекта.

В ходе исследования лингвистических особенностей было установлено, что в хилинг-романе используется общеупотребительная и специальная лексика, связанная с местом (хилинг-пространством), где происходит действие и которая связана с уютом, безопасностью и умиротворением. Важной особенностью является употребление эмотивной лексики, которая передает душевные переживания героев, раскрывают внутренний мир персонажей, позволяя читателю проникнуться их переживаниями, формируют эффект достоверности изображаемого мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lee*, J. Current Status of Healing Contents and Characteristics of Healing Novels in Bestsellers of the 2020s [Electronic resource] / J. Lee // Journal of Popular Narrative. – 2024. – Vol. 30, № 2. – URL: https://journal.kci.go.kr/djnar/archive/articleView?artiId=ART003094703 (date of access: 09.03.2026).
2. *Chang*, J. Y. How K-Dramas Can Transform Your Life: Powerful Lessons on Belongingness, Healing, and Mental Health / J. Y. Chang. – USA: Willey Publishing company. – 2024. – 240 p.
3. *Almaida*, R. Korean Drama and Pandemic Covid-19 [Electronic resource] / R. Almaida // Khazanah: Jurnal Mahasiswa. – 2020. – Vol. 12, № 2. – URL: https://www.researchgate.net /publication/348879601_Korean_Drama _And_Pandemic_Covid-19. – (date of access: 09.10.2025).
4. *Bo-reum*, H. Welcome to the Hyunam-dong Bookshop : translated from Korean by Shanna Tan / H. Bo-reum. – USA : Bloomsbury Publishing. 2024. – 307 p.

УДК 811.111

Железнякова Ольга Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой современных технологий перевода
Белорусский государственный университет иностранных языков, г. Минск, Беларусь
28olga02@mail.ru

Olga Zheleznyakova
PhD in Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Modern Translation Technologies
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
28olga02@mail.ru

АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ПЕРЕВОДНОЙ ВЕРСИИ ФИЛЬМА НА РЫНКЕ КИНО/ВИДЕОПРОДУКЦИИ

ADAPTATION AS A SUCCESS FACTOR FOR LOCALIZED VERSIONS IN THE FILM AND VIDEO MARKET

В статье рассматривается адаптация как ключевой фактор, определяющий успех переводной версии фильма на рынке кино- и видеопродукции. Анализируются различные виды адаптации (лингвистическая, культурная, техническая). Выявлены критерии оценки качества аудиовизуального перевода. Обосновывается тезис о том, что глубокая адаптация, учитывающая особенности целевой аудитории и рыночные условия, напрямую влияет на коммерческий успех и зрительское признание фильма. Особое внимание уделяется балансу между сохранением авторского замысла оригинала и требованиями принимающей культуры.
Ключевые слова: *адаптация; стратегия; синхронизация; переводная версия фильма; дубляж; кинопрокат*.

The article examines adaptation as a key factor determining the success of a dubbed version of a film in the film and video market. Various types of adaptation (linguistic, cultural, technical) are analyzed. Criteria for assessing the quality of audiovisual translation are identified. The thesis is substantiated that in-depth adaptation, which takes into account the characteristics of the target audience and market conditions, directly affects the commercial success and audience recognition of the film. Special attention is paid to the balance between preserving the author's original intent and the requirements of the receiving culture.
Key words: *adaptation; strategy; synchronization; dubbed version of a film; dubbing; film distribution*.

Несмотря на то, что кино/видео, или аудиовизуальный, перевод становится в настоящее время все более востребованным, переводчики все чаще сталкиваются с проблемами донесения смысла с языка оригинала на язык перевода до зрителя. При переводе на русский язык фильмы зачастую теряют часть смысловой нагрузки. Такое может случиться, к примеру, из-за трудности с адаптацией либо из-за стремления подстроить длину сказанного под артикуляцию губ актера. Также фразы могут быть двусмысленными, а

переводчики, точно не знающие контекста, с легкостью могут допустить смысловую ошибку.

Одним из главных факторов успешности переводной версии на рынке является адекватность перевода кинотекста. Кинотекст рассматривается как текст, функционирующий в рамках аудиовизуального перевода, поэтому он, как и любой текст, нуждается в адекватной передаче с языка оригинала на язык перевода. Исходя из этого можно вывести и само понятие адекватного перевода, которое говорит о том, что текст был переведен в соответствии с нормами языка перевода и сохраняет смысл и прагматическую значимость оригинального текста. Поскольку два языка различны по своей структуре и нормам, перевод по сравнению с оригиналом всегда отличается определенными сдвигами. Все потери должны, так или иначе, быть компенсированы, при этом выбор способа такой компенсации зависит от целого ряда факторов, и, прежде всего, обусловлен специфическими особенностями лексики и грамматики языка оригинала и языка перевода [1].

В кинопереводе на выбор общей переводческой стратегии влияют следующие факторы: а) тип кинотекста (сериал, художественный фильм, документальное кино, новостные программы); б) подразумеваемая целевая аудитория (возраст, наличие специальных знаний); в) особые требования, предъявляемые собственно содержанием кинотекста, связанные с целью текста и обусловленные его жанровой спецификой (комедия, драма, мюзикл, вестерн, триллер и пр.); д) формат дистрибуции кинофильма (DVD, видео, ТВ или кино) [2, с. 57]. Представленный выше список является неполным, однако, он демонстрирует специфику переводческой ситуации в кинопереводе, многоаспектность переводческих задач киноперевода и требует наличия у переводчика комплексных знаний, выходящих за пределы лингвистики и теории перевода.

Во время перевода кинотекста переводчик осуществляет значительное семантическое перекодирование смыслов, в рамках которого речевой ряд является основным, а все остальные остаются относительно несущественными дополнениями. Полученный результат должен быть преобразован для обеспечения «динамической эквивалентности». В процессе преобразования переводчиком осуществляется подбор эквивалента исходной единицы в языке перевода с точки зрения воздействия на эмоции и поведение реципиента. Ключевым понятием для динамического перевода является многоуровневое перестроение текста в соответствии с потребностями переводящего языка. Если в ходе глубокой трансформации текста были переданы его смысл и содержание, несмотря на изменение структуры, этот перевод будет считаться успешным. Для выбора тактики перевода и переводческих трансформаций в первую очередь нужно определить стратегию перевода и, соответственно, цель перевода. В связи с этим критерием успешного перевода выступает достижение цели коммуникации, которую задает отправитель перевода. Исходя из поставленной

цели, переводчик выбирает способ перевода, который воспроизводит оригинал, отклоняется от оригинала или пренебрегает им. Адекватный перевод – это перевод, который отвечает поставленной цели. Стремление к адекватности перевода является определяющим фактором в выборе способа перевода [3].

Безусловно, при адаптации текста оригинала к культуре и нормам языка перевода оригинальный текст в любом случае претерпит некоторые изменения, но эти изменения не должны коснуться содержания оригинала. В процессе перевода происходит модификация концепта текста оригинала. Дело в том, что при переводе кинотекстов происходит значительная адаптация текста оригинала к культуре переводящего языка. Известно, что в классической теории и практике перевода целью адекватного перевода является точная передача содержания и формы подлинника, однако, в кинопереводе стоит другая задача, а именно адаптация кинотекста к культуре переводящего языка, что требует значительную долю трансформаций и изменений оригинального кинотекста [4].

При этом представляется, что киноперевод является более свободным видом перевода, чем, к примеру, перевод художественной литературы. Это связано с тем, что при дубляже, например, необходима некоторая степень синхронности, включая совпадение движения губ, и ради этого переводчик должен идти на более существенные вольности, чем в письменном переводе. Текст может быть полон буквализмов, чтобы сохранять максимальную близость к тексту оригинала, однако, если буквализм присутствует при кинопереводе, то, скорее всего, это происходит из-за низкой квалификации переводчика. Так или иначе, киноперевод подразумевает некую степень компрессии оригинала при сохранении полноты его смысла, передачи аллюзий, игры слов, сложной фразеологии и т. д [5].

Следовательно, киноперевод сродни художественному переводу, однако, в процессе перевода кинотекста переводчику приходится совершать больше отклонений от оригинала, чем в обычном письменном переводе. Предпереводческий анализ позволяет выявлять наиболее значимые моменты в коммуникативной и предметной ситуации, а также существенные характеристики исходного текста и каждого высказывания. Перед осуществлением перевода кинотекста необходимо убедиться в том, что была правильно понята его мысль и верно интерпретировано намерение автора, которое обусловило структуру и лексическое наполнение данного кинотекста, т. е. провести анализ коммуникативного намерения автора кинотекста [6].

А. В. Козуляев отмечает, что минимальным объектом предпереводческого анализа в кинопереводе является кадр, а более крупными объектами выступают сцена как кинособытие и фильм как целостный кинодискурс [1].

Проанализируем работу с кинотекстом на примере сериала «Локи», который совмещает в себе элементы фантастики, фэнтези, боевика, а также комедии, что, в свою очередь, определяет его специфику. Она состоит в саркастичности речи персонажей, присутствии в кинотексте разговорной

лексики и нелитературной лексики, довольно частым примером являются вульгаризмы.

Одним из элементов, широко представленных в речи персонажей сериала, является разговорная речь.

Not 'cause you care about the TVA mission or bein' a hero, but because you know this Variant is better than you and you can't take it.

I'm getting good stuff!

Sir, there's something you'll wanna see.

I'm gonna burn this place to the ground.

Should you return, what are you gonna do?

And I guess I'm wondering why does someone with so much range just wanna rule?

Hey! Whoa, whoa, whoa!

Главными характеристиками такой речи являются образность, простота и экспрессивность. Отметим использование междометий разговорного стиля, сокращений, слов с экспрессивной окраской.

Нередко встречается и употребление сарказма и других юмористических высказываний, призванных разбавить довольно серьезные жанры сериала. Так в шестой и заключительной серии первого сезона, даже вступительные титры, которые обычно сопровождаются музыкальной заставкой киновселенной Марвел, изменили на монтаж, состоящий из знаменитых и узнаваемых фраз всех героев киновселенной, среди них можно выделить и саркастическое высказывание одного из главных персонажей КВМ Стива Роджерса, которую он произнес в разговоре с собой из прошлого: *I can do this all day. Yeah, I know.*

Проиллюстрируем стратегию переводчика по осуществлению художественного перевода на примере выполненного перевода фрагмента сериала. Исходя из поставленной цели нам было необходимо учесть ряд характеристик и особенностей выбранного нами вида перевода. Например, сопоставить фразы оригинала с языком перевода, т.е. подобрать такие фразы, которые не только по смыслу будут эквивалентны оригиналу, но и по длине будут одинаковы с исходным текстом, что важно для дублированного перевода.

На первом этапе для облегчения выполнения последующей адаптации нами был сделан подстрочник.

Фрагмент исходного текста	**Представленный вариант перевода**
00:30:39,416 --> 00:30:41,541 I mean, sounds like a good idea to me. 00:30:45,125 --> 00:30:46,166 Okay. 00:30:48,166 --> 00:30:49,250 Really?	00:30:39,416 --> 00:30:41,541 По-моему, это хорошая идея. 00:30:45,125 --> 00:30:46,166 Хорошо. 00:30:48,166 --> 00:30:49,250 Действительно?

На следующем этапе нам необходимо было выполнить адаптацию перевода оригинального материала с учетом характеристик и особенностей дублирования. Ниже представлен результат полученной адаптации.

Фрагмент исходного текста	**Представленный вариант перевода**
00:30:39,416 --> 00:30:41,541 I mean, sounds like a good idea to me. 00:30:45,125 --> 00:30:46,166 Okay. 00:30:48,166 --> 00:30:49,250 Really?	00:30:39,416 --> 00:30:41,541 Ну, как по мне так идея отличная. 00:30:45,125 --> 00:30:46,166 Ладно. 00:30:48,166 --> 00:30:49,250 Правда?

При рассмотрении перевода кинотекста были выделены три переводческие стратегии, обеспечивающие общую адекватность перевода кинотекста: культурная адаптация, синхронизация и прагматическая адаптация.

Рассмотрим указанные стратегии подробнее.

Прием культурной адаптации заключается в том, что в языке перевода подбираются аналоги или разговорные фразы, клише, часто в нем встречающиеся, например:

Really? ‘Правда?’

Yeah. ‘Ага.’

Okay. ‘Ладно.’

Прием прагматической адаптации подразумевает передачу эмоционального воздействия оригинала с целью обеспечения лучшего восприятия реципиентом содержания: You asshole. You killed us. ‘Ты кретин. Угробил нас.’

Ненормативное выражение в оригинале при дубляже должно быть заменено на нелитературное, но нормативное выражение кретин, поскольку употребление нецензурной лексики в кино, как правило, запрещено, за исключением случаев, когда ее употребление оправдано жанром или спецификой кинопродукта. Кроме того, сериал рассчитан на зрителей всех возрастов.

Обеспечение синхронизации необходимо, чтобы при переводе сохранялось совпадение по длине реплик и по артикуляции.

В представленном ниже примере для обеспечения синхронизации был применен прием смыслового развития, т.е. замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, лексически связанным с ним. Также был изменен и тип предложения: оригинальное утвердительное предложение в переводе стало вопросительным предложением.

Never had us on it. ‘А если мы попробуем?’

Выполнив адаптацию перевода оригинального материала с учетом характеристик и особенностей дублирования, мы можем сделать вывод о том, что адекватность художественного перевода кино/видеопродукции достигается посредством обеспечения артикуляционной, внутрикадровой и межкадровой синхронности, что предусматривает использование в процессе перевода и

работы над кинотекстом различных переводческих стратегий, наиболее частотными из которых являются культурная адаптация, прагматическая адаптация и обеспечение синхронизации.

Таким образом, целесообразно подчеркнуть, что изучение изменений текста перевода при озвучивании представляет собой весьма актуальный вопрос ввиду распространения и большой популярности киноискусства на сегодняшний день. При работе с аудиовизуальным текстом перевод подвергается различным изменениям, необходимым в силу того, что позволяют не только передать смысл и замысел оригинального фильма, но и создать впечатление того, что текст был изначально создан на языке перевода, а это и является целью любого переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козуляев, А. В.* Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода. – URL: http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audiovizualnyperevod (дата обращения: 03.03.2026).
2. *Pettit, Z.* Connecting Cultures: Cultural Transfer in Subtitling and Dubbing // New Trends in Audiovisual Translation. – Bristol/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters, 2023. – 57 p.
3. *Козуляев А. В*. Интегративная методика обучения аудиовизуальному переводу в высшей школе как ответ на вызовы четвертой когнитивной революции : монография / А. В. Козуляев. – Чебоксары : Среда, 2023. – 96 с.
4. *Алексеева Л. М.* Трансфер знания в гуманитарных науках / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. – Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2019. – 195 с.
5. *Скоромыслова Н. В.* Теоретический аспект перевода художественных фильмов / Н. В. Скоромыслова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Лингвистика». – 2010. – № 1. – С. 153-156.
6. *Ланчиков В. К.* Монолог о диалоге / В. К. Ланчиков – URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/lanchikov_a1 (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 811.111

Иванова Мария Александровна
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Россия

Maria Ivanova
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
m.ivanova.homepc@gmail.com

СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ПРОМПТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАГИННОГО ПЕРЕВОДА КАРДИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

A STRUCTURED PROMPT AS A TOOL FOR POST-EDITING MACHINE TRANSLATION OF CARDIOLOGY TEXTS

В статье рассматривается создание и применение структурированного промпта для постредактирования машинного перевода кардиологических научных текстов. На материале корпуса из шести текстов и их переводов (как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский) показано, что промпт снижает количество критических ошибок, но не заменяет экспертную валидацию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *машинный перевод; постредактирование; медицинский перевод; кардиология; большие языковые модели; промпт*.

The article examines the creation and use of a structured prompt for post-editing machine translation of cardiology research texts. Based on a corpus of six texts and their translations, both from English language into Russian and from Russian language into English, the study shows that the prompt reduces the number of critical errors but does not replace expert validation.

K e y w o r d s: *machine translation*; *post-editing; medical translation; cardiology; large language models; prompt*.

В рамках исследования был сформирован корпус из шести научных фрагментов по кардиологии в направлениях русско-английского и англо-русского перевода. Для каждого фрагмента были получены нередактированные машинные переводы с помощью ChatGPT, DeepSeek, Google Translate, Yandex Translator и DeepL, всего 36 вариантов. Предварительный анализ показал, что наиболее рискованными зонами являются терминология, аббревиатуры, биомаркеры, статистическая нотация, причинно-следственные связи, синтаксис и научный регистр.

На этой основе была поставлена прикладная задача: проверить, способен ли структурированный промпт превратить большую языковую модель из генератора нестабильных формулировок в инструмент контролируемого постредактирования медицинского перевода.

При разработке процедуры апробации промпт рассматривался не как разовая подсказка в духе «улучши перевод», а как микро-протокол, выстроенный

на выводах предварительного анализа ошибок, совершенных системами машинного перевода. Эффективный промпт в медицинском переводе должен быть не универсальным, а доменно-ориентированным и эмпирически мотивированным.

Как показали Ж. Жанг, Х. Жао и С. Доэрти, интуитивное составление промптов в переводческой практике нередко остается неструктурированным: пользователь просит модель «сделать лучше», но не задает ни приоритетов проверки, ни ограничений, ни критериев самоконтроля [1, с. 428]. К близкому выводу приходят Дж. Алгарааади и М. Махьюб: ChatGPT при четко заданной инструкции уверенно работает в качестве постредактора, однако без структурированного промпта его применение в специализированных доменах сопряжено с риском семантического сдвига и недостаточной дисциплины терминологии [2, с.5].

Исходя из вышеизложенного, в настоящем исследовании промпт построен как последовательность четких инструкций: сначала модель должна проверить термины и аббревиатуры, затем смысл, потом числа и статистические данные, синтаксис и только после этого стиль. Такой порядок отражает риск-ориентированную логику медицинского перевода: прежде всего устраняются ошибки, способные исказить клиническое содержание, а стилистическая доводка выполняется после восстановления терминологической и смысловой точности.

Получившийся промпт имеет следующий вид:

«Ты – редактор медицинского перевода (кардиология). Твоя задача – выполнить постредактирование машинного перевода научного фрагмента. Работай только на основе SOURCE и RAW_TRANSLATION. Ничего не добавляй от себя. Если в SOURCE есть неоднозначность, не скрывай ее и не выдумывай уточнение.

SOURCE: «исходный фрагмент текста»

RAW_TRANSLATION: «сырой машинный перевод»

Порядок проверки:

1) термины и аббревиатуры;

2) смысл;

3) числа, интервалы, проценты, HR, CI, p-value и единицы;

4) синтаксис;

5) стиль.

Ограничения: не менять клинический смысл; не менять числа без опоры на SOURCE; не удалять существенные фрагменты; не заменять устоявшиеся сокращения приблизительными аналогами.

Перед ответом проверь полноту перевода, единообразие терминов, совпадение чисел и отсутствие артефактов.

Формат ответа:

(1) Исправленный перевод;

(2) Список ключевых правок;

(3) Остаточные риски.»

Для апробации была сформирована контрастная выборка из шести кейсов, по одному на каждый исходный текст. Проверять промпт на всех 36 переводах корпуса было бы нецелесообразно. Отбор строился не случайно, а по принципу диагностической значимости.

В выборку вошли три проблемных перевода с исходным TQI (translation quality index, индекс качества перевода) ниже 80: текст 1, переведенный Yandex в режиме AI, с TQI 51; текст 2, в переводе от Yandex в режиме быстрого перевода, с TQI 76; текст 6, перевод которого выполнила модель DeepSeek (TQI 69). Эти кейсы позволяли проверить, способен ли промпт устранять не косметические огрехи, а высокорисковые сбои: распад сегментов, терминологическую деформацию, нарушение статистической нотации и композиции. Одновременно были включены два сильных контрольных кейса: текст 3, в переводе от ChatGPT, с TQI 92 и текст 4, переведенный DeepL, с TQI 95. Они были нужны для проверки того, не разрушает ли промпт уже качественный перевод, не приводит ли к избыточной перегенерации. Промежуточный кейс, текст 5, перевод которого осуществила система Google Translate, с TQI 88, позволил оценить работу промпта там, где перевод в целом понятен, но еще не доведен до публикационно приемлемого научного регистра.

Если бы в выборку попали только худшие переводы, результат был бы предсказуем: любой промпт дал бы заметное улучшение. Если бы, наоборот, анализировались только тексты с высоким исходным TQI, можно было бы ошибочно заключить, что промпт почти ничего не меняет.

Все шесть кейсов обрабатывались двумя LLM – ChatGPT и DeepSeek – по одному и тому же промпту. Результат постредактирования сравнивался одновременно с оригиналом, исходным машинным переводом и профилем ошибок. Для оценки использовались категории MQM, включая Terminology, Accuracy, Style и Completeness, а также индекс качества перевода: TQI = (1 – EP / W) × 100; вес ошибок: критическая ошибка – 1,0; значимая ошибка – 0,7; малозначительная ошибка – 0,3.

Применение промпта дало ощутимый рост качества во всех шести кейсах, однако характер улучшений зависел от исходного состояния текста. В проблемной подгруппе средний TQI вырос с 65,3 до 99,7; в сильной контрольной группе – с 91,7 до 99,6; в среднем по всей выборке показатель поднялся с 78,5 до 99,6. Высокие итоговые показатели не означают, что перевод становится идеальным. Они показывают, что после устранения критических и значимых ошибок текст переходит из зоны клинически рискованного черновика в зону контролируемой редакторской работы.

Числовые данные во всех случаях сохранились корректно. Целевое направление перевода было выдержано в 11 из 12 запусков. Единственный сбой произошел у DeepSeek на тексте 2: модель вернула русский текст вместо английского, то есть фактически подменила постредактирование обратным

переводом. Этот случай показал, что в промпт необходимо явно включать инструкцию сохранять язык нередактированного перевода (RAW_TRANSLATION).

На уровне MQM-разметки наиболее заметные изменения проявились в зонах полноты, терминологии, синтаксиса, регистра и орфографического оформления.

В зоне полноты нередактированный перевод текста 1 содержал артефактный распад сегмента: *Goal.oal*, *monitoal*, *Incral*. После обработки промптом обе модели восстановили макроструктуру и убрали артефакты. ChatGPT исправил смысловой сбой и вернул пропущенную единицу измерения. В этом случае промпт сработал прежде всего как инструмент реконструкции логической формы текста, что для тезисного жанра важнее простой словарной правки.

В зоне терминологии показательным является текст 2, где перевод Yandex характеризовался дефектной языковой конверсией и нестабильной биомаркерной терминологией. В том же тексте ChatGPT нормализовал аббревиатуры: использование *CAD* для *ИБС,* а не смешивание с вариантами *CHD, IHD)*, более точный перевод *AST*, *CK-MB*, *ACS*. При этом сомнительную форму «*тропонин У*» модель интерпретировала как *troponin T*, что демонстрирует риск доменного домысливания. Такая замена должна фиксироваться как остаточный риск и проверяться человеком.

В зоне точности показательным стал текст 1, где исходное значение «*перспективности его внедрения в клинико-диагностические лаборатории лечебных учреждений*» было искажено в варианте *prospects of its treatment*. Внедрение диагностического метода ошибочно сближается с лечением. После постредактирования более точным стал вариант *prospects for implementing the monitoring method*. Здесь экспертной проверке подлежит не только отдельная лексема, но и предмет высказывания: речь должна идти именно о внедрении метода мониторинга, а не о терапии.

В зоне стиля и регистра перевод текста 5, выполненный Google Translate, показал неестественную сочетаемость. Сочетание *confirmed use* было передано как ‘подтвержденное применение’, хотя в контексте лекарственной терапии естественнее ‘подтвержденный прием’. Для экспертной проверки остается оценка сочетаемости с названиями препаратов. В тексте 1 заголовок «Цель» был передан как *Goal*, что для медицинского тезиса жанрово менее точно. В зависимости от принятой модели оформления статьи предпочтительнее *Objective* или *Aim*. Таким образом, промпт помогает предложить нормативные варианты, но выбор между ними остается редакторским решением.

В сильных контрольных кейсах промпт, как и ожидалось, не дал драматического скачка TQI. В тексте 3, где исходный перевод ChatGPT уже имел высокий показатель качества, DeepSeek после промпта предложил вариант *somatic suffering*, формально приблизившись к русскому оригиналу, но ухудшил

естественность английского медицинского регистра. ChatGPT, напротив, ограничился умеренной синтаксической правкой и сохранил клинически приемлемую лексику (*somatic disease*). В тексте 4 различия свелись к локальным решениям: ChatGPT нормализовал орфографию, заменил чрезмерно буквальный вариант «предиктор» на «показатель» и аккуратно удержал числовые диапазоны. Это подтверждает, что для сильных переводов промпт должен работать не как инструмент полного переписывания, а как средство бережной проверки рискованных зон.

Апробация выявила несколько ограничений. При неоднозначном исходном переводе большая языковая модель способна скрыто интерпретировать неопределенность, а не сохранять ее, что проявилось в случае с формой «тропонин У». Без жестко заданного глоссария возможны ложные терминологические сглаживания и произвольная локализация статистической нотации. Поэтому высокий TQI после постредактирования с промптом не тождествен публикационной готовности текста. Часть остаточных проблем относится к допустимым вариантам оформления, локализации имен собственных или выбору терминологической стратегии. Качество постредактирования зависит от качества исходного перевода, полноты глоссария и компетентности финального валидатора-человека.

Базовый шаблон промпта также требует уточнения. Во-первых, следует включить требование сохранять язык нередактированного перевода и выдавать финальный текст именно на нем. Во-вторых, следует указывать, что международные клинические и статистические аббревиатуры не должны локализоваться без прямого указания. В-третьих, если исходный текст содержит шум или опечатку, модель может выбирать нормативный медицинский эквивалент на целевом языке, но обязана фиксировать такую замену в разделе остаточных рисков.

Формат ответа «исправленный перевод – ключевые правки – остаточные риски» оказался методически продуктивным. Он дисциплинирует модель и дает переводчику или редактору возможность видеть логику вмешательства и границы уверенности системы. В медицинском переводе такая прозрачность особенно важна, поскольку она напрямую связана с управлением переводческими рисками.

Таким образом, структурированный промпт является не заменой профессиональному постредактированию, а промежуточным контуром контроля качества. Наибольшую отдачу он дает в проблемных кейсах, где нередактированный перевод содержит артефакты, нестабильные аббревиатуры или терминологические сбои. На сильных текстах его роль сводится к бережной нормализации и дополнительной верификации. Промпт хорошо стабилизирует числовые данные и помогает устранить грубые машинные артефакты, но не снимает полностью модельно-специфические риски. Окончательная ответственность за терминологическую, статистическую и клиническую

надежность текста остается за человеком, то есть экспертом-валидатором и конечным носителем профессионального суждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zhang, J.* Prompt engineering in translation: how do student translators leverage GenAI tools for translation tasks [Электронный ресурс] / J. Zhang, X. Zhao, S. Doherty // Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1 / ed. by P. Bouillon [et al.]. – Geneva : European Association for Machine Translation, 2025. – P. 420–431. – ISBN 978-2-9701897-0-1. – Режим доступа: URL: https://aclanthology.org/2025.mtsummit-1.33/ (дата обращения: 03.02.2026).

2. *Algaraady, J.* Exploring ChatGPT's potential for augmenting post-editing in machine translation across multiple domains: challenges and opportunities [Electronic resource] / J. Algaraady, M. Mahyoob // Frontiers in Artificial Intelligence. – 2025. – Vol. 8. – DOI: 10.3389/frai.2025.1526293. – Режим доступа: URL: https://www.frontiersin.org/journals/artificialintelligence/articles/10.3389/frai.2025.1526293/full. – Дата обращения: 03.02.2026.

УДК 821.161.3’09-1’82.0

Калядка Святлана Уладзіміраўна
доктар філалагічных навук, дацэнт і прафесар кафедры гісторыі граматыкі англійскай мовы Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт замежных моў, г. Мінск, Беларусь
kolyadko@list.ru

Svetlana Kolyadko,
Doctor of Philology, Associate Professor, and Professor of the Department of History and Grammar of the English Language Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Belarus
kolyadko@list.ru

ЭМАТЫЎНАСЦЬ ЯК СРОДАК ІНТЭПРЭТАЦЫІ СЭНСАЎ ПАЭТЫЧНАГА ТВОРА

EMOTIVITY AS A MEANS OF INTERPRETING THE MEANINGS OF A POETIC WORK

У артыкуле даследуецца эматыўнасць як сродак інтэрпрэтацыі сэнсаў паэтычнага твора. Размяжоўваюцца паняцці эмацыянальнасць (асобасная катэгорыя) і эматыўнасць (тэкставая катэгорыя), раскрываецца іх роля ў фарміраванні сэнсаў вобраза-эматыва. Дзеля гэтага разглядаюцца механізмы ўзаемадзеяння эматыўнага значэння і канатацыі, аналізуецца сувязь эматыва з паэтычным тропам. На матэрыяле верша Яўгеніі Янішчыц паказана, як эматыўнасць арганізуе сэнсавую прастору твора. У выніку сцвярджаецца, што эматыўнасць з’яўляецца не проста стылістычнай прыкметай, а канструктыўным механізмам сэнсаўтварэння ў паэзіі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *эматыўнасць; эмацыянальнасць; эматыў; сэнс; канатацыя; паэтычны тэкст; Яўгенія Янішчыц.*

The article explores emotivity as a means of interpreting meanings in a poetic text. The author distinguishes between the concepts of emotionality (a personal category) and emotivity (a textual category), revealing their role in the formation of the image-emotive. The mechanisms of interaction between emotive meaning and connotation are examined, and the connection between the emotive and the poetic trope is analyzed. Using a poem by Yauheniya Yanishchyts as an example, the article demonstrates how emotivity organizes the semantic space of the text. It is concluded that emotivity is not merely a stylistic feature but a constructive mechanism of meaning formation in poetry.

K e y w o r d s: *emotivity; emotionality; emotive; meaning; connotation; poetic text; Yauheniya Yanishchyts.*

Эмоцыі – адна з форм адлюстравання, пазнання, ацэнкі аб’ектыўнай рэчаіснасці. Гэта ўстойлівая трактоўка эмоцый прызнаецца прадстаўнікамі розных навук як базавае вызначэнне ў даследаваннях. Сувязь эмоцыі з пачуццямі, перажываннямі, з аднаго боку, з пазнаннем, ацэнкай, матывацыяй, з другога, і з сэнсам, значэннем, валентнасцю, з трэцяга, утварае поле літаратуразнаўчага навуковага даследавання. Для апісання розных

эмацыянальных працэсаў у паэтычным творы мы карыстаемся паняццямі “эмацыянальнасць” і “эматыўнасць”, якія не роўныя адзін аднаму. Да прыкладу, у адным выпадку мы канстатуем праявы эмацыянальнасці ў самавыяўленні аўтара / лірычнага героя пры аналізе паэтычнага твора (называючы аўтара / лірычнага героя меланхалічным, узбуджана-істэрычным і г.д.), у другім выпадку інтэрпрэтуем гэтыя праявы праз прызму эматыўнасці як тэкставай рэалізацыі эмацыянальнасці (напрыклад, пра меланхалічнасць, выяўленую праз пэўныя вобразы-эматывы, пэўную танальнасць твора, рух эматэм з увасобленымі ў іх пэўнымі настроямі і г.д.). Адпаведна калі гаворка ідзе пра эмацыянальныя праявы асобы (аўтара, лірычнага героя, чытача), то мы звяртаемся да паняцця “эмацыянальнасць” як асобаснай катэгорыі. Калі ж нам неабходна выявіць спосабы і сродкі выражэння / выяўлення эмоцыі ў творы, то мы звяртаемся да паняцця эматыўнасць як тэкставай катэгорыі. Эматыўны твор утрымлівае ў сваёй структуры эматыўныя знакі / сімвалы / сродкі, а таксама вобразы-эматывы, у якіх закадзіраваны эмоцыі аўтара / лірычнага героя / лірычнага “я” / лірычнага суб’екта. І пры гэтым праз эматыўны тэкст перадаецца эмацыянальны кампанент мастацкай карціны свету, абагульняюцца эмацыянальныя канцэпты, апісваецца канцэптасфера творчасці, расшыфроўваюцца эматыўныя коды і топасы.

Эматыўнасць як тэкставая катэгорыя. Эматыўнасць як катэгорыя мастацкасці суадносіцца з паняццямі паэтычны тэкст і твор як літаратуразнаўчымі паняццямі. Эматыўнасць выступае таксама ў якасці інтэрпрэтацыйнай катэгорыі ў правядзенні аналізу верша і з’яўляецца кампанентам стылю. Эматыўнасць валодае здольнасцю імпліцыраваць планы зместу, выражэння і выяўлення, уздзейнічаць на сэнс і змест паэтычнага вобраза. Эматыўнасць актуалізуецца ў мастацкім тэксце праз сукупнасць тэкставых кампанентаў – паказчыкаў эматыўнасці. Гэта эматыўна зараджаныя словы, фразы, сказы, якія прама ці апасродкавана ўказваюць на характар аўтарскіх эматыўных інтэнцый. Яны не толькі экспліцытна выражаны ў тэксце, але і мадэлююць верагоднае эмацыянальнае рэагаванне чытача, апрадмечваючы эмацыягенныя фрагменты ведаў пра свет. Эматыўнасць актуалізуецца таксама праз паняцце эматыў і яго вобразныя разнавіднасці, асабліва ў сваёй задачы як сродка інтэрпрэтацыі сэнсаў.

Эматыў, яго значэнні і сэнсы. Акрамя выклічнікаў і гукапераймальных слоў, эмоцыя не мае сваёй уласнай гукавой формы, а замест яе карыстаецца формай іншага, літаральнага зместу, прымацаваўшыся да яго з дадатковым эматыўным значэннем / эматыўнай канатацыяй. Ці інакш, адзін змест, выражаны ў гукавой форме, служыць формай іншага, які гукавой формы не мае. Сэнс слова-вобраза напаўняецца новымі эматыўнымі значэннямі / канатацыямі ў кантэксце / падтэксце выказвання, набывае дадатковыя стылеўтваральныя якасці пад уздзеяннем зменена статуса. Адбываецца наслаенне на асноўны сэнс дадатковых сэнсаў, якія пачынаюць працаваць у пэўным кантэксце па задуме аўтара. Напрыклад, лексемы “песня”, “шчасце”, “радасць” ужо нясуць у сабе

пэўную эмацыянальную выражанасць, безадносна да кантэксту. Мы можам уявіць, што знаходзіцца за гукавой абалонкай названых слоў: песня, да прыкладу, асацыюецца з сумам і радасцю, з горкім плачам і бурнай весялосцю – менавіта гісторыяй развіцця значэння гэтага слова актуалізуюцца ў нас тыя або іншыя эмоцыі пры гаворцы пра песню.

З інтэрпрэтацыйнымі магчымасцямі эматыўнасці ў мастацкім тэксце звязана менавіта паняцце – эматыў. Слова-вобраз можа выступаць апрыёры эматыўным (злы дзень, дабрая навіна, шчаслівае здарэнне і г.д.), можа асэнсоўвацца як эматыўнае у паэтычным кантэксце / падтэксце дзякуючы інтэрпрэтацыйным тэхналогіям прачытання твора. У выніку чаго мы можам сцвярджаць, што ў адных выпадках словы-вобразы з'яўляюцца лексемамі-рэпрэзентантамі базавых эмоцый, у якіх эматыўныя значэнні прырошчваюцца да асноўнага значэння (семантыкі слова), ці словы-вобразы выступаюць з дадатковай эматыўнай канатацыяй, якая вербалізуецца ў слове-вобразе за кошт пашырэння яго семантычнай валентнасці – такімі шляхамі паэтычны вобраз набывае дадатковую эмацыянальную нагрузку і пераўтвараецца ў эматыў. Эмацыянальную напоўненасць, экспрэсіўную скіраванасць мае канатацыя як мастацкі стылёвы сродак сэнсапараджэння. Тыпалогія не будзе поўнай без правядзення паралелей паміж эматыўным значэннем і эматыўнай канатацыяй. Эмоцыя мае сэнсавызначальную ролю, яна карэлюе з полем значэнняў і сэнсаў паэтычнага вобраза (вобраза-эматыва). Канатацыя – эматыўнае экспрэсіўнае ці ацэначнае значэнне, якое дадаецца да асноўнага значэння і выяўляецца ў кантэксце / падтэксце (канатацыю могуць набываць як вобразы-эматывы, так і неэмацыянальныя вобразы). Канатацыя ўключае ў сябе семантычныя і стылістычныя прыкметы, звязанныя з асноўным значэннем, канатацыя як дадатковая эмацыянальная, ацэначная ці стылістычная афарбоўка працуе на ўзмацненне асноўнага эмацыянальнага гучання.

Эматыў і троп. Паэтычныя тропы (часцей метафара) – вобразы, якія заснаваны на ўжыванні слова ў пераносным значэнні, дзякуючы чаму іх структура адкрыта для розных прыўнясенняў, асабліва эмацыянальных сэнсавых наслаенняў. Калі гаварыць абагулена, аб'ектам раскрыцця эмоцыі паўстае паэтычны троп, часцей гэта метафара (аб гэтым падрабязна гл. у параграфе "Вобраз-эматыў: метафарызацыя, індывідуалізацыя і суб'ектывацыя"). У дачыненні да паэтычнага твора мы разглядаем моўную адзінку ў якасці эматыва толькі тады, калі, акрамя ярка выражаных прыкмет эмацыянальнасці, яна валодае прыкметамі стылістычнага сродка (мастацкага тропа), што прадвызначае прачытанне твора, уздзейнічае на раскрыццё вобраза і дазваляе акрэсліць *аўтарскую пазіцыю*. Эматыў раскрываецца ў тэксце праз адзінства эмацыянальнага ўздзеяння і сэнсавага напаўнення. Здольнасць эматываў набываць сэнсавае пашырэнне за кошт уздзеяння на іх сэнсапараджальнай рэгулятыўнай функцыі эмоцый звязана з феноменам пераносу значэнняў (метафара, метанімія, параўнанне і інш.) у паэтычных вобразах. Чым больш

аўтар працуе над спосабамі фіксацыі эмацыянальнасці ў вобразах, тым верагодней з’яўленне мадуляцый эмацыянальнасці і з’яўленне мноства тыпаў эматываў. Эматыў ў мастацкім тэксце набывае ролі сімвала, знака, сродка, распазнаецца ў творы праз эмацыянальныя *маркеры, пазнакі, узмацняльнікі, канкрэтызатары* і г.д. пры той умове, што яны будуць перадаваць пэўныя эмацыянальныя настроі, станы, перажыванні аўтара. Карціннасць, сімвалічнасць, шматзначнасць – гэты шэраг прыкмет эматыва можна доўжыць. вобразна выражаныя словы праз тропы, акрамя логіка-паняційнага, набываюць метафарычнае значэнне, і як дадатковае – эматыўнае / эматыўную канатацыю, і гэтыя значэнні ў слове-вобразе выстройваюцца ў пэўнай іерархіі. Эматывы становяцца таксама “ўдзельнікамі” арганізацыі аўтарскага стылю. Абазначэнне эмоцый у паэтычным тэксце праз пэўныя лексемы – гэта яшчэ не мастацкі троп, і тым больш не мастацкі вобраз. У паэтычным творы носьбітамі пэўнай эмацыянальнасці паўстаюць як нейтральныя нявобразныя словы, так і вобразы-эматывы. Усё азначанае дазваляе нам зрабіць выснову, што слова-вобраз выконвае функцыі эматыва, калі эмоцыя прырошчваецца да яго праз дадатковае эматыўнае значэнне / эматыўную канатацыю, надаючы эмацыянальную нагрузку, а за кошт набыцця новых асацыятыўных сувязяў з іншымі словамі-вобразамі (як эмацыянальна афарбаванымі, так і неэмацыянальнымі) ў кантэксце / падтэксце твора актуалізуюцца новыя вобразна-сэнсавае выражэнне і эстэтычныя функцыі.

Эматыў у тэксце: аналітычны аспект. Паняцці зместу і сэнсу ўзаемазвязаны паміж сабой як інварыянт і мноства магчымых варыянтаў, пастаяннае і зменлівае, сутнаснае і неназванае, але называемае. Эмоцыя і сэнс карэлююць паміж сабой як паняцці розных сістэм абазначэння / называння з’явы. Калі гаварыць абагулена, мэта ўключэння эмоцыі ў паэтычны твор – быць аб’ектам адлюстравання, сродкам адлюстравання саміх сябе і іншых катэгорый мастацкай рэальнасці тэксту. Падкрэслім вызначэнне – сродак і спосаб адлюстравання, таму што эмоцыя сама па сабе не надзелена сэнсам, аднак адносіцца да *сэнсапараджальных рэгулятараў.* Інакш кажучы, эмоцыя не раскрывае сэнсу паэтычнага вобраза, а толькі абазначае шляхі яго раскрыцця, разгортвае шляхі да яго разумення, эмоцыя не дае прамой ацэнкі, а суправаджае яе пэўнымі адносінамі да прадмета ацэньвання, эмоцыя не азначае, а толькі своеасаблівым чынам азначывае праз канатацыю сутнасць фактаў, з’яў, падзей нашага жыцця. Праз найменні *рэакцыя, стымул, імпульс, рэпрэзентацыя* ўстанаўліваецца сувязь эмоцыі з сэнсам як выразнікам канкрэтнага зместу.

Менавіта ў аснову вызначэння эматыва намі пакладзена функцыя перадаваць дадатковыя эматыўныя значэнні (на ўзроўні пашырэння асноўнага значэння і замацавання за словам “іншасказальнага” з эмацыянальнай канатацыяй, якое звычайна ў слоўніку мае памету *перан*.) і сэнсы (якія прадукуюцца ў кантэкстах паэтычных твораў). Эматыў – паэтычны вобраз, у якім асобасныя сэнсы перадаюцца таксама ў форме суб’ектыўнай прэзентацыі

эмоцыі. Эмоцыя структурыруе паэтычны вобраз, уздзейнічаючы на асноўнае значэнне і пашыраючы яго за кошт новых эмацыянальных канатацый. Аднак наяўнасць у вобраза пераноснага значэння з эмацыянальнай канстантай – як адзнака пастаянная (таму што слова-вобраз здольнае прадукаваць “іншасказальныя” пераносныя значэнні), так і зменлівая (гэтыя значэнні могуць набываць паўтаральнасць, а таксама могуць быць адзінкавымі, неўзнаўляльнымі ў іншых кантэкстах). Слова можа быць носьбітам некалькіх эматыўных сэнсаў, якія маюць сітуатыўнае ці кантэкстуальнае паходжанне. Паэтычнае слова-вобраз набывае дадатковую эматыўную валентнасць, праз прызму якой і адбываецца яго характарыстыка. А ўключэнне слова ў нечаканыя, новыя кантэксты паэтычнага твора стварае перадумовы яго пераўтварэння ў знак / сімвал новых значэнняў і сэнсаў.

Эматыўны аналіз твора. Звернемся да верша Яўгеніі Янішчыц “***І прыйдзе боль, нібы па доме…”:

І прыйдзе боль, нібы па доме,
Ў якім не склалася сям’я.
На дождж, на гром, на ясны промень
Падобна музыка мая.

У салаўя прашу запеўкі,
Нібыта ў ёй і ўвесь сакрэт.
Відаць, ад жалю, ад жалейкі
Было з’явіцца мне на свет.

Жыву. Не жалюся. І помню
У цесных сховах пачуцця,
Што дождж, і гром, і ясны промень –
Пачатак і працяг жыцця [1, с. 287–288.].

Пры ўдумлівым прачытанні відавочным становіцца зварот паэтэсы да гукавой арганізацыі тэксту і непасрэдна да алітэрацыі (п-б – у першай страфе, п-з-ж – у другой страфе, ж-п – у апошняй), якія надаюць вершу пэўную зададзенасць у фонасемантычным афармленні і адпаведна становяцца сэнсапараджальнымі рэгулятарамі. Яшчэ адны паўторы тычацца падбора аднакаранёвых слоў: *жалейка, жаль, жалюся*, за якімі стаіць пэўны сэнс і значэнне, а значыць, яны нясуць і пэўную мастацкую нагрузку. Так, вобраз жалейкі, апынуўшыся ў цэнтры сінанімічнага рада з дамінантай лексемы *жаль,*

(жаль → жалейка
↓
жалюся)

набывае ўзмоцненае, інтэнсіфікаванае паўторамі, эматыўнае значэнне з кантэкстуальнай прэсупазіцыяй. Унутраная форма слова загаварыла на мове эмоцыі 'жаль', прадвызначаючы праз яе прачытанне ўсяго твора і эксплікуючы яе

на вобразы-суседзі. Рух эмоцыі адбываецца ў межах структуры “афект – эмоцыі – інтэлектуальныя пачуцці”. Ад рэакцыі на боль як моцны афект нараджаецца рэфлексія, у якой задзейнічаны супрацьлеглыя эмоцыі і пачуцці. Афект паўстае імпульсным штуршком для ўнутраных перажыванняў, ён задае танальнасць ва ўспрыняцці ўсіх наступных роздумаў паэтэсы. Калі першыя дзве страфы адлюстроўваюць дынаміку ад болі да самашкадавання, то ў трэцяй страфе з’яўляюцца аптымістычныя настроі, прадыктаваныя экзістэнцыяльнай верай у пазітыўны сэнс існавання ўвогуле, нягледзячы на іспыты жыцця. Жалем апасродкуецца інтэрпрэтацыя вобраза жалейкі як паэтычнай ліры. Вобраз “жалейкі” – цэнтральны эматыў верша – утварае псіхалагічны кантэкст асэнсавання праблемы паэт і паэзія. Эмоцыі як “пачуццёвая тканіна сэнсу” (выраз псіхатэрапеўта Ф. Я. Васілюка) [2, с. 8], замацаваныя ў абыгрыванні кораня *жал*-, выконваюць дапаможную функцыю прэзентацыі асобаснага сэнсу ролі паэтэсы лірычнага тэмпераменту. Прычым намінатыў 'жаль' экстрапаліруе сэнсы на сінонімы смутак, журбота, маркота, чуласць, спагадлівасць, спачувальнасць і г.д., якія з’яўляюцца характарыстыкамі творчасці Яўгеніі Янішчыц у цэлым.

У вершы перакрыжоўваюцца тры аспекты сэнсу: анталагічны (музыка паэтэсы (г. зн. творчасць) – пачатак і працяг яе жыцця, яе свету); фенаменалагічны (апісанне досведу самапазнання праз мастацкую рэфлексію); эматыўны (скіраваў увагу чытача на болевыя кропкі ў асобасным быцці і выступіў сэнсапараджальным рэгулятарам у рэфлексіях паэтэсы).

Такім чынам, літаратуразнаўчая інтэрпрэтацыя сувязі эмоцыі і кагніцыі, эмоцыі і сэнсу грунтуецца на шматлікіх палажэннях кагнітыўнай псіхалогіі, псіхалогіі мыслення, экзістэнцыяльнай філасофіі і інш. Вызначаецца, што вобразы мастацкай творчасці звязаны з эмацыянальнымі афектамі, рэакцыямі, станамі, перажываннямі і г.д. Праведзены аналіз верша Яўгеніі Янішчыц прыводзіць нас да высновы, што ў паэтычным творы можна вылучыць: сэнсы асобнага слова-вобраза (эматыва); сэнсы паэтычнага выказвання; агульнатэкставыя сэнсы, звязаныя з анталагічнымі і аксіялагічнымі аспектамі быцця асобы.

Спецыфіка мастацкай творчасці абумоўлівае замацаванне за эмоцыяй у творы сімвалічнай прыроды, у ёй змешчана экзістэнцыяльная дыхатамія (свядомае – неўсвядомленае). Унікальнасць паэтычнага твора як пляцоўкі для гульні прамых / пераносных значэнняў дазваляе чытачу ўключаць уласныя інтэрпрэтацыйныя механізмы, апелюючы як да працэсу пазнання аўтара, адлюстраванага ў тым ліку сродкамі мовы эмоцый, так і да эматыўных сэнсаў паэтычных вобразаў, якія, безумоўна, апасродкаваны асноўным значэннем утваральнага слова.

Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць выснову, што эматыўнасць у паэтычным творы выконвае не проста дадатковую, а канструктыўную ролю:

менавіта праз яе забяспечваецца пераход ад значэння да сэнсу, ад лексічнай адзінкі да вобраза, ад аўтарскага перажывання да чытацкага разумення.

Разгледжаныя тэарэтычныя палажэнні і практычны аналіз верша Яўгеніі Янішчыц пацвярджаюць: эматыўнасць з'яўляецца менавіта сродкам інтэрпрэтацыі сэнсаў, паколькі яна:

–актуалізуе схаваныя, патэнцыяльныя сэнсы слова-вобраза;

–арганізуе рух эмоцыі ў тэксце (напрыклад, ад афекту да рэфлексіі);

– стварае праз эматывы і эматыўныя канатацыі шматмерную сэнсавую прастору твора;

– забяспечвае дыялог паміж аўтарам і чытачом, дзе эмоцыя становіцца «правадніком» у мастацкі свет паэта.

Такім чынам, эматыўнасць паўстае не як другасная характарыстыка тэксту, а як актыўны інтэрпрэтацыйны механізм, які фарміруе сэнсавую глыбіню паэтычнага твора і адкрывае доступ да аўтарскай карціны свету. Менавіта праз эматывы – вобразы, надзеленыя дадатковым эмацыянальным значэннем / канатацыяй, – чытач атрымлівае магчымасць не проста зразумець, але і перажыць сэнс, увасоблены ў паэтычным слове.

ЛІТАРАТУРА

1. Яўгенія Янішчыц: творы, жыццяпіс, каментарыі : у 4 т. / уклад: С. У. Калядка, Т.П. Аўсяннікава; рэд. тома Л. Г. Кісялёва. – Мн. : Бел. навука, 2016. – Т. 1. – 500 с.

2. *Василюк*, Ф. Е. Структура образа / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.

УДК 378.147:811’243:004.8

Кирюшкина Анна Александровна
Кандидат филологических наук
доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Гомельский государственный Университет имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь
akirushkina@mail.ru

Anna Kirushkina ,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology
Francisk Skorina
Gomel State University
Gomel, Belarus
akirushkina@mail.ru

ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ) В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN HIGHER EDUCATION

Автор статьи описывает возможности, открывающиеся при интеграции чат-ботов (ChatGPT, Claude), интеллектуальных репетиторов, инструментов генерации и анализа речи и текста в преподавание и изучение иностранных языков в высшей школе.
Ключевые слова: *искусственный интеллект в образовании; преподавание иностранных языков; генеративный ИИ.*

The author of the article describes the opportunities offered by the integration of chatbots (ChatGPT, Claude), intelligent tutors, speech and text generation and analysis tools into teaching and learning foreign languages in higher education.
Key words*: artificial intelligence in education; teaching foreign languages; generative AI.*

Разнообразие технологий искусственного интеллекта и цифровых инструментов, которые могут использоваться в системе образования, в том числе в условиях иноязычной подготовки в вузе, поражает воображение, при этом количество интеллектуальных агентов, нейросетей-переводчиков, диалоговых чат-ботов, различных цифровых обучающих сервисов непрерывно возрастает [1, с. 12].

В наши дни цифровая трансформация образования вступила в качественно новую фазу с широким распространением генеративных моделей искусственного интеллекта. Если ранее ИИ в языковом обучении ассоциировался преимущественно с автоматической проверкой грамматики (Grammarly), адаптивными платформами (Duolingo) или системами распознавания речи, то сегодня мы наблюдаем появление универсальных, контекстуально-чувствительных агентов, способных к сложным

лингвистическим взаимодействиям (GPT-4 (OpenAI), Claude 3 (Anthropic), Gemini 1.5 Pro (Google).

Рассматривая ИИ как образовательную технологию, следует отметить ее характерные черты: способность к самообучению; способность принимать решения и выполнять определенную совокупность действий, свойственных человеческой природе; функционирование в качестве вспомогательного информационного, познавательного и образовательного ресурса, который стимулирует развитие знаний, умений и навыков, а также способствует формированию языкового опыта с целью его дальнейшего использования в языковой практике [2, с. 172].

Для преподавателя иностранного языка это означает не просто появление нового ресурса, а необходимость переосмысления собственной роли, учебных целей и методов оценки. Данная статья ставит целью систематизировать дидактические возможности ИИ, проанализировать связанные с ними педагогические риски и наметить контуры новой профессиональной компетенции – «цифровой дидактической грамотности» преподавателя.

Среди многообразия методов применения ИИ в аудитории иностранного языка рассмотрим три возможных направления.

1. Персонализация и адаптивное обучение.

Классическая проблема группового обучения – разноуровневость и разная скорость усвоения материала – находит частичное решение в ИИ-репетиторах. Современные системы на базе больших языковых моделей (LLM) способны:

- диагностировать пробелы. Студент может вести свободную беседу с ботом на целевом языке, а система – в реальном времени анализировать ошибки (лексические, грамматические), классифицируя их не просто как «неправильно», а в контексте конкретной коммуникативной задачи.

- генерировать контент «под запрос». Преподаватель или студент задаёт параметры: «Тема – экология, уровень – B1, грамматический фокус – условное наклонение, тип текста – дискуссионная статья». ИИ создаёт уникальный учебный материал, который служит основой для упражнений, анализа или дискуссии.

- адаптировать сложность. Диалог с ботом может динамически усложняться или упрощаться в зависимости от успешности ответов студента, моделируя эффект «зоны ближайшего развития» Выготского.

Пример задания: проанализировав выполненные упражнения и письменные работы студента (в идеале еще и устные ответы), ИИ предлагает персональный «лингвистический профиль» – индивидуальный набор упражнений и ресурсов для проработки слабых мест, например, использование пассивного залога или идиоматических выражений, характерных для будущей профессиональной сферы студента.

2. Расширение и интенсификация языковой практики.

Главный лимитирующий фактор в овладении языком за пределами страны-носителя – дефицит аутентичной и спонтанной практики. ИИ устраняет этот барьер.

Чат-бот может исполнять бесконечное число ролей: от интервьюера при приёме на работу и участника дебатов до гида по виртуальному музею. Это позволяет эффективно отрабатывать всевозможные речевые жанры и ситуации общения.

Можно смоделировать сложные коммуникативные ситуации: улаживание конфликта в гостинице, презентация стартапа инвесторам, академическая консультация. ИИ выступает как реагирующий партнёр, чьи реплики не предсказуемы до конца, что развивает стратегическую компетенцию и импровизацию.

ИИ может преобразовывать текст: из формального стиля в разговорный, из статьи в речь для выступления, из диалога в сценарий пьесы. Это наглядно демонстрирует студентам вариативность языка.

Пример задания: подготовка к международной конференции. Студент загружает тезисы своего доклада. ИИ выступает в роли «строгого рецензента», задавая вопросы «профильного специалиста», затем – в роли «неспециалиста», требуя простых объяснений, и, наконец, при необходимости, в роли «тренера по публичным выступлениям».

3. Формирование и развитие письменной коммуникативной компетенции.

На базовом уровне инструменты на основе ИИ, такие как Grammarly, LanguageTool или встроенные помощники в текстовых редакторах, способны найти и исправить опечатки, грамматические ошибки (род, число, падеж, согласование), пунктуацию (запятые, тире, кавычки). Однако при работе с письменным текстом ИИ способен выполнять задачи более высокого уровня сложности. Современные алгоритмы способны анализировать не изолированные слова, а целые предложения. Например, система может указать студенту на неправильное использование артикля в конкретном контексте, на согласование времен в сложноподчиненном предложении или на типичную для носителей русского языка ошибку в порядке слов в предложении на изучаемом языке. При этом некоторые платформы не просто предлагают правильный вариант, но и предоставляют краткое лингвистическое объяснение правила, которое было нарушено. Это трансформирует пассивное исправление в активное обучение. Студент видит не только *что* не так, но и *почему*.

Если система фиксирует у студента устойчивые проблемы с определенной грамматической темой, она может проактивно генерировать и предлагать серию упражнений для отработки именно этой конструкции.

ИИ может оценить уместность лексики и синтаксических конструкций для конкретного жанра. После проверки написанного «письма другу» и «официального электронного письма», студент получит разные рекомендации: использовать синтаксические средства, направленные на адресата (обращения,

вопросительные и побудительные высказывания, а также повествовательные, содержащие «установку» на ответ; вводные конструкции, конструкции с личными местоимениями второго лица) и заменить разговорные сокращения на полные формы, предложения вместо глаголов использовать отглагольные существительные, указания на излишнюю эмоциональность.

Письменная речь – это не только отсутствие ошибок, но и богатство выражения. Анализируя текст студента, ИИ может предлагать синонимы или более точные термины, соответствующие заданной теме. Например, к часто повторяющемуся слову система предложит варианты замены с примерами их употребления.

При работе над эссе, отчетом или деловым письмом ИИ по запросу может сгенерировать набор стандартных фраз-связок для введения аргументов, сравнения или заключения. Это служит опорой для студентов, снижая когнитивную нагрузку и позволяя сосредоточиться на содержании. При этом ИИ берет на себя рутинную часть работы с формой, освобождая время и интеллектуальные ресурсы студента и преподавателя для работы над смыслом, креативностью, убедительностью и глубиной письменного высказывания.

Интеграция ИИ – не безусловное благо. Она сопряжена с серьёзными рисками, требующими педагогического осмысления.

Чрезмерная зависимость от ИИ для генерации идей или исправления ошибок может привести к «атрофии» когнитивных компетенций. «Уже есть исследования, согласно которым активное использование всех этих технологий влияет на мозговую деятельность, ведь твои компетенции не развиваются. Когда ты делегируешь какие-то задачи нейросети, ты перестаешь учиться и теряешь профессиональную форму» [3].

Задача преподавателя – проектировать задания, где ИИ используется на этапе подготовки или рефлексии, но не во время итоговой демонстрации навыка. Ключевой принцип: не вместо, а вместе [3].

Традиционные эссе и домашние задания теряют диагностическую ценность. Ответом должен стать сдвиг в сторону «защищённых от ИИ» форматов. Устные экзамены-интервью, письменные работы, выполняемые в аудитории без доступа к интернету, креативные задания, требующие личного опыта и эмоций. Необходимо открыто обсуждать со студентами политику использования ИИ, разграничивая допустимую помощь (например, проверка грамматики черновика) и недопустимый плагиат (генерация всей работы).

Важно воспитывать цифровую гигиену и критическое отношение к ИИ, разъясняя его ограничения (склонность к «галлюцинациям» (ситуации, когда модель генерирует информацию, которая выглядит правдоподобно, но является фактически неверной, вымышленной. Это не сознательный обман, а систематическая ошибка в порождении текста, одна из слабостей современных генеративных моделей, культурные (предвзятости, связанные с доминированием определённых культурных норм, ценностей и стереотипов) и языковые

(систематические ошибки, связанные с доминированием одних языков над другими в данных и архитектуре моделей) смещения (biases). Помогать студентам в критическом осмыслении контента, сгенерированного ИИ, обучать верификации информации и этичному использованию технологий.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта помогают совершенствовать интерактивные форматы обучения, адаптировать учебные задания под разные уровни знаний учащихся, распознавать речь учащихся, выявлять ошибки, применять игровые технологии (геймификация образования) и многое другое. Среди бесспорных преимуществ использования технологий искусственного интеллекта можно отметить также возможность мгновенной обратной связи благодаря автоматическому оцениванию результатов выполнения заданий [4, с. 312].

Цифровизация иноязычного образования, внедрение инструментов искусственного интеллекта и иммерсивных методов обучения в учебный процесс высшей школы способствует повышению мотивации студентов к освоению иноязычной речевой деятельности, знакомству с разными лингвокультурами, развитию метакомпетенций, профессиональных умений и навыков межкультурной коммуникации [1, с. 14].

Искусственный интеллект – не панацея и не угроза, а мощный катализатор перемен в методике преподавания иностранных языков. Его интеграция требует от педагогического сообщества в первую очередь не технических навыков, а методологической рефлексии и пересмотра устоявшихся форматов. Будущее принадлежит гибридной педагогике, где алгоритмическая точность и безграничные ресурсы ИИ сочетаются с человеческой мудростью, эмпатией и педагогическим тактом преподавателя. Задача университета сегодня – не запрещать новые технологии, а активно формировать культуру их ответственного и осознанного применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сизова*, Е. В. Искусственный интеллект и иммерсивные технологии в отечественной и зарубежной лингводидактике: аналитический обзор / Е. В. Сизова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024 – Т. 12 – № 6 – URL: https://mir-nauki.com/PDF/58PDMN624.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

2. *Павлова*, О. В. Эффективное использование технологий искусственного интеллекта в процессе обучения иностранному языку / О. В. Павлова. // Молодой ученый. – 2023. – № 51 (498). – С. 170-172. – URL: https://moluch.ru/archive/498/109528 (дата обращения: 09.02.2026).

3. *Антоненкова*, О. Представитель Ривш Андрей Саликов – об использовании нейросетей в образовательном процессе / О. Антоненкова // Настаўніцкая газета. – 2024. – 30 апреля. – URL: https://nastgaz.by/predstavitel-

rivsh-andrej-salikov-ob-ispolzovanii-nejrosetej-v-obrazovatelnom-protsesse/(дата обращения: 09.02.2026).

4. *Сергеева*, В.В. Возможности использования искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам / В.В. Сергеева // Романия: языковое и культурное наследие – 2023 : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Лапунова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 309-312.

УДК 811.11-112 : 81’373

Ключенович Татьяна Петровна
кандидат филологических наук,
доцент Белорусский государственный университет иностранных языков
Минск, Беларусь

Klyuchenovich Tatyana Petrovna
PhD, Associate Professor.
BSUFL, Minsk, Belarus.
tat.klyuchenovich@gmail.com

Бабовоз Елизавета Александровна
студент УО «Белорусский государственный университет иностранных языков»,
Минск, Беларусь.

Babovoz Elizaveta
student BSUFL,
Minsk, Belarus.
elisaveta.babovoz@gmail.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

LEXICAL-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF NEOLOGISMS IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY

В статье рассматривается процесс появления неологизмов как следствие научно-технического прогресса. Приводятся лексико-семантические классификации неологизмов в современном высокотехнологическом дискурсе с выделением их основных функций на материале выступлений Илона Маска.

Ключевые слова: *язык, неологизм, высокие технологии, прагматические функции, лексико-семантические типы.*

The article examines the emergence of neologisms as a consequence of scientific and technological progress. Lexical-semantic classifications of neologisms and their main functions in modern high-tech discourse and presented. The study is based on Elon Musk's speeches.

Key words: *language, neologism, high technology, pragmatic functions, lexical-semantic types.*

Появление неологизмов в современном языке является доказательством его непрерывного развития. Стремительное развитие науки и техники служит мощным катализатором для возникновения новых слов, так как каждое новое открытие или изобретение требует точного и понятного обозначения. Появление принципиально новых устройств и технологий создаёт потребность в их именовании. Неологизмами в лексике считаются слова или значения, появившиеся в языке сравнительно недавно [1].

Неологизмы играют важную роль в языке и по И. Г. Томаревой выполняют следующие функции: коммуникативную, информационную, когнитивную, социальную, культурную, эмоционально-выразительную, идентифицирующую [2]. Д. Д. Чо выделяет такие функции, как номинативная, компрессивно-информативная, диагностирующая, экспрессивная, эвфемистическая, а также функции обобщения, дифференциации, обратного эффекта [3].

Научно-техническая революция последних десятилетий породила колоссальный объём как узкоспециальной, так и общедоступной лексики. Эти неологизмы призваны обозначать ранее не существовавшие предметы материального мира, а также давать названия новым сложным процессам и абстрактным концепциям [4]. Неологизмы сферы высоких технологий представляют многочисленную группу новых слов и словосочетаний. В связи с этим появляется необходимость в их упорядочивании. Классификация помогает не только систематизировать знания, но и глубже понять закономерности развития самого языка в эпоху технологического прогресса.

Современная лингвистика предлагает различные подходы к исследованию неологизмов: семантический, грамматический, стилистический, этимологический, исследование динамики. Среди различных методов семантического анализа предлагается классификация по тематическому признаку и области употребления. Такой подход дает возможность не просто систематизировать новые слова, но и выявить актуальные тенденции в развитии общества. В рамках лексико-семантического подхода можно также выделить классификацию на имена собственные и нарицательные, которая позволяет систематизировать новые лексические единицы по фундаментальным признакам и отражает базовое противопоставление между уникальными, единичными объектами и обобщенными, классовыми понятиями.

В процессе проведенного исследования было проанализировано 110 неологизмов, отобранных из выступлений и интервью Илона Маска, размещенных в глобальной сети Интернет.

По результатам исследования неологизмы в сфере высоких технологий были ранжированы по сферам употребления с выделением 6 групп (табл.1):

- космические технологии;
- искусственный интеллект и цифровые технологии;
- социальные медиа и информационные системы;
- электрический транспорт и энергетика;
- робототехника и автоматизация;
- устойчивое развитие.

Таблица 1

Соотношение неологизмов в различных сферах высоких технологий в выступлениях Илона Маска

Сфера высоких технологий	Количество неологизмов	Процентное соотношение
Космические технологии	33	30%
Искусственный интеллект и цифровые технологии	32	29%
Социальные медиа и информационные платформы	23	21%
Электрический транспорт и энергетика	11	10%
Робототехника и автоматизация	6	5,5%
Устойчивое развитие	5	4,5%

Таким образом, в выступлениях Илона Маска сфера космических технологий насчитывает наибольшее количество неологизмов (33 неологизма, 30%). К этой группе относятся неологизмы, обозначающие космические корабли и летательные аппараты (*reusable orbit rocket* ‘многоразовая орбитальная ракета’, *Starship, Starlink*, *direct-to-cell satellites* ‘спутники прямой связи с телефонами’), космические технологии, разрабатываемые Маском (*sub-orbital flight* ‘суборбитальный полёт’, *gas generator cycle* ‘газогенераторный цикл’, *foam cooling* ‘пенное охлаждение’, *linear adjacent flow* ‘линейный прилегающий поток’, *reusable orbital heat shield* ‘многоразовый орбитальный тепловой щит’, *fairing recovery* ‘восстановление обтекателей’*, boostback burn* ‘манёвр возврата первой ступени’, *orbital refilling* ‘орбитальная заправка’), космические цивилизации (*multi-planet civilisation* ‘межпланетная цивилизация’, *spacefaring civilisation* ‘космическая цивилизация’, *multi-stellar civilisation* ‘межзвёздная цивилизация’). Высокая частотность употребления неологизмов в сфере космических технологий обусловлено, в первую очередь, необходимостью названия новых разработок и понятий, таких как *reusable orbit rocket, direct-to-cell satellites, linear adjacent flow* и другие.

Эти слова позволяют говорить о новых технологиях более простым языком, делая сложные вещи понятными. Более того, неологизмы способствуют структурированию и упорядочению знаний и информации, а также выделяют Илона Маска в профессиональной среде, обозначая его принадлежность к этой сфере.

Второй по частотности является сфера искусственного интеллекта и цифровых технологий (32 единицы, 29%). К этой группе относятся слова, обозначающие основные понятия и технологии искусственного интеллекта (*real word AI* ‘ИИ в реальном мире’, *digital superintelligence* ‘цифровой сверхразум’, *AI-human symbiosis* ‘симбиоз ИИ и человека’), понятия, связанные с обработкой данных и машинным обучением (*image recognition* ‘распознавание изображений’, *labelling tools* ‘инструменты разметки данных’, *auto labeling* ‘автоматическая разметка’, *AI training* ‘обучение ИИ’, *training system* ‘система обучения’), нейросетями (*silicon neural net* ‘кремниевые нейросети’, *neural interface* ‘нейроинтерфейс’, *digital ghost* ‘цифровой след’, *digital mind* ‘цифровое сознание’), этикой использования искусственного интеллекта (*AI safety* 'безопасность ИИ’, *safe state ability* ‘способность к безопасному состоянию’), а также термины цифровой экономики (*criptocurrency* ‘криптовалюта’, *cryptoscam* ‘крипто-мошенничество’).

Неологизмы в сфере искусственного интеллекта употребляются, в первую очередь, для номинации новых технологий. Также они помогают упорядочить и классифицировать новые понятия, отражают социальные и культурные изменения и направления технического прогресса. Такие неологизмы, как *AI danger, AI safety, deepreal, deepfake, AI-human future*, выполняют также эмоционально-выразительную и оценочную функции.

Сфера социальных медиа и информационных систем также пополнилась большим количеством неологизмов в связи со стремительным распространением своего влияния. К этой группе относятся названия социальных сетей и платформ (*X platform, Twitter, Facebook, Instagram, Tik Tok*), а также слова, обозначающие процессы и технологии модерации, цензуры и управления контентом (*trending list* ‘список трендов’, *click-maximising machine* ‘система максимизации кликов’, *screen time* ‘время экранного использования’, *reputation score* ‘рейтинг репутации’, *spammings* ‘спам-рассылки’, *scam bots* ‘мошеннические боты’, *advertiser boycott* ‘бойкот рекламодателей’, *mind virus* ‘вирус сознания’, *viral content* ‘вирусный контент’).

Неологизмы в сфере социальных медиа и информационных платформ употребляются для обозначения новых понятий, а также для отражения социальных и культурных изменений в общественных ценностях. Некоторые неологизмы, например, *X platform, click-maximizing machine, reputation score* выполняют также идентификационную функцию и обозначают принадлежность говорящего к сфере алгоритмов социальных сетей и модерации контента.

Неологизмы в сфере электрического транспорта и энергетики проявляют более низкую частотность в выступлениях Илона Маска, однако также представлены в достаточной мере (10%). К ним относятся названия электрического транспорта, а также зарядной инфраструктуры (*electric vehicles*

‘электромобили’, *Tesla, electric economy* ‘экономика электротранспорта’, *electric semi truck* ‘электрический грузовик’, *supercharger* ‘суперзарядка’, *supercharging system* ‘система суперзарядки’).

Эти неологизмы отражают технологические изменения в обществе, систематизируют новые знания и показывают принадлежность говорящего к определенной профессиональной среде. Такие неологизмы, как *supercharger* и *supercharger system*, выполняют эмоционально-выразительную функцию.

В сфере робототехники зафиксировано относительно невысокое количество неологизмов (5,5%). Эта сфера представлена такими словосочетаниями, как *autonomous humanoid robot* ‘автономный человекоподобный робот’, *autonomous car* ‘беспилотный автомобиль’, *robot car* ‘роботизированный автомобиль’, *full self-driving* ‘технология полностью автономного вождения’.

Неологизмы в сфере робототехники и автоматизации употребляются, в основном, для номинации новых разработок Маска, а также для упрощения и обобщения более сложные понятия.

Устойчивое развитие – одна из приоритетных сфер, представленных в современном мире. В дискурсе Илона Маска мы выделили 5 неологизмов (4,5%), а именно *sustainable energy economy* ‘экосистема возобновляемой энергетики’, *self-sustaining city* ‘автономный экогород, город с замкнутым циклом’, *sustainable abundance* ‘ресурсное изобилие без вреда экологии’, *energy efficiency* ‘оптимизация энергопотребления’.

Неологизмы в этой сфере служат, в первую очередь, для обозначения новых понятий и обобщения и упрощения сложных явлений. Они также отображают процессы, набирающие популярность в современном обществе, и выполняют экспрессивную функцию, привлекая внимание общественности к проблеме.

В соответствии со второй лексико-семантической классификацией неологизмы были разделены на 2 группы (табл. 2):

- имена собственные;
- имена нарицательные.

Таблица 2

Соотношение неологизмов по принципу принадлежности к именам собственным и нарицательным в выступлениях Илона Маска

Семантико-грамматическая характеристика	Количество неологизмов	Процентное соотношение
Имена собственные	26	24%
Имена нарицательные	84	76%

В современном технологическом дискурсе имена собственные, созданные или популяризированные Илоном Маском и его компаниями, вызывают особый интерес. Эти неологизмы представляют собой названия компаний (*Neuralink, SpaceX, Starlink, Tesla, OpenAI*), названия изобретений и технологий (*Starship, Falcon 9, Grok, Cybertruck, Merlin engine, Raptor engine, Megapack, Powerwall, Teslasupercharge network, Booster, Mechazilla arms, Optimus robot, Chat GPT, Direct vision*), названия социальных сетей (*X platform, Twitter, Facebook, Instagram, TikTok*), название криптовалюты (*Dogecoin*).

Неологизмы этой группы употребляются, в основном, для продвижения разработок и компаний. Они служат для выделения определенного продукта из класса подобных.

Неологизмы, которые являются именами нарицательными, в технологическом дискурсе представляют собой, в первую очередь, общие понятия и описания современных тенденций развития высоких технологий: *AI* ‘ИИ’, *electric vehicles* ‘электромобили’, *real word AI* ‘ИИ в реальном мире’, *silicon neural net* ‘кремниевые нейросети’, *image recognition* ‘распознавание изображений’, *labelling tools* ‘инструменты разметки’ и другие.

Данная группа также представлена неологизмами, которые обозначают новейшие открытия и технологии, созданные Илоном Маском и его компаниями. В основном эти неологизмы относятся к сфере космических технологий: *boostback burn* ‘манёвр возврата ступени’, *stageseparation* ‘разделение ступеней’, *sub-orbital flight* ‘суборбитальный полёт’ и другие. Эта группа также включает довольно много неологизмов из сфер электрического транспорта и автоматизации: *electric semi-truck* ‘электрический грузовик’, *supercharger* ‘суперзарядка’, *supercharging system* ‘система суперзарядки’, *high speedautonomous electric pods* ‘высокоскоростные автономные капсулы’, *full self-driving* ‘технология полностью автономного вождения’ и другие.

Неологизмы, которые являются именами нарицательными, употребляются для обозначения целого класса предметов и явлений. Они помогают выразить сложные понятия более простым способом, а привлекают и акцентируют внимание.

Таким образом, развитие общества и научно-технический прогресс являются главными причинами появления неологизмов. Этим термином обозначают новые слова или словосочетания, созданные для именования актуальных предметов и понятий. Каждое новое открытие в науке и технике требует точного обозначения. Так, в современном мире сфера высоких технологий становится основным источником новых слов. Это связано с быстрым распространением инноваций и необходимой для них лексики. В языке неологизмы выполняют множество функций, которые изучаются лингвистами.

В рамках настоящего исследования были классифицированы неологизмы из выступлений Илона Маска с установлением их частотности и прагматических функций. Анализ проводился по сферам употребления, а также по принципу принадлежности к именам собственным или нарицательным с выявлением основных тенденций употребления неологизмов в составе современного высокотехнологического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скороходова*, Е. Ю. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ / Е. Ю. Скороходова, М. М. Щеголева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-upotreblenie-neologizmov-v-sovremennyh-smi (дата обращения: 09.10.2025).
2. *Томарева*, И. Г. Динамика и функциональная роль неологизмов в эволюции современного словарного состава английского языка / И. Г. Томарева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-funktsionalnaya-rol-neologizmov-v-evolyutsii-sovremennogo-slovarnogo-sostava-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 09.10.2025).
3. *Чо,* Д. Д. Функционирование неологизмов в языке газеты / Д. Д. Чо // Russian Language Journal. – 2008. – № 58 (1). – URL: https://doi.org/10.70163/0036-0252.1210 (дата обращения: 09.10.2025).
4. *Заботкина*, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.

УДК 81'42

Конькова Инна Игоревна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация
mirna_13@mail.ru

Konkova Inna Igorevna
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the English Language for Professional Communication
National Research Mordovia State University

Saransk, The Russian Federation
mirna_13@mail.ru

МЕТАСТРУКТУРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МОНОГРАФИИ (КОРПУСНЫЙ ПОДХОД)

METASTRUCTURES AS MEANS OF THE AUTHOR'S POSITION REFLECTION IN THE GENRE OF ENGLISH MONOGRAPH (CORPUS-BASED APPROACH)

Данная статья посвящена анализу метаструктур, выступающих средством отражения позиции автора, в жанре англоязычной монографии с использованием корпусного подхода для приведения статистических данных.

Ключевые слова: *метаструктуры, жанр, монография, авторская позиция, корпусный подход*.

This article is devoted to the analysis of metastructures acting as means of the author's position reflection in the genre of English monograph using a corpus-based approach to provide statistical data.

Key words: *metastructures, genre, monograph, author's position, corpus-based approach.*

Функция общения предполагает участие двух активных субъектов: один осуществляет передачу коммуникативного замысла, а другой – его интерпретирует. Для выражения и реализации намерений адресанта, а также его ментальности используют специальные языковые средства.

При рассмотрении понятия адресанта мы придерживаемся термина «авторская позиция», так как материалом исследования выступает именно письменный научно-технический дискурс. Изначально авторская позиция рассматривалась через концепцию «образа автора», введённую В. В. Виноградовым в 1927 г. в статье «К построению теории поэтического языка» [1].

Традиционно авторская позиция изучалась преимущественно на примере художественных произведений, а отношение к автору в научной литературе разных эпох характеризовалось неоднозначно. Так, Н. Д. Тамарченко выделяет три этапа в интерпретации авторской позиции [2, с. 13]. Далее этим вопросом занялся М. М. Бахтин, который пришёл к выводу, что при восприятии текста у читателя формируется новый образ автора, который может отличаться от исходного [3, с. 370]. Идеи М. М. Бахтина развивала И. И. Бакланова, выделяя при этом интенциональную и перцептивную авторские позиции [4, с. 136].

Обобщая все указанные подходы к понятию авторской позиции и исследуя её основные формы проявления, И. А. Широкова определила, что авторская позиция складывается из элементов смысла, отражающих картину мира автора, идеи и проблематику текста, а также прагматическую установку [5, с. 104].

Наличие авторской позиции в научных текстах было подтверждено в работах И. И. Баклановой [6] и Н. С. Валгиной [7], однако на тот момент ещё не изучались конкретные способы её реализации. В научных текстах, как и в любых других, особенности отношения автора к предмету выражаются в различных формах и с помощью разнообразных языковых средств [4, с. 11].

При изучении средств выражения авторской позиции используются такие понятия, как оценка [8], метадискурс [9], позиция [10], уверенность/неуверенность [11] и др.

Перейдем к рассмотрению авторской позиции в жанре англоязычной монографии, которая определяется как «научный труд в виде книги, представляющий результаты углублённого изучения одной или несколько близких тем, характеризующийся высокой степенью обобщения» [12, с. 35].

Как было установлено в ходе исследования, авторская позиция в данном жанре находит выражение через использование личное местоимения единственного числа 1 лица “*I*” и притяжательного местоимения “*my*”; личного местоимения множественного числа 1 лица *we* (при наличии нескольких авторов); конструкций *it is worth, note that* (для выделения самой важной информации); наречий *please* (демонстрация уважительного отношения). Остановимся на этом подробнее. Приведенные примеры выражения авторской позиции сопровождены скринами из корпус-менеджера AntConc (версия 3.5.8 (Windows) 2019). Что касается обозначений [ОбАвт], [Диал], [Вним], [Приз], то они представляют собой метаструктурную разметку, нанесенную на корпус англоязычного научно-технического дискурса при его создании, что отвечает задачам проведенного докторского исследования автора данной статьи.

Личное местоимение единственного числа 1 лица *I* (рис. 1) **и притяжательного местоимения *my***

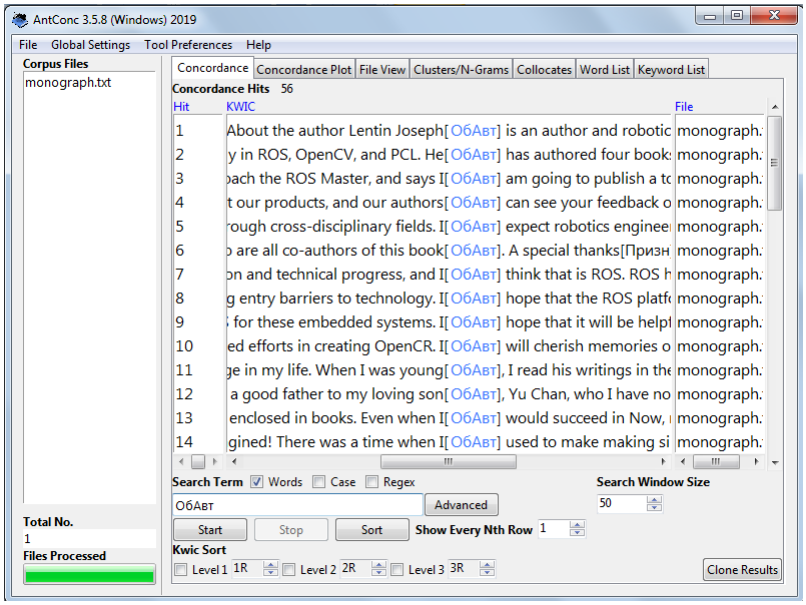

Рис. 1. Корпус-менеджер AntCont: личное местоимение I как средство выражения авторской позиции

"In 1983 ***I was invited*** *to speak at the triennial Mathematical Theory of Networks and Systems Conference in Beer Sheva, Israel …"* [13, p. IX-X]. Автор сообщает читателю, как именно он заинтересовался данным научным вопросом. Именно для этого он использует личное местоимение *I* (я).

*"****My best answer would be*** *ROS, which is developed and maintained by Open Robotics"* [14, p. 8]. Автор монографии предлагает собственный ответ на поставленный им же читателю вопрос.

Личное местоимение множественного числа 1 лица *we* (рис. 2) **(при наличии нескольких авторов) и притяжательного местоимения *our*** (рис. 3)

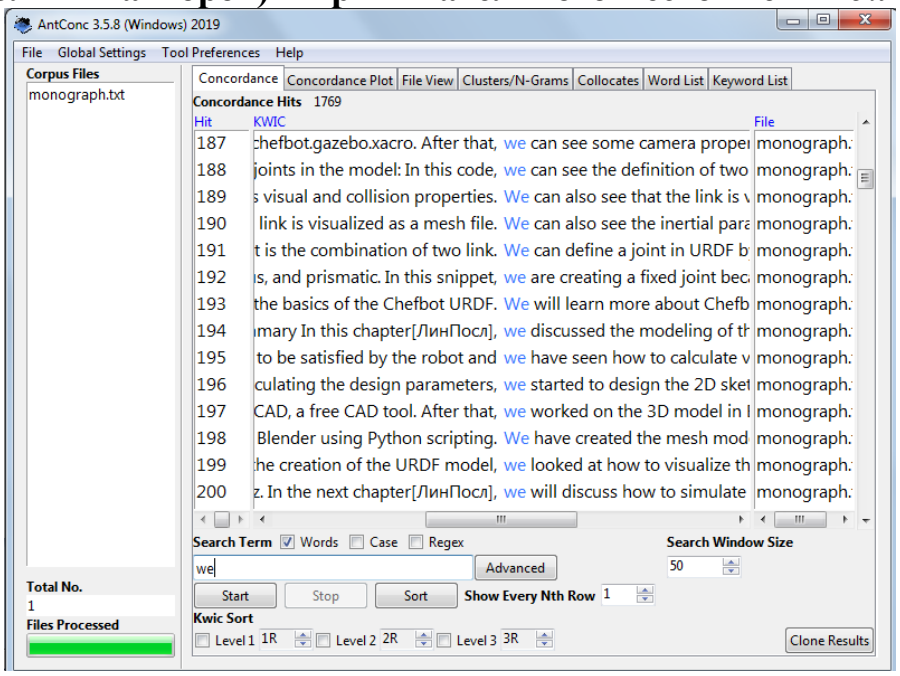

Рис. 2. Корпус-менеджер AntCont: личное местоимение we как средство выражения авторской позиции

*"**We decided that** the only sensible recourse was to write such a book ourselves"* [13, p. XIII] Авторы поясняют причины своего решения написать данную монографию.

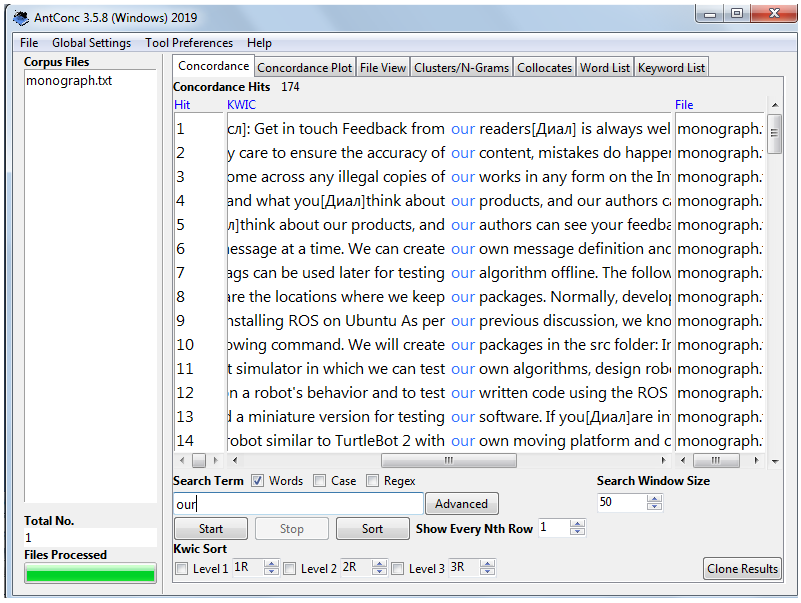

Рис. 3. Корпус-менеджер AntCont: притяжательное местоимение our как средство выражения авторской позиции

*"**While this book presents our own perspective** on how to introduce the fundamental topics in first courses on robot mechanics, planning, and control, **we acknowledge** the excellent textbooks that already exist ..."* [13, p. XV]. Авторы представляют собственное видение (our perspective) на проблему обучения первых курсов механике, планирования и контролю роботов.

Конструкции *it is worth, note that* (рис. 4) **(для выделения самой важной информации)**

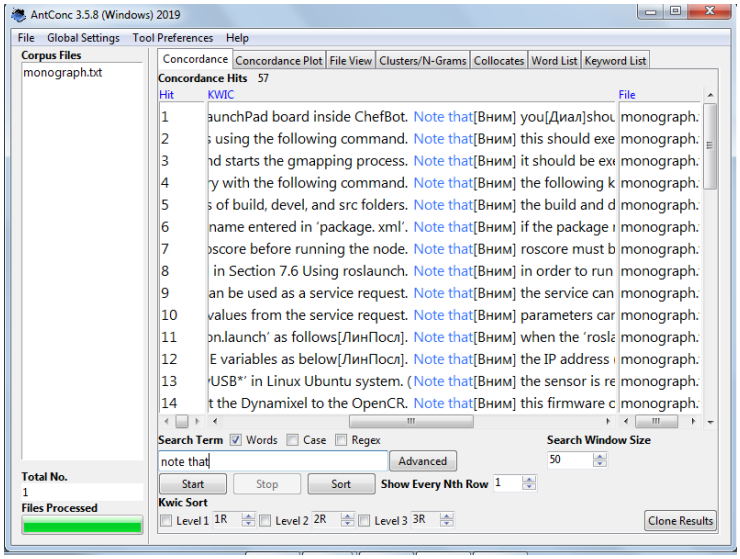

Рис. 4. Корпус-менеджер AntCont: конструкция note that как средство выражения авторской позиции

"Two issues ***are worth mentioning****"* [13, p. 335]. В данном примере акцентирует внимание на читателя на двух особо значимых моментах, которые должны закрепиться в его сознании.

*"****It is also important to note that*** *the fixed-frame angular velocities does not depend on the choice of body frame"* [13, p. 79]. Автор обращает особое внимание на независимость скорости неподвижной рамы от выбора рамы кузова через использование конструкции note that (обратите внимание, что) и конструкции it is в сочетании с именем прилагательным important (важный), что вносит дополнительный элемент оценки.

Наречие *please* (рис. 5) **(демонстрация уважительного отношения)**

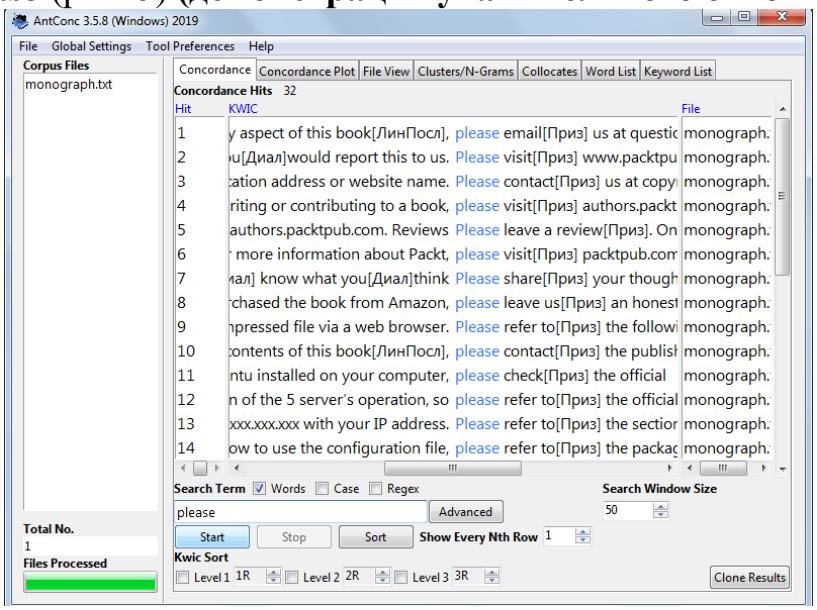

Рис. 5. Корпус-менеджер AntCont: наречие please как средство выражения авторской позиции

"If you have a different version of Ubuntu installed on your computer, ***please*** *check the official site, and if your operating system is OS X1 or Windows2 you can check the corresponding Wiki3 page for the installation methods"* [14, p. 23]. Автор отмечает, что у читателя может быть другая версия программы, именно поэтому в случае необходимости, автор просит читателя перейти на официальный веб-сайт.

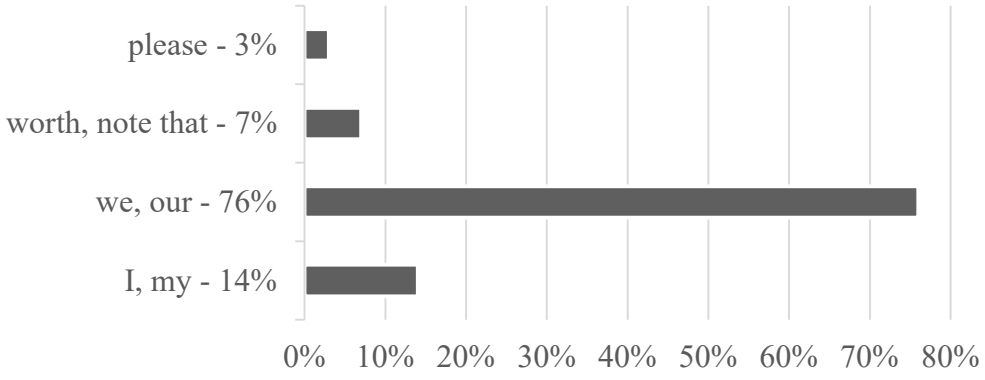

Диаграмма 1. Способы выражения авторской позиции в жанре монографии

Таким образом, как следует из Диаграммы 1, в жанре монографии нашли отражение четыре способы передачи образа автора: наречие *please* (пожалуйста), конструкции *it is worth* (это того стоит) и *note that* (обратите внимание, что), личное местоимение *we* (мы) и притяжательное местоимение *our* (наш), личное местоимение *I* (я) и притяжательное местоимение *my* (мой). Наибольший интерес представляет следующее: если в жанре научной статьи личное и притяжательные местоимения 1 лица единственного числа не используются, то в жанре монографии на них приходится достаточно большая доля (14%). Причина этого кроется в том, что в монографии автор стремится подчеркнуть личные заслуги, особенно если авторов несколько.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Проблема образа автора в художественной литературе / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. О теории художественной речи. – М., 1971. – С. 105–211.
2. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 357 с.
3. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Книга по требованию, 2013. – 444 с.
4. *Бакланова, И. И.* Публичные выступления советского периода: образ автора и образ адресата (на материале обсуждений романа В. Гроссмана «За правое дело») / И. И. Бакланова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 2-62. – С. 10–18.
5. *Широкова, И. А.* Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого / И. А. Широкова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск : ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2014. – № 23-352. – С. 103–106.
6. *Бакланова, И. И.* Образ автора и образ адресата нехудожественного текста : дис. … док-ра филол. наук: 10.02.01 / И. И. Бакланова. – Великий Новгород, 2014. – 431 с.
7. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.

8. *Hunston, S., Thompson, G.* Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / S. Hunston, G. Thompson. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 225 p.

9. *Hyland, K.* Metadiscourse : exploring interaction in writing / K. Hyland. – London, New York : Continuum, 2005. – 279 p.

10. *Gray, B., Biber, D.* Current conceptions of stance / B. Gray, D. Biber // Stance and voice in written genres. – London : Palgrave Macmillan, 2012. – P. 15–33.

11. *Жаркынбекова, Ш. К., Байбатырова, А. А.* Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений / Ш. К. Жаркынбекова, А. А. Байбатырова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – № 16-2. – С. 188–213.

12. Монография // Новая иллюстрированная энциклопедия. – М. : Большая российская энциклопедия, 2003. –Т. 12. – Мо-Но.

13. *Lynch, K. M., Park, F. C.* Modern Robotics. Mechanicsms, Planning and Control / K. M. Lynch, F. C. Park. – 2017. – 642 p.

14. *YoonSeok, P., HanCheol, Ch., Ruywoon, J., TaeHoon, L.* ROS Robot Programming / P. YoonSeok, Ch. HanCheol, J. Ruywoon, L. TaeHoon. – 2017. – 487 p.

УДК 378.1

Копылова Наталья Александровна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»,
г. Москва, Российская Федерация
nakopylova@yandex.ru

Natalya Kopylova
PhD in Pedagogics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
National Research University "Moscow Power Engineering Institute",
Moscow, the Russian Federation
nakopylova@yandex.ru

ВИРТУАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОГРУЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ

VIRTUAL TRAVELLING AS A METHOD OF LANGUAGE IMMERSION

В статье рассматривается метод погружения в языковую среду, а также виртуальные путешествия как инновационный способ, позволяющий исследовать различные места и культуры из дома через цифровые платформы посредством погружения в языковую модель. Представлена концепция, принципы и технологии виртуальных путешествий.

Ключевые слова: *метод погружения; виртуальные путешествия, принцип, технология, концепция, английский язык*.

This article examines language immersion and virtual travelling as an innovative way to explore different places and cultures from home through digital platforms and language immersion. The concept, principles, and technologies of virtual travelling are presented.

Key words: *an immersion method; virtual travelling; a principle, a technology, a concept; English language.*

В настоящее время для обучения иностранному языку используются различные языковые модели, технологии, методы. Одним из таких методов является метод погружения. Эта такой педагогический подход, при котором усвоение речи идет на изучаемом языке в условиях имитированной среды. Учащиеся погружены в изучение языка, что способствует быстрому запоминанию новых слов и выражений, преодолению языкового барьера, формированию языкового мышления.

Виртуальные путешествия – это инновационный способ, позволяющий исследовать различные места и культуры из дома через цифровые платформы посредством погружения в языковую модель. Это может включать в себя виртуальные туры по музеям, историческим местам, природным заповедникам и городам. Основная идея заключается в том, чтобы сделать путешествия

доступными для всех, независимо от физического состояния, финансовых возможностей или географического положения.

В научно-педагогической литературе существует несколько подходов к определению сущности виртуальной экскурсии, каждый из которых акцентирует разные её аспекты:

- Деятельностно-проектный подход (Е.В. Александрова). Виртуальная экскурсия трактуется прежде всего как педагогическое средство, цель которого – организовать профессиональное взаимодействие студентов в процессе создания турпродукта. Ключевым здесь является активная проектная деятельность обучающихся с привлечением разнообразных информационных источников, включая интернет-ресурсы [1].
- Мультимедийно-перцептивный подход (Е.В. Дашкова). Акцент смещается на технологическую и психологическую составляющую. Виртуальная экскурсия определяется через комплексное воздействие на органы восприятия (текст, звук, графика, анимация, видео). Это позволяет достичь более быстрого и качественного усвоения и запоминания материала экскурсантами за счёт полимодальной подачи информации [2].
- Организационно-формальный подход (М.И. Петрова). Данная точка зрения рассматривает виртуальную экскурсию как самостоятельную организационную форму обучения. Её главное отличие от реальной экскурсии – виртуальная репрезентация реальных объектов. Основная педагогическая задача такой формы – создать условия для самостоятельного наблюдения, анализа и сбора информации обучающимися [5].

Анализ приведённых определений позволяет сделать вывод, что они не противоречат, а скорее взаимодополняют друг друга, раскрывая разные состовляющие сложного явления: от цели и формы организации до механизмов восприятия. Таким образом, виртуальная экскурсия является синтезом *педагогических средств*, *технологий мультимедиа* и *специфической формы обучения через погружение*.

Помимо общих черт, выделенных в определениях, виртуальная экскурсия обладает рядом уникальных особенностей, которые кардинально отличают её от традиционной и определяют её дидактический потенциал. А.В. Порываев систематизирует эти особенности [6]:

1. Дистантность и опосредованность контакта. Объект изучения воспринимается удаленно, без возможности прямого физического взаимодействия с ним, что трансформирует характер познавательной деятельности.
2. Неограниченная мобильность и нелинейность. Экскурсант получает свободу виртуального перемещения в пространстве и времени. Маршрут становится нелинейным, позволяя изучать элементы объекта в произвольной последовательности, детально останавливаться на них и возвращаться к

ключевым моментам неограниченное количество раз для углубленного понимания.

3. Технологическая природа создания. Визуальный и смысловой образ объекта конструируется исключительно с помощью компьютерных технологий (3D-моделирование, панорамная съёмка, интерактивные элементы), что позволяет преодолевать физические и временные ограничения.

4. Аудиовизуальный канал восприятия. Восприятие происходит преимущественно через зрительный и слуховой каналы. Тактильные, обонятельные и другие сенсорные ощущения, характерные для реальной экскурсии, исключены или симулируются с помощью медиа.

5. Расширенная онтология объектов. Объектом виртуальной экскурсии может выступать не только реально существующий (но труднодоступный) памятник или музей, но и реконструированный (утраченный исторический объект), гипотетический (проект будущего здания) или полностью вымышленный (мир литературного произведения).

6. Гибкость образовательного формата. В учебном процессе виртуальная экскурсия может быть интегрирована как в традиционный классно-урочный формат (коллективный просмотр с обсуждением), так и использоваться в рамках дистанционного или смешанного обучения.

7. Масштабируемость аудитории. При дистанционной организации количество участников (экскурсантов) практически не ограничено техническими возможностями площадки, что делает этот формат эффективным для массового образования.

8. Потенциальная автономность. Экскурсия может быть проведена и усвоена без прямого участия экскурсовода или педагога в режиме реального времени. Функции навигации, пояснения и контроля передаются интерактивному интерфейсу и заранее подготовленному контенту (аудиогид, текстовые справки, тестовые задания).

Виртуальные путешествия используют современные технологии для создания языкового опыта, который может быть как образовательным, так и развлекательным. Они представляют собой цифровые экскурсии, которые могут включать в себя 360-градусные видео, виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и интерактивные карты. Эти технологии позволяют пользователям исследовать новые места, получать информацию о культуре, традициях и истории, а также взаимодействовать с контентом.

Концепция виртуального путешествия представляет собой интеграцию принципов, методов, технологий и креативного контента для создания опыта погружения, позволяющего пользователям исследовать различные места и культуры без физического перемещения [3].

Основная *цель* виртуальных путешествий – предоставить возможность исследовать мир, обучаться и развлекаться в любое удобное время в любом удобном месте.

Принципы виртуальных путешествий формируют основу для создания качественного, живописного и увлекательного опыта, который позволяет пользователям исследовать мир, не покидая своего дома.

Основными *принципами* виртуальных путешествий являются:

1. Доступность

Для виртуальных путешествий создается специальный контент для использования на различных удобных устройствах в удобное время и в удобном месте. Причем он должен быть доступен для различных категорий людей, в том числе и для лиц с ограниченными возможностями.

2. Интерактивность

Контент для виртуальных путешествий необходимо делать интерактивным, чтобы с ним удобно было взаимодействовать, например, при составлении дорожного маршрута, получении информации или ответов на заданные вопросы.

3. Иммерсивность («полное погружение»)

Контент виртуальных путешествий создается с помощью специального оборудования и технологий, например, (VR) и 360-градусные видео, что позволяет пользователю ощущать состояние «погружения» в виртуальное путешествие.

4. Образование

Образовательный аспект активно затронут в виртуальных путешествиях. С их помощью можно изучать различные страны, их историю, культуру, традиции, географию, народы, выполнять интерактивные задания, делать для себя новые открытия.

5. Эмоциональность

Создание эмоциональной связи с местом путешествия через рассказы населяющих народов, музыку, достопримечательности делают «погружение» еще более полным.

6. Качественность

Высокое качество визуального и аудиоконтента создает более реалистичную среду, что позволяет пользователям полностью погрузиться в виртуальное путешествие, осознать себя активным действующим лицом.

7. Адаптивность

Виртуальные путешествия необходимо создавать такими, чтобы они были интересны и полезны разным категориям лиц, чтобы могли заинтересовать и школьников, и пенсионеров, чтобы каждый мог выбрать для себя интересующую его тематику, например, историю, культуру, географию, спорт и т.п.).

8. Социализация

Специализированный контент виртуальных путешествий делает их более увлекательными, но также позволяет создавать форумы и чаты для обсуждения, устраивать совместные путешествия с помощью VR-очков, делиться полученной информацией.

Описанные основные принципы позволяют создавать качественный контент для виртуальных путешествий для развлечения, получения дополнительной информации, а также для социального взаимодействия пользователей.

В настоящее время выделяют следующие технологии, используемые для создания виртуальных путешествий:

- Виртуальная реальность (VR): применение специализированного VR-оборудования для полного погружения в виртуальную среду.
- Дополненная реальность (AR): использование мобильных устройств (например, Google Lens) или специализированных очков (например, Google Glass) для наложения цифровой информации на реальный мир.
- 360-градусные видео: создание объемного видео с помощью специального оборудования (камер) для полного погружения пользователя, применение платформ и сайтов (например, AirPano), содержащих 360-градусные видео и панорамы.
- Интерактивные карты и приложения: применение картографических сервисов (например, Google Maps) для разработки интерактивных маршрутов с возможностью добавления информации о достопримечательностях, входящих в разработанные маршруты.
- Геймификация: использование интерактивные элементов для взаимодействия с контентом, например, участие в викторинах, квестах и т.д.

Виртуальные путешествия могут быть интересны и полезны *различным категориям* пользователей:

1. Люди с ограниченными возможностями или те, кто не может физически путешествовать.
2. Студенты и учащиеся, желающие познавать различные страны, но не имеющие для этого возможностей.
3. Туристы, планирующие свои поездки и желающие предварительно познакомиться с местами.

Качественный *контент* является основой успешного виртуального путешествия. В его состав входят:

1. Визуальные материалы (фотографии, картины, видео).
2. Аудиогиды и интервью с местными жителями.
3. Интерактивные карты и маршруты.

Таким образом, виртуальная экскурсия предстаёт как комплексное, технологически опосредованное педагогическое явление полного погружения в языковую среду [4]. Она сочетает в себе признаки интерактивного учебного средства, мультимедийной формы подачи информации и гибкой организационной модели, обладая при этом уникальными свойствами (нелинейность, дистантность, масштабируемость), которые открывают новые возможности для современного образования, выходящие далеко за рамки простой замены или имитации реальной экскурсии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова, Е.В.* Виртуальная экскурсия как одна из эффективных форм организации учебного процесса на уроке литературы / Е.В. Александрова // Литература в школе. – 2010. – № 10. – С. 22-24.
2. *Дашкова, Е.В.* Особенности организации экскурсий для современных школьников / Е.В. Дашкова, Е.Б. Ивушкина // Педагогика и современность. – 2014. – Том 1, № 1-1. С. 60.
3. *Копылова, Н.А.* Использование коммуникативных технологий на практических занятиях по английскому языку в техническом вузе / Н.А. Копылова // Современные концепции романо-германской филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Е.С. Чернявской, Н.К. Костиной, И.Ю. Кремер. – Рязань, 2022. – С. 129-135.
4. *Копылова, Н.А.* Проектная методика на занятиях по иностранному языку в техническом вузе/ Н.А. Копылова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Материалы XII международной научной конференции. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 2022. – С. 61-66.
5. *Петрова, М.И.* Виртуальные экскурсии на уроках химии / М.И. Петрова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – Новосибирск.: ООО «ЦРНС». – 2010. – № 17. С. 333.
6. *Порываев, А.В.* Виртуальные экскурсии геоэкологического содержания: методический аспект / А.В. Порываев // Вестник Мининского университета. – 2015. – № 2.

УДК 811.531’366’37:316.346.2-055.2(045)

Листратова Ольга Константиновна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иноязычного речевого общения
Белорусский государственный университет иностранных языков,
г. Минск, Беларусь

Olga Listratova
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Foreign Communication
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
atv-asp@mail.ru

Борисевич Ирина Викторовна,
выпускник факультета межкультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет иностранных языков,
г. Минск, Беларусь
irinaborisevich.0@gmail.com

Irina Borisevich
graduate of the Faculty of Intercultural Communication
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
irinaborisevich.0@gmail.com

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЛОВА: ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ФЕМИННОСТИ В ГЕНДЕРНО НЕЙТРАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

WORD STRUCTURE AND SEMANTICS: THE PROBLEM OF REFLECTING FEMININITY IN GENDERLESS LANGUAGES

В статье авторы систематизируют лингвистические механизмы отражения феминной семантики в грамматически гендерно нейтральных языках. Осуществленный на материале корейского языка анализ показывает, что несмотря на отсутствие грамматической маркировки рода семантика женскости находит чёткую экспликацию за пределами структуры слова на лексическом и прагматическом уровнях.

Ключевые слова: *гендерно нейтральные языки; семантика феминности; структура слова; грамматическая маркировка рода; лингвистические механизмы; корейский язык.*

In the article, the authors systematize the linguistic mechanisms of reflecting femininity in genderless languages. The analysis based on the Korean language shows that despite the absence of grammatical gender marking within the word structure, the femininitive semantics is clearly expressed at the lexical and pragmatic levels.

Key words: *genderless languages; feminitive semantics; word structure; grammatical gender marking; linguistic mechanisms; the Korean language.*

Лексические системы большинства языков мира исторически формировались как андроцентричные, т.е. такие в которых преобладают единицы для обозначения лиц мужского пола, тогда как наименования лиц женского пола часто являются вторичными, производными от наименований лиц мужского пола. Такие лексические единицы получили в лингвистике статус феминитивов – специальных женских форм слова, парных мужским формам, предназначенных для обозначения лиц женского пола, занимающих определённую профессию, должность или выполняющих заданную роль в обществе, например, рус. *писатель – писательница, профессор – профессорка, директор – директорка* [1]. Вместе с тем в ряде языков грамматическая парадигма рода полностью отсутствует, что проявляется в крайне ограниченном использовании или полном отсутствии феминитивов [2] и невыраженности семантики женскости, т.е. принадлежности к женскому полу, в структуре слова. Представляется, однако, что и в таких грамматически гендерно нейтральных (англ. genderless) языках семантика феминности, отражающая один из базисных аспектов как биологической, так и социальной, профессиональной, культурной жизни индивида, должна находить свою лингвистическую объективацию.

В качестве материала для исследования проблемы отражения семантики женскости в языках, не имеющих грамматического рода, был выбран корейский язык, демонстрирующий уникальную морфологическую и синтаксическую гендерную нейтральность. Внимание именно к корейскому языку усиливается вдвойне его нахождением на пересечении грамматической нейтральности рода и глубокой социокультурной маркированности, которые создает основу для предположения о том, что, не имея возможности проявиться в структуре слова, семантика женскости в корейском языке должна находить объективацию на иных, не грамматических, уровнях языка.

Материалом для проведения намеченного анализа послужил исследовательский корпус, сформированный на базе текстов, относящихся к двум видам дискурса – традиционному сказочному дискурсу и современному медиадискурсу. Обращение в ходе формирования исследовательского корпуса к столь разным видам дискурса неслучайно. Оно обусловлено стремлением проследить как традиционные, так и современные тенденции в отражении семантики феминности в корейском языке. Общий объем анализируемого материала составил 70 текстов различных жанров – корейские сказки, корейские шоу, фильмы и их фильмонимы, тексты корейских песен, – из которых методом сплошной выборки было отобрано 100 лексических единиц, репрезентирующих лиц женского пола.

Семантический анализ сформированного исследовательского корпуса позволил выявить ряд лингвистических механизмов передачи семантики женскости в грамматически гендерно нейтральном корейском языке.

Наиболее активно применяющимся механизмом является *использование специальных лексических единиц*, предназначенных для наименования лиц исключительно женского пола: 여성 ‘женщина’, 여자 ‘женщина/ девушка’, 숙녀 ‘дама’, 아가씨 ‘девушка, барышня’, 소녀 ‘девушка-подросток’. Необходимо заметить, что приведенные лексические единицы функционируют не только в качестве денотативных ярлыков, но и как сложные семиотические коды. Их употребление строго обусловлено контекстом, различается по стилистической окраске и несет мощную коннотативную нагрузку, автоматически сообщая информацию о возрасте референта, его предполагаемом социальном статусе, брачном положении и ожидаемых обществом моральных качествах. Так, лексическая единица 여성 ‘женщина’ является формальным термином, в то время как лексическая единица 여자 ‘женщина/ девушка’ имеет более нейтральный оттенок и употребляется в речи значительно чаще. Лексическая единица 숙녀 ‘дама’ рассматривается как стилистически возвышенная и используется исключительно для обращения к женщине из высшего общества, а лексическая единица 소녀 ‘девушка-подросток’ благодаря использованию в составе названия музыкальной группы Girls Generation (кор. **소녀**시대) стала культурной идиомой, символизирующей юность и чистоту.

Наиболее гендерно дифференцированной в лексической системе корейского языка является сфера терминов родства, отражающая патриархальные иерархические структуры корейского общества, например, 어머니 ‘мать’, 딸 ‘дочь’, 할머니 ‘бабушка’, 이모 ‘тетя со стороны матери’ и 고모 ‘тетя со стороны отца’. Достаточно широким кругом значений обладает уже упомянутая ранее лексическая единица 아가씨 ‘девушка’: 1) младшая сестра мужа (независимо от ее семейного положения); 2) молодая незамужняя женщина; 3) незамужняя женщина из дворянского сословия.

Необходимо отметить значительное внимание к гендерным аспектам в титулатуре корейской монархии: 왕비 ‘супруга короля’, 왕비님 ‘королева’, 후궁 ‘наложница’ (дословно ‘второстепенная жена’), 공주님 ‘принцесса’, 여왕모 ‘королева-матерь’ и пр.

Вторым, выявленным на материале исследовательского корпуса, механизмом отражения феминной семантики выступает *использование местоимений*. Так, например, лексическая единица 학생 может означать как ‘ученика’, так и ‘ученицу’. Определение половой принадлежности референта определяется ее сочетанием с местоимениями – исторически не имеющим

грамматического рода местоимением 그 ‘он, тот’ для указания на референта мужского пола и относительно недавно заимствованным из японского языка местоимением 그녀 ‘она’ для референта женского пола.

Третьим механизмом передачи семантики женскости средствами корейского языка является *использование системы частиц и обращений*. Чаще всего в корейском языке используют гендерно нейтральные обращения и частицы. Одним из наиболее используемых обращений является гендерно нейтральное 씨, которое в зависимости от контекста интерпретируется как ‘господин’ либо ‘госпожа’. Таким же гендерно нейтральным является обращение 님 ‘мистер’, ‘мисс’, которое используется для выражения сильного уважения к человеку-профессионалу независимо от его половой принадлежности, например, 선생**님** ‘учитель’. Вместе с тем, в современном корейском языке существуют снижающие гендерную нейтральность хонорифики, к которые представляют собой систему специальных обращений. Они изменяются в зависимости от статуса, пола и социального положения референта и являются прагматическими правилами иерархической коммуникации. Так, например, женщины обращаются к старшим братьям 오빠 ‘старший брат’, а к старшим сестрам – 언니 ‘старшая сестра’; мужчины же используют по отношению к старшим братьям обращение 형 ‘старший брат’, а к старшим сестрам – 누나 ‘старшая сестра’.

Осуществленный анализ отобранного материала позволил выделить в качестве четвертого механизма передачи семантики женскости в корейском языке *использование словообразовательных префиксов со значением принадлежности к женскому полу*. Необходимо констатировать, однако, что для создания гендерно-маркированных композитов от гендерно-нейтральных единиц в корейском языке используются исключительно заимствованные словообразовательные средства, например, китайский префикс 여 ‘женский’. Важно отметить, что данный префикс не только образует женские корреляты, такие как, например, **여**신 ‘Богиня’, где 신 – это ‘Бог/Дух’, а 여 – ‘женский’, но и производит сдвиг значения, наделяя исходно нейтральное или мужское понятие специфически «женскими» культурными коннотациями.

Помимо применения заимствованных словообразовательных префиксов в исследовательском корпусе зафиксировано достаточно активное *использование лексики, заимствованной из других языков*. Например, лексическая единица 레디 ‘леди’ (от англ. *lady* ‘леди’) употребляется для описания женщин, обладающих утонченным стилем и манерами. Растущее внимание к моде и стилю жизни женщин в Корее способствовало популяризации этого слова, которое стало символом современного образа жизни, элегантности и

женственности. В разговорной речи часто используется лексическая единица 걸 ‘молодая женщина, девушка’ (от англ. *girl* ‘девочка’), которая стала частью молодежного сленга и подчеркивает неформальность общения между собеседниками. С целью акцентирования серьезности и значимости женской идентичности в современном обществе в текстах официального и научного стилей, посвященных вопросам прав женщин и гендерного равенства, активно применяется лексическая единица 우먼 ‘женщина’, которая является прямым заимствованиям от англ. *woman* ‘женщина’. Заимствованная от англ. *queen* ‘королева’ лексическая единица 퀸 ‘королева’ стала символом силы и влияния женщин в корейском обществе; она ассоциируется с успешными и уверенными в себе женщинами и отражает современные идеалы женской силы. В официальных контекстах, таких как деловые встречи и мероприятия, часто встречается заимствованная лексическая единица 미스 ‘мисс’ (от англ. *miss* ‘мисс’), которая используется как форма обращения, подчеркивающая уважение к собеседнице.

Осуществленный анализ сформированного исследовательского корпуса в аспекте отражения семантики феминности в гендерно нейтральном корейском языке позволил получить следующие результаты:

1) на примере грамматически гендерно-нейтрального корейского языка выявлена и систематизирована система лингвистических механизмов отражения семантики феминности на лексическом, прагматическом и морфологическом уровнях. На лексическом уровне таковыми выступают

а) использование *специальных лексических единиц*, предназначенных для наименования лиц исключительно женского пола: 숙녀 ‘дама’, 여성 ‘женщина’, 여자 ‘девушка’,소녀 ‘девушка-подросток’; термины родства: 어머니 ‘мать’, 딸 ‘дочь’, 할머니 ‘бабушка’, 이모 ‘тетя со стороны матери’, 고모 ‘тетя со стороны отца’; титулы корейской монархии: 왕비 ‘супруга короля’, 왕비님 ‘королева’, 후궁 ‘наложница’, 공주님 ‘принцесса’, 여왕모 ‘королева-матерь’;

б) использование *заимствованных* из других языков *лексических единиц:* 레디 ‘леди’ от англ. *lady* ‘леди’, 걸 ‘молодая женщина, девушка’ от англ. *girl* ‘девочка’, 우먼 ‘женщина’ от англ. *woman* ‘женщина’, 퀸 ‘королева’ от англ. *queen* ‘королева’, 미스 ‘мисс’ от англ. *miss* ‘мисс’, которые, привнося новые, более эгалитарные коннотации, отражают актуальные социальные стереотипы и изменения;

в) использование *гендерно маркированного местоимения* 그녀 ‘она’, заимствованного из японского языка.

На прагматическом уровне активно используется *система частиц и обращений*. Среди них особое место занимают хонорифики: 오빠 ‘старший брат’, 언니 ‘старшая сестра’, используемые исключительно женщинами, а также 형 ‘старший брат’, 누나 ‘старшая сестра’, употребляемые мужчинами. Посредством подобных обращений корейский язык воспроизводит глубоко укорененные патриархальные и иерархические структуры. В современном корейском обществе хонорифики функционируют в качестве прагматических императивов, выводящих гендерную и возрастную дифференциацию на первый план и жёстко регламентирующих коммуникативное поведение.

Несмотря на грамматическую гендерную нейтральность корейского языка влияние китайского языка обусловило возможность отражения феминной семантики на морфологическом уровне. Так, *заимствованный* из китайского языка *словообразовательный префикс* 여 ‘женский’ выступает активным инструментом семантической трансформации гендерно маркированных композитов в структуре корейского слова.

Таким образом, рассмотрение проблемы отражения семантики феминности в гендерно нейтральных языках на материале корейского языка позволило опровергнуть тезис о полной гендерной нейтральности. Доказано, что при отсутствии грамматической категории рода семантика феминности в гендерно нейтральных языках находит чёткую экспликацию за пределами структуры слова – на лексическом и прагматическом уровнях. Использование специализированных лексем, системы обращений, ряда заимствованных слов и словообразовательных средств позволяет акцентировать социальные иерархии и гендерные роли в обществе и обозначить пол референта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Феминитивы // Словарь гендерных терминов. – URL: https://a–z–gender.net/feminitivy.html (дата обращения: 06.02.2026).

2. *Хачак, Б. М.* Система функциональных проявлений полоролевых различий в языке / Б. М. Хачак // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2013. – Вып. 2. – С. 112–117.

УДК 811.174

Лыкова Татьяна Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и переводоведения
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация
likovata@mgpu.ru

Малыгина Елена Валерьевна
старший преподаватель
кафедры языкознания и переводоведения
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация
maliginaev@mgpu.ru

Tatiana Likova
PhD in Education, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies
Moscow City Pedagogical University,
Moscow,
Russian Federation
likovata@mgpu.ru

Elena Malygina
Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies
Moscow City Pedagogical University,
Moscow,
Russian Federation
maliginaev@mgpu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ СТУДЕНТЗОВ-ВОСТОКОВЕДОВ С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

IMPLEMENTATION OF PERSONALIZATION PRINCIPLES IN TEACHING ENGLISH TO ORIENTAL STUDIES STUDENTS THROUGH GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Статья посвящена подготовке востоковедов, владеющих английским для международного сотрудничества. Обоснована необходимость отказа от унифицированных программ, игнорирующих языковую интерференцию и профильные потребности студентов. Цель — разработка технологии адаптивного формирования индивидуальных траекторий обучения английскому языку на основе генеративного ИИ. Представлены алгоритм диагностики компетенций, генерации материалов и оценки эффективности.

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект; персонализация обучения; индивидуальная образовательная траектория; востоковедение; интерференция; английский язык; адаптивные технологии.*

The article focuses on teaching English to students of Oriental studies for international cooperation. It substantiates the need to move away from standardized programs that ignore language interference and specialized need of students. The goal is to develop technology for an adaptive formation of individual English language learning trajectories based on generative AI. An algorithm for diagnosing competencies, generating materials, and assessing effectiveness is presented.

Key words: *generative artificial intelligence; learning personalization; individual educational trajectory; Oriental studies; interference; English language; adaptive technologies*.

Актуальность данного исследования определяется острой необходимостью подготовки высококвалифицированных востоковедов, свободно владеющих английским языком для эффективного международного сотрудничества. В современном мире, где глобализация и межкультурная коммуникация играют ключевую роль, востоковеды должны не только обладать глубокими знаниями о странах изучаемого региона, но и быть способными выступать в роли посредников между культурами, используя английский язык как lingua franca.

Генеративный искусственный интеллект открывает новые возможности для создания адаптивных образовательных решений, способных персонализировать процесс обучения с учетом уникальных потребностей учащихся. Игнорирование этого феномена, а также отсутствие достаточного профессионально-ориентированного контента в области востоковедения негативно сказывается на мотивации и результатах обучения, создавая существенные препятствия для формирования необходимых языковых компетенций у будущих специалистов [1].

Целью данной работы является разработка технологии адаптивного формирования индивидуальных образовательных траекторий по английскому языку для студентов-востоковедов. Эта технология основана на использовании возможностей генеративного искусственного интеллекта для динамического создания персонализированных учебных материалов, учитывающих лингвистические особенности первого языка учащихся и их академические потребности в сфере востоковедения.

Для достижения поставленной цели определены следующие исследовательские задачи:

1. Анализ лингводидактических особенностей освоения английского языка в контексте различных языковых пар (китайско-английской и корейско-английской).

2. Проектирование алгоритма работы генеративного ИИ для создания персонализированных заданий, учитывающих интерференцию и профильные потребности.

3. Разработка критериев оценки эффективности предложенного подхода в сравнении с традиционными методами обучения.

Грамматические структуры восточных языков провоцируют системные ошибки при построении английских предложений. Например, отсутствие развитой системы времен в китайском языке или иной порядок слов в корейском (SOV против SVO) приводит к нарушению норм английской грамматики. На основании этих наблюдений можно сделать вывод: ошибки студентов не случайны, а системны. Они напрямую выводятся из структуры основного языка обучающегося. Для студентов, изучающих китайский язык, типичными

проблемными зонами являются артикли, времена глаголов, окончания и предлоги. Для студентов, изучающих корейский, — порядок слов, артикли, сложные временные формы и вопросительные конструкции [2].

Под влиянием одних языковых уровней происходит нарушение норм другой языковой структуры. Причиной возникновения интерференции является тот факт, что человек строит свою речь по нормам родного языка или первого иностранного языка и устанавливает между отдельными языковыми фактами второго иностранного языка несвойственные связи и отношения. Научные исследования показывают, что проблемы мультилингвального обучения охватывают все уровни (фонетический, лексический, грамматический, орфографический) и в целом влияют на продуктивную и рецептивную речевую деятельность [3].

Таким образом, эффективная методика должна не просто исправлять ошибки, а противостоять интерференции через целевые упражнения, которые ставят во главу угла именно эти «проблемные» структуры.

Студенты-востоковеды сталкиваются с необходимостью освоения специализированной терминологии в таких областях, как историография и культурология. Формирование предметного словарного запаса требует целенаправленных усилий из-за специфики академического дискурса. Особую сложность представляют термины, связанные с традиционными институтами и культурными феноменами восточных обществ, которые существенно отличаются от общеупотребительной лексики и общего академического английского.

Синтаксические конструкции академических текстов создают дополнительные трудности для профессиональной коммуникации востоковедов. Пассивный залог и номинализация широко распространены в научных публикациях по востоковедению. Эти грамматические явления часто отсутствуют в восточных языках или функционируют по иным правилам, что приводит к сложностям при декодировании и продуцировании подобных структур [4].

Традиционные методики преподавания английского языка в многоязычных востоковедческих средах часто не учитывают специфику языковой интерференции, возникающей при взаимодействии различных восточных языков. Данные подходы преимущественно ориентированы на унифицированные программы, которые не адаптированы под индивидуальные лингвистические особенности студентов.

Индивидуализация обучения — это метод, ориентированный на учёт специфических образовательных нужд каждого студента. Он предполагает дифференцированный подход, при котором общие учебные цели остаются едиными для всех, но методы и темпы достижения этих целей адаптируются под нужды конкретных учащихся [5].

Персонализация обучения подразумевает полную адаптацию образовательной среды под каждого студента, включая гибкую постановку целей и выбор разнообразных стратегий. Оба подхода направлены на повышение эффективности образования, предоставляя гибкость и учитывая особенности каждого учащегося. Для успешного внедрения персонализированного обучения необходимы: персональные образовательные траектории, автоматизированные системы оценки и мониторинга успехов, активные формы обучения, поощряющие креативность и самоуправляемую деятельность [6].

В контексте создания дидактических материалов для изучения английского языка в востоковедении особое значение приобретают генеративные модели на основе архитектуры трансформеров. Эти модели, такие как GPT, способны генерировать связный и семантически насыщенный текст благодаря механизму внимания, который обрабатывает взаимосвязи между словами в предложении [7, 8].

Благодаря механизму внимания, модель не просто подбирает слова по частотности, а выстраивает сложные семантические сети. Связность обеспечивается логичным переходом от общего определения к философии, затем к истории и конкретным деталям. Насыщенность достигается за счет плотного использования терминов, поясняющих их определений, культурных и исторических отсылок и образных выражений, которые вместе создают многогранную и аутентичную картину [8].

Трансформеры представляют собой мощный инструмент для создания разнообразных учебных заданий, включая упражнения на лексику, грамматику и перевод. Создание учебного материала требует учета специфики лингводидактических задач и особенностей целевой аудитории. Модели должны адаптировать сложность и тематику материалов в соответствии с уровнем владения языком и предметными интересами студентов-востоковедов [9].

Разработанный алгоритм адаптивного формирования учебных траекторий начинается с многоуровневой диагностики языковых компетенций и предметных предпочтений обучающихся. На основе анализа данных о текущих и предыдущих результатах обучения создается персональная траектория и личностно ориентированные методические материалы.

1. Углубленное изучение профессиональной лексики (менеджмент, экономика, финансы).
2. Развитие навыков написания деловых документов: отчеты, бизнес-планы, презентации.
3. Совершенствование навыков публичных выступлений и ведения переговоров.
4. Освоение академического письма для написания курсовых и дипломных работ.
5. Анализ кейсов и специализированной литературы.

Потребности в обучении английскому языку (иностранный):

✓ Преодоление языкового барьера и развитие базовой разговорной практики.

✓ Освоение общеупотребительной лексики и грамматических конструкций.

✓ Понимание английской речи на слух в бытовых и простых профессиональных ситуациях.

✓ Чтение и понимание адаптированных статей по специальности.

✓ Написание электронных писем и простых деловых сообщений.

Этапы работы алгоритма

1. **Многоуровневая диагностика:**

По корейскому языку: система фиксирует высокие баллы в грамматике, но средние — в анализе сложных текстов и написании аргументированных эссе.

По английскому: тест определяет уровень A2 (Pre-Intermediate) с проблемами в употреблении времен Present Perfect/Past Simple и слабым активным словарным запасом.

2. Анализ больших данных:

Алгоритм анализирует успехи и проблемы сотен тысяч студентов с похожими профилями, выявляя наиболее эффективные стратегии обучения.

3. Формирование персональной траектории:

Для корейского языка:

Модуль 1: "Сложноподчиненные предложения в аналитических текстах"

Модуль 2: "Лексика современного финансового менеджмента"

Проект: подготовка презентации по кейсу "Стратегия развития компании"

Для английского языка:

Модуль 1: "Present Perfect vs. Past Simple в контексте описания опыта работы"

Модуль 2: "Базовые фразы для деловой переписки"

Тренажер: интерактивный диалог "Знакомство с иностранным коллегой"

Преимущества алгоритмического подхода

Почему преподавателю сложно учесть все факторы вручную:

Объем данных: преподаватель физически не может проанализировать тысячи профилей для поиска оптимального пути.

Время на подготовку: создание индивидуальных материалов для каждого студента по двум языкам требует колоссальных временных затрат.

Объективность диагностики: алгоритм опирается на десятки параметров, исключая субъективность оценки.

Масштабируемость: алгоритм может одновременно вести тысячи индивидуальных траекторий.

Динамическая адаптация: система мгновенно реагирует на прогресс студента, усложняя или упрощая задания.

Алгоритм берет на себя роль цифрового ассистента, обрабатывающего данные, ставящего "диагноз" и предлагающего "план лечения". Задача

преподавателя смещается от "транслятора знаний" к роли тьютора, наставника и мотиватора.

Динамическая корректировка учебных материалов осуществляется на основе постоянного анализа прогресса обучающегося и специфики интерференции восточных языков. Система отслеживает изменения в уровне владения английским языком и выявляет устойчивые ошибки, вызванные влиянием основного восточного языка. На основе полученных данных генерируются персонализированные задания, направленные на преодоление выявленных трудностей.

В ходе обучения студентов бакалавриата по программам «Практический курс английского языка» (базовый уровень) и «Английский язык» (первый иностранный — китайский и корейский) использовалась вариативность в исполнении заданий как один из приемов персонализации.

В таблице представлены результаты адаптации материалов учебника к потребностям студентов-востоковедов с помощью решений DeepSeek и Gemini.ai.

Таблица

Результаты адаптации материалов учебника к потребностям студентов-востоковедов с помощью решений DeepSeek и Gemini.ai

№ п/п	Оригинал	Gemini.ai (адаптация)
1	Suggest as many arguments as possible to support the view that family is a core value.	Family Values. Brainstorm and list as many arguments as possible (in English) to support the view that family is a core value in Chinese culture. Focus on cultural concepts, social expectations, historical influences, or contemporary practices.
2	Suggest as many arguments as possible to support the view that family is a core value.	Brainstorm and elaborate on arguments supporting the view that the concept of Jeong (정) functions as a more powerful and essential social glue in modern South Korea than the concept of 'Friendship' or 'Loyalty' in most Western nations.

Алгоритм применения технологий ИИ

1. Определение коммуникативного задания для изучения материала.
2. Получение решений технологии ИИ по адаптации задания.

3. Анализ текста и оценка его качества, проверка наличия всех критически важных смысловых компонентов.

4. Выполнение задания студентами в соответствии со своими потребностями и предпочтениями.

Сравнение академических показателей основано на результатах эксперимента с применением генерации коммуникативных заданий с использованием ИИ среди студентов-востоковедов, изучающих китайский и корейский языки. В эксперименте приняли участие 28 студентов второго курса (китайский язык) и 35 студентов третьего курса (корейский язык).

Средний балл по итоговому тестированию в экспериментальной группе (2024-2025) составил **82,2**, в контрольной группе (2023-2024) — **67,6**.

Скорость усвоения материала: сокращение времени на выполнение заданий в среднем на **15%**.

Качество выполнения грамматических упражнений: улучшение на **22%** по сравнению с традиционным обучением.

Уровень удовлетворенности образовательным процессом: **92%** в экспериментальной группе против **67%** в контрольной.

Показатель академической тревожности: снижение на **30%** при использовании персонализированных траекторий.

Ключевые метрики эффективности

Для объективной оценки эффективности адаптивных траекторий разработаны следующие метрики:

Скорость освоения материала: сравнение времени достижения учебных целей до и после внедрения адаптивной системы.

Точность выполнения заданий: динамика процента правильных ответов.

Уровень вовлеченности: метрики активности на платформе, completion rate заданий.

Глубина освоения контента: количество пройденных дополнительных материалов.

Индекс удовлетворенности: регулярные опросы по шкале NPS.

Использование ИИ для анализа учебных данных позволяет глубоко понять потребности каждого студента, точно определить сильные и слабые стороны обучающихся и адаптировать учебные материалы для максимальной эффективности [3, 10].

Проведенное исследование подтверждает актуальность проблемы неэффективности унифицированных программ обучения английскому языку в многоязычной среде востоковедения. Игнорирование специфики интерференции с восточными языками, а также профильных академических потребностей студентов, приводит к значительным трудностям в освоении языка.

Исследование доказало принципиальную возможность и практическую реализуемость применения генеративного искусственного интеллекта для

создания динамических персонализированных образовательных траекторий. Разработанный алгоритм позволяет адаптировать учебные материалы с учетом лингвистических особенностей родного языка студента, текущего уровня владения английским и специфики востоковедческих дисциплин.

Эмпирические данные установили статистически значимое превосходство предложенного подхода над традиционными методами обучения по ключевым метрикам, включая скорость языкового прогресса, уровень мотивации и освоение профильной лексики.

Интеграция генеративного искусственного интеллекта в учебные планы востоковедческих программ открывает перспективы создания адаптивных многоязычных образовательных сред. Внедрение таких систем соответствует современным требованиям к образованию и выступает ключевым драйвером модернизации образовательных процессов в глобальном контексте [1, 11].

Обозначены перспективы масштабирования разработанной методологии на другие языковые пары и дисциплины в рамках востоковедческого образования. Дальнейшая работа необходима в области этических аспектов применения ИИ и оптимизации алгоритмов обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лыкова, Т.А., Малыгина Е.В.* Особенности входящего контроля и выпускного экзамена при обучении студентов высших учебных заведений, изучающих английский как второй иностранный язык // Мир педагогики и психологии. — 2024. — № 9 (98). — С. 103–110.
2. *Казанцева, О.Г.* Персонализированное обучение студентов: результаты эмпирического исследования // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V международной научно-практической конференции. — М., 2024. — С. 116–126.
3. *Тарева, Е.Г., Тивьяева И.В.* Трансформация лингводидактики: как искусственный интеллект формирует лингвообразовательные приоритеты. — М.: Издательство Интеллект-Центр, 2024. — 7 с.
4. *Гурова, Е.В., Крушанова Р.Р., Кузнецова И.В.* Искусственный интеллект в образовании: аспекты внедрения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — 2024. — №12. — С. 69–72.
5. *Роберт, И.В.* Реализация возможностей искусственного интеллекта в образовании // Пространство педагогических исследований. — 2024. — №1. — С. 60–75.
6. *Холикулова, Ю.Ш., Тураева К., Джалилова Ш.* Инновационная и традиционная методика обучения русскому языку // "PEDAGOGS" international research journal. — 2024. — №2. — С. 88–90.

7. *Поспелова, Е.А., Отоцкий П.Л., Горлачева Е.Н. и др.* Генеративный искусственный интеллект в образовании: текущие тенденции и перспективы // Профессиональное образование и рынок труда. — 2024. — №3. — С. 6–21.

8. *Леонтьева, Н.И.* Интерференция при изучении второго иностранного языка // Альманах современной науки и образования. — 2009. — №4. — С. 109–111.

9. *Плаксин, М.А.* Что обычный человек должен понимать в работе генеративного искусственного интеллекта? // Информатика в школе. — 2024. — №4. — С. 44–57.

10. *Малышев, И.О.* Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2024. — С. 168–171.

11. *Духно, А.В.* Нейросетевые технологии как средство персонализации на уроках английского языка // Мир педагогики и психологии. — 2025. — №8. — С. 109–109.

УДК 81'255.4:615.1

Мороз Евгений Леонидович
старший преподаватель кафедры современных технологий перевода
Белорусский государственный университет иностранных языков, г. Минск, Беларусь
mail4maroz@yandex.by

Yauheni Maroz
Senior Lecturer, Department of Modern Translation Techniques
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
mail4maroz@yandex.by

Горупич Екатерина Александровна
студент факультета межкультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет иностранных языков, г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Harupich
Student, School of Intercultural Communication
Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus

ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

INTRALINGUAL TRANSLATION AS A TOOL FOR ENHANCING INFORMATION ACCESSIBILITY (A CASE STUDY OF PHARMACEUTICAL DISCOURSE)

В статье рассматривается феномен внутриязыкового перевода как ключевого инструмента преодоления коммуникативного разрыва между медицинским экспертом и пациентом. На основе анализа теоретических концепций Р. Якобсона и В. Н. Комиссарова раскрывается природа адаптивного транскодирования в пределах одного языка. Основное внимание уделяется практической реализации принципов «простого» языка применительно к высокоспециализированным фармацевтическим текстам. На примере авторской адаптации инструкции к лекарственному препарату демонстрируются конкретные приемы лексических, синтаксических и прагматических трансформаций текста, направленные на повышение доступности социально значимой информации. Полученные результаты верифицируются с помочью лингвостатистических методик.

Ключевые слова: *внутриязыковой перевод, простой язык, адаптация, фармацевтический дискурс.*

The article examines the phenomenon of intralingual translation as a key instrument for bridging the communicative gap between medical experts and patients. Drawing on the theoretical frameworks of R. Jakobson and V. N. Komissarov, the paper explores the nature of adaptive transcoding within a single language. Primary focus is placed on the practical implementation of “Plain Language” principles as applied to highly specialised pharmaceutical texts. Through a proprietary adaptation of a drug information leaflet, the authors demonstrate specific lexical,

syntactic, and pragmatic transformations aimed at increasing the accessibility of socially significant information. The findings are verified using linguostatistic metrics.

K e y w o r d s : *intralingual translation, plain language, adaptation, pharmaceutical discourse.*

В современном информационном обществе обеспечение доступности специализированных знаний становится не только технической, но и социальной задачей. Уровень образования адресата, насыщенность текстов узкопрофессиональной терминологией и специфический синтаксис могут создавать барьеры для точного понимания информации, что особенно критично в социально значимых сферах, в частности, в медицине. Причем, это актуально как для передачи информации с одного языка на другой, так и в рамках одного языка. Внутриязыковой перевод в этом контексте рассматривается не как механическое упрощение, а как специализированная лингвистическая процедура, направленная на оптимизацию коммуникации.

Концептуальное осмысление внутриязыкового перевода как самостоятельного типа интерпретации текста было заложено Р. О. Якобсоном в середине XX века. Согласно его подходу, внутриязыковой перевод – это интерпретация вербальных знаков с помощью иных знаков того же языка [1, с. 114]. Эта процедура может включать как перефразирование речи для неспециалистов, так и, к примеру, адаптацию старых текстов для современных читателей. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах В. Н. Комиссарова, который противопоставил непосредственно переводу «адаптивное транскодирование». В его трактовке это процесс, при котором происходит не просто замена слов, а существенная переработка исходного текста. Итог работы не предназначен для полноценной замены оригинала, но определяется особой задачей коммуникации [2, с. 48]. Важнейшим этическим критерием успешности такой адаптации является принцип «равной позиции», при котором переводчик осознанно отказывается от пресуппозиции о тождественности фоновых знаний автора и читателя. В медицинском контексте это означает переход к пациентоориентированному дискурсу.

В современной переводческой практике выделяются и реализуются две основные стратегии такой адаптации: перевод на «простой язык» (англ. Plain Language) – лингвистическое упрощение для широкой аудитории, целью которого является понятность текста с первого прочтения при сохранении профессиональной терминологии там, где это необходимо; и перевод на «ясный язык» (англ. Easy Language) – более глубокая, инклюзивная форма адаптации для лиц с особыми потребностями (когнитивные нарушения, дислексия, мигранты). Он следует строгим стандартам: предложения в 5-10 слов, обязательные пиктограммы и отказ от любых абстракций [3; 4].

Фармацевтический дискурс, представленный для широкой публики неспециалистов, в частности, инструкциями по применению препаратов,

является сложным для восприятия. Такие тексты, обычно подготовленные специалистами для неспециалистов, потенциально обладают рядом признаков, создающих коммуникативный разрыв, т.е. ситуацию, когда «коммуникация остается «неуспешной» и содержит в себе актуальное непонимание» [5, с. 23]. Среди потенциальных барьеров восприятия можно выделить:

лексические, вызванные обилием слов латинского происхождения, химических формул и терминов (например, «аминофенилмасляная кислота», «гепатотоксичность»);

синтаксические, представленные сложными распространенными предложениями с большим количеством причастных оборотов и страдательным залогом;

стилистические, когда безличный, отстраненный тон повествования создает дистанцию и не дает пациенту четкого алгоритма действий.

Проанализируем возможности повышения доступности фармацевтической информации посредством внутриязыкового перевода официальной инструкции по применению медицинского препарата «Фенибут» [6]. Процесс адаптации затрагивает все уровни текста.

Лексические трансформации и детерминологизация.

Основной задачей при работе на лексическом уровне становится замена узкоспециальных названий диагнозов описанием симптомов, понятных человеку без медицинского образования:

термин *астенические состояния* был преобразован в список: *сильная усталость, слабость;*

термин *кинетозы* заменен функциональным описанием *«укачивание (в машине, самолете, на корабле);*

понятие *гиперчувствительность* адаптировано в более доступный пониманию термин *аллергия;*

сложные понятия, такие как *энурез*, были снабжены бытовым пояснением в скобках – *ночное недержание мочи*.

Такая экспликация позволяет читателю определить свое состояние, не прибегая к помощи сторонних источников.

Трансформация научного нарратива (раздел «Фармакокинетика»).

Раздел о поведении препарата в организме в оригинале перегружен цифровыми данными и химическими терминами. Например: *В ткани головного мозга проникает около 0,1 % γ-амино-β-фенилмасляной кислоты от принятой дозы....* При переводе на простой язык этот фрагмент преобразуется в информативное сообщение: *Лекарство действует на головной мозг, но попадает туда в очень небольшом количестве*. Акцент смещается с механизма действия на конечный эффект, описанный более понятным языком.

Синтаксическая редукция и «активизация» текста.

Для медицинских текстов характерно использование пассивных конструкций типа *рекомендуется назначать меньшие дозы*. В адаптированном

варианте такие конструкцию преобразуются в активные, дополненные прямым обращением к адресату: *Если у вас язва желудка... необходимо проконсультироваться с врачом*.

Применяя принцип «одна идея – одно предложение», переводчик преобразует длинные инструкции в короткие, логически завершенные блоки. Как представляется, это существенно снижает когнитивную нагрузку на пациента. Например, описание способа применения *внутрь, после еды, не разжевывая* было трансформирован в нумерованный список, что визуально облегчает навигацию по тексту и его восприятие:

1. Всегда после еды.

2. Запивать водой.

3. Не разжевывать.

Прагматическая адаптация и введение визуальных акцентов.

Важнейшим инструментом ясного языка является выделение критически важной информации. В адаптированном тексте введены маркеры «ВАЖНО!», «ОСТОРОЖНО!», «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!». Особое внимание уделено разделу о пропущенной дозе приема препарата. Вместо формального запрета *Никогда не принимайте двойную дозу...*, текст дополнен позитивной инструкцией: *ВАЖНО! Если вы забыли принять таблетку, просто примите следующую по расписанию. Не принимайте две сразу!*. Таким образом, текст превращается в понятную инструкцию к действию.

При работе над прагматической адаптацией текста важно помнить, что процедура упрощения не должна приводить к семантическим искажениям. Существует риск создания «псевдоясного языка», когда текст формально прост за счет коротких фразы, но не передает сути из-за избыточного смыслового упрощения. Адаптация должна сопровождаться сохранением точности дозировок и четким указанием на необходимость врачебного контроля.

Для верификации полученных результатов применим статистический подход к определению уровня доступности информации текста. Основным инструментом анализа послужил индекс удобочитаемости Р. Флеша. Индекс учитывает длину предложений (в словах) и длину слов (в слогах) текста. Чем выше показатель индекса, тем проще текст для восприятия, от очень простого к очень сложному. Разработанный для английского языка, индекс был адаптирован для русского И. В. Оборневой [7, с. 93–97], поскольку средняя дина предложений в русском языке меньше, а средняя длина слов – больше. Расчет производился по формуле:

$$FRE\text{rus} = 206{,}835 - (1{,}52 \times ASL) - (65{,}14 \times ASW)$$

Где:

ASL (Average Sentence Length) – средняя длина предложения в словах;

ASW (Average Syllables per Word) – среднее количество слогов в слове.

Дополнительно использовался индекс «туманности», предложенный Р. Ганнингом (GFI) [8, с. 36–39]. Индекс показывает количество лет обучения,

необходимых для понимания текста с первого прочтения. Индекс базируется на оценке средней длины предложения и процента сложных слов, состоящих из трех и более слогов. С учетом морфологических особенностей русского порог «сложного» слова установлен на уровне четырех слогов. Кроме того, к тексту был применен коэффициент глагольности, отражающий динамичность изложения [9, с. 142–145] через соотношение глаголов к количеству существительных. Сводные данные лингвостатистического анализа представлены в таблицах 1 и 2 ниже.

Таблица 1

Сравнительные показатели сложности текстов

Параметр	**Оригинал**	**Адаптация**	**Изменение**
Средняя длина предложения (ASL)	11,49	6,46	-43,8%
Среднее количество слогов в слове (ASW)	3,20	2,22	-30,6%
Индекс Флеша (FRErus)	0,5	66,3	+65.8
Индекс Ганнинга (GFI)	18,5	6,1	-12,4

Таблица 2

Коэффициент динамичности (глагольности)

Параметр	**Оригинал**	**Адаптация**
Количество существительных	342	84
Количество глаголов	42	51
Коэффициент (V/N)	0,12	0,60

Первичный анализ показал, что оригинальная инструкция обладает очень высокой степенью сложности (FRErus ≈ 0,5). Согласно шкале интерпретации, такие значения характерны для специализированного научного дискурса. Высокий индекс Ганнинга (18,5) указывает на необходимость постдипломного образования для адекватного понимания текста.

В адаптированном варианте индекс Флеша повышается до 66,3, что соответствует стандарту простого языка (понятно подростку 13-15 лет). Рост коэффициента глагольности в 5 раз (с 0,12 до 0,60) свидетельствует о переходе от номинативного стиля к более активному, что важно для медицинских рекомендаций. Таким образом, статистические данные подтверждают, что использование техник перевода на простой язык позволяет перевести текст из

регистра научно-делового общения в регистр эффективной массовой коммуникации.

Внутриязыковой перевод в форме адаптивного транскодирования, таким образом, является не вспомогательной техникой, а полноценной социальной технологией. Исследование фармацевтического дискурса на примере инструкции к медицинскому препарату подтверждает, что системное применение методов лексической экспликации, синтаксической декомпозиции и структурного акцентирования позволяет преодолеть коммуникативные барьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jakobson, R*. On linguistic aspects of translation / R. Jakobson. // Translation Studies Reader. – Venuti, L. [Ed.] – London : Routledge, 1959/2000. – P. 113–118.

2. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

3. *Нечаева, Н. В*. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России / Н. В. Нечаева, К.-С. Хельмле, Э. М. Каирова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – №3. – С. 8–24. – DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.1.

4. *Нечаева, Н. В*. Перевод на ясный и / или простой языки как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков / Н. В. Нечаева, К.-С. Хельмле, Э. М. Каирова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 99–108. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.9.

5. *Сорокина, М. А.* Коммуникационные разрывы в публичной научной коммуникации: стратегии преодоления или включения / М. А. Сорокина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2025. – №. 3. – С. 21–35. – DOI:10.35231/18186653_2025_3_21.

6. *Фенибут* – Инструкция по применению // АСНА. – URL: https://www.asna.ru/product/fenibut/ (дата обращения: 17.02.2026).

7. *Оборнева, И. В.* Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Оборнева Ирина Владимировна. – Москва, 2005. – 165 с.

8. *Gunning, R.* The Technique of Clear Writing / R. Gunning. – New York : McGraw-Hill, 1952. – 289 p.

9. *Солганик, Г. Я.* Стилистика текста : учебное пособие / Г. Я. Солганик. – 10-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 256 с.

УДК 81'42:316.77

Мосягина Мария Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент, доцент кафедры
английской филологии
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
mmashamos@yandex.ru

Maria Mosyagina
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
English Philology
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia
mmashamos@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

LINGUISTIC MECHANISMS OF MEDIA REPRESENTATION OF VALUES IN THE CONTEXT OF IDENTITY PRESERVATION

Статья посвящена анализу лингвистических механизмов, посредством которых англоязычные медиатексты репрезентируют ценности и участвуют в формировании коллективной идентичности. На основе материалов издания The Guardian выявляются языковые средства, обеспечивающие трансляцию и закрепление ценностных ориентиров в общественном сознании.

Ключевые слова: *медиадискурс; медиарепрезентация; ценности; идентичность; оценочная лексика; англоязычные СМИ; The Guardian.*

The article examines the linguistic mechanisms of media representation of values in English-language media discourse in the context of collective identity preservation. Evaluative, modal and pragmatic language means through which value meanings are constructed and reinforced in public consciousness are analysed. The research material includes texts from The Guardian.

Key words: *media discourse; media representation; values; identity; evaluative vocabulary; English-language media; The Guardian.*

В условиях глобализации и трансформации медиапространства проблема сохранения идентичности приобретает особую актуальность. Современные средства массовой информации выступают не только каналом передачи информации, но и важным механизмом формирования и трансляции ценностных ориентиров, обеспечивающих устойчивость коллективной идентичности. При этом, как отмечают исследователи, новые медиа являются «инновационным и крайне важным инструментом при определении культурной и политической идентичности» [1, с. 2], что обусловливает актуальность лингвистического анализа механизмов ценностной трансляции.

Медиарепрезентация ценностей представляет собой сложный дискурсивный процесс, в рамках которого ценностные смыслы конструируются, актуализируются и закрепляются в общественном сознании посредством языковых средств. Медиадискурс определяет содержание информационного пространства: состояние национальной культуры, систему ценностей, идеологию, языковую культуру [2, с. 206]. В англоязычном медиадискурсе данные процессы реализуются через систему оценочных, модальных и прагматических средств, позволяющих транслировать определенную модель идентичности как социально значимую и нормативную.

В современной лингвистике медиадискурс рассматривается как особая институциональная форма коммуникации, обладающая значительным потенциалом воздействия на общественное сознание. Медиадискурс представляет собой связный текст, «взятый в событийном аспекте как действие, участвующее в социокультурном взаимодействии и отражающее механизм сознания коммуникантов» [3, с. 292]. Средства массовой информации не только отражают социальную реальность, но и активно участвуют в ее интерпретации и символическом конструировании, закрепляя определенные ценностные ориентиры как социально значимые и нормативные.

Медиатекст всегда выступает в качестве канала передачи некой ценности, «которая предопределена социокультурной средой коммуникатора и во многом детерминируется его мировоззрением» [4, с. 135]. В этом контексте медиарепрезентация ценностей приобретает статус одного из ключевых механизмов сохранения коллективной идентичности. Примечательно, что ценностные ориентиры в современном обществе формируются и передаются через различные социальные институты – семью, систему образования, религию и средства массовой информации; при этом СМИ способны «не только воспроизводить существующие в обществе ценности, но и формировать новые» [5, с. 135].

Ценности в лингвистическом понимании выступают культурно обусловленными доминантами, которые задают критерии оценки социальной реальности и регулируют интерпретацию событий. Как отмечает В. И. Карасик, ценности формируют аксиологическое пространство культуры и находят свое выражение в языковых структурах, устойчивых дискурсивных моделях и повторяемых коммуникативных стратегиях [6, с. 166]. В медиадискурсе данные доминанты репрезентируются посредством оценочной лексики, модальности, метафорических моделей и стратегий категоризации, что позволяет транслировать определенную систему ценностей как общепринятую. При этом, как отмечает Е. В. Пикалова, использование оценочной лексики, представленной в современных СМИ, ориентировано на идеологические взгляды читателя и политическую направленность издания [7, с. 96].

Особую роль в данном процессе играет медиатекст как форма институционально организованного высказывания. По мнению Н. И. Клушиной,

медиатекст представляет собой пространство репрезентации социокультурных ценностей, в котором языковые средства выполняют не только информативную, но и интерпретативную функцию [8, с. 74]. Через регулярное воспроизводство одних и тех же ценностных смыслов медиатексты способствуют их закреплению в коллективном сознании и тем самым поддерживают устойчивость идентичности. В медиатексте находит выражение свойственная автору как языковой личности система духовных ценностей, «зафиксированная в языковых системах и обусловленная ментальными представлениями конкретной национальной общности» [9, с. 73].

Связь медиарепрезентации ценностей с сохранением идентичности проявляется также в идеологическом измерении медиадискурса. Медиадискурс неизбежно отражает ценностные установки социальных групп и институтов, формируя определенную картину мира и иерархию значимых смыслов. В результате ценности, транслируемые средствами массовой информации, начинают функционировать как маркеры принадлежности к символическому «мы», противопоставляемому альтернативным или конкурирующим системам ценностей. Идентичность подвержена зависимости от пути исторического развития, но реализуется в современности. Также идентичность как результат отождествления обусловлена категориями «свой» – «чужой», в лингвистическом аспекте это может выражаться в противопоставлении «мы» – «они» [10, с. 37]. В этом отношении показательно замечание А. М. Олешковой: идентичность оказывается множественной и динамичной, что позволяет говорить о проблеме десубъективации социального агента в условиях децентрированной коммуникационной сети и конфликтующих типов репрезентации социокультурного пространства [11, с. 14].

Важным аспектом медиарепрезентации ценностей является ее влияние на процессы формирования и поддержания общественного сознания. Язык СМИ, обладая высокой степенью тиражируемости и авторитетности, способствует нормализации определенных ценностных установок и моделей идентичности, представляя их как естественные и самоочевидные. Идеологическая модальность отражает ценностно-мировоззренческую направленность текста, выявляя оценочные отношения, складывающиеся под влиянием определенных политических и идеологических позиций [12, с. 329]. Таким образом, медиарепрезентация ценностей выступает не только средством трансляции культурных смыслов, но и инструментом их сохранения в условиях социокультурных трансформаций.

Медиарепрезентация ценностей может рассматриваться как дискурсивный механизм, посредством которого средства массовой информации не только транслируют социально значимые ценностные установки, но и обеспечивают воспроизводство устойчивых моделей идентичности. Теоретические положения, разработанные в рамках медиалингвистики, аксиологии и дискурс-анализа, позволяют утверждать, что ценности, закрепляемые в медиатексте, приобретают

нормативный характер и становятся ориентиром для интерпретации социальной реальности. В этой связи особый интерес представляет анализ конкретных медиатекстов, позволяющий выявить, каким образом данные абстрактные категории реализуются на уровне языковых средств. Для иллюстрации указанных положений в настоящем исследовании рассматриваются материалы англоязычного издания The Guardian [13], в дискурсе которого ценности инклюзивности, равенства и социальной справедливости последовательно репрезентируются и функционируют как средства сохранения коллективной идентичности.

В англоязычном медиадискурсе The Guardian выступает примером издания, которое не только отражает события, но и активно участвует в конструировании смыслов через репрезентацию ценностей. Этические ориентиры, такие как инклюзивность и уважение разнообразия, проявляются в редакционной политике издания и в языке, которым формулируются ключевые сообщения. В официальных публикациях редакция подчеркивает, что она ценит и уважает различия всех людей, независимо от их происхождения или других социальных характеристик. В утверждениях, фиксируемых на сайте, слова *values and respects all differences* функционируют не просто как декларация, но как лексическое обозначение ценностной позиции, призванной формировать у читателя ощущение, что уважение к многообразию является самоочевидным и нормативным. Таким образом, сама репрезентация инклюзивности становится маркером коллективной идентичности, который связывает аудиторию The Guardian с определенной системой ценностных ориентиров.

В статье на сайте The Guardian, посвященной корпоративной политике по вопросам разнообразия, редакция письменно фиксирует свою позицию: "Guardian values and respects all differences in all people seen and unseen." Здесь репрезентация ценности инклюзивности осуществляется через глагольный комплекс *values and respects*, который имеет явно положительную оценочную нагрузку. Оба глагола функционируют как оценочные маркеры, объединенные в параллельную конструкцию, усиливая значение уважения к разнообразию. Лексическая пара *values ... respects* не просто описывает факт, но придает этому действию нормативный характер: издание не только фиксирует факт различий, но поддерживает и уважает эти различия. Такая формулировка создает оценочную рамку, в которой ценность инклюзивности описана как самоочевидная и нормативная.

Еще один пример – заголовок "It legitimizes us the minority businesses still fighting for recognition". В этом заголовке выделяется группа лиц, обозначенная как *minority businesses*, то есть представители меньшинств в сфере бизнеса. Глагол *fighting* здесь не нейтрален – он репрезентирует процесс как борьбу, что создает нарратив конфликтности и усиливает эмоциональный компонент. Такой язык репрезентации не просто описывает факт, но представляет социальную группу как активного участника борьбы за равные права, что в медиадискурсе

работает как маркер ценности социальной справедливости. Аналитически это типичный пример того, как через семантическое поле борьбы и легитимации формируется потребность в признании и равенстве, что затем включается в модель коллективной идентичности.

В другом материале The Guardian, посвященном вопросу гендерного неравенства, заголовок "Stark displays of sexism driving women out of architecture" репрезентирует ценность равенства и указывает на структурную несправедливость. Здесь ключевым является выражение *driving women out*. Глагол *driving* в сочетании с дополнением *women out* создает образ активного вытеснения, что усиливает негативный оттенок ситуации. Такая лексика делает явным конфликт между нормой (равенством) и фактом (дискриминацией), что в медиадискурсе побуждает читателя осознать ценностный разрыв и, соответственно, принять позицию, в которой равенство становится социальной нормой и частью коллективной идентичности.

Еще один пример ценностной репрезентации представлен в публикации, посвященной назначению нового редактора по вопросам разнообразия, равенства и инклюзивности. В данном тексте последовательно употребляются выражения *advancing equity* и *promoting inclusion*.

Термины *equity* и *inclusion* выступают в роли лексических маркеров ценностных ориентаций и характеризуют не только тему текста, но и оценочную позицию издания, предполагающую активное продвижение этих ценностей. Синтаксически такие маркеры чаще всего встречаются в контекстах с модальными глаголами или конструкциями, выражающими обязательность или намерение, что усиливает прагматическую функцию текста – не просто сообщить, но побудить к действию.

В репрезентации ценностей используются различные лингвистические стратегии, включая оценочную лексику, метафорические образы и модальные конструкции, которые выражают степень необходимости или ожидания. Данные языковые средства создают оценочные и нормативные рамки, в которых ценности представлены не как абстрактные категории, а как социальные ориентиры, значимые для идентичности аудитории.

Аналитически это означает, что медиарепрезентация ценностей в The Guardian выполняет функцию конструирования идентичности. Фиксация инклюзивности как нормы, репрезентация справедливости как обязательной социальной позиции и подчеркивание участия как ценности коллективной ответственности создают когнитивные схемы, в которых читатель начинает воспринимать эти ценности как неотъемлемую часть социальной картины мира. В результате аудитория не просто получает информацию, но включается в систему оценочных ориентиров, которые способствуют формированию и сохранению определенной коллективной идентичности.

Рассмотренные примеры из англоязычного медиадискурса The Guardian демонстрируют, что репрезентация ценностей осуществляется не эпизодически,

а системно, через повторяемые лингвистические и дискурсивные механизмы. Оценочная лексика, модальные конструкции и метафорические модели формируют устойчивые интерпретационные рамки, в которых ценности инклюзивности, равенства и социальной справедливости закрепляются как нормативные ориентиры. За счет регулярного воспроизводства таких языковых форм медиатексты создают эффект естественности и общезначимости транслируемых ценностей, что способствует их включению в когнитивную структуру коллективного сознания аудитории. В результате медиарепрезентация ценностей в The Guardian функционирует как средство сохранения идентичности, обеспечивая преемственность ценностных установок в условиях социальной и культурной изменчивости. Через дискурсивное нормирование ценностей медиа поддерживает ощущение принадлежности к определенному сообществу, объединенному общими этическими и социальными ориентирами. Таким образом, анализ англоязычного медиадискурса подтверждает, что ценности, репрезентируемые в медиатексте, выступают не только объектом интерпретации, но и инструментом формирования и поддержания устойчивых моделей идентичности, что определяет их ключевую роль в современной медиакоммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян, Э. Г.* Новые медиа как субъект политической коммуникации / Э. Г. Арутюнян, А. В. Байчик, И. Н. Блохин, Д. В. Петросян // Litera. – 2024. – №7. – С. 1–11.
2. *Сычев, Е. В.* Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения / Е. В. Сычев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 205–211.
3. *Желтухина, М. Р.* Медиадискурс / М. Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 292–296.
4. *Андреева, А. В.* Ценностный анализ медиатекстов Тверского района / А. В. Андреева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 2. – С. 134–138.
5. *Клеменова, Е. Н.* Репрезентация традиционной системы ценностей в региональных литературных журналах / Е. Н. Клеменова, А. В. Муха // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 1 (55). – С. 133–141.
6. *Карасик, В. И.* Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
7. *Пикалова, Е. В.* Функции оценочной лексики в СМИ в современном английском языке / Е. В. Пикалова // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 93. – № 4. – С. 95–98.
8. *Клушина, Н. И.* Медиастилистика / Н. И. Клушина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 69–77.

9. *Ерофеева, И. В.* Концепт «Война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей / И. В. Ерофеева // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2015. – № 2 (61). – С. 72–82.

10. *Клюсова, П. С.* Медиарепрезентация образов этнической культуры как способ сохранения идентичности : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / П. С. Клюсова. – Екатеринбург, 2020. – 151 с.

11. *Олешкова, А. М.* Проблема репрезентации: постмодернизм, критическая теория и медиадискурс / А. М. Олешкова // Respublica Literaria. – 2023. – Т. 4. – № 4. – С. 14–27.

12. *Добросклонская, Т. Г.* Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика – 2015. – № 4. – С. 3–15.

13. *The Guardian* : [сайт]. – URL: https://www.theguardian.com (дата обращения: 01.02.2026).

УДК: 81

Недбайлик Сабина Рудольфовна
к.ф.н. доцент Петрозаводский государственный университет
г.Петрозаводск, Россия
snedbailik@mail.ru

Nedbailik Sabina
Ph.D in Philology, associate professor
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
snedbailik@mail.ru

Дмитриева Наталия Константиновна
к.п.н. доцент Петрозаводский государственный университет г. Петрозаводск, Россия
nataliadmitrie@yandex.ru

Dmitrieva Natalia
Ph.D in Education, associate professor
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
nataliadmitrie@yandex.ru

МАЛЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАК ГЕНОМ КОЛЛЕКТИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИТЕЛЛЕКТА (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

SMALL SATIRICAL FORMS AS A GENOME OF COLLECTIVE HUMAN INTELLIGENCE (DIACHRONIC ASPECTS)

Данная статья посвящена некоторым аспектам развития культуры юмористических и сатирических форм в западно- и восточноевропейской литературе. В этой связи авторы затрагивают основные тенденции эволюции анекдота и смежных жанров от античности до современности, акцентируя внимание на их специфике в российской культуре в сравнении с западной (французской) литературой. Результаты многоаспектного обзора теоретического материала дают полное основание утверждать, что анекдоты, а также смежные малые литературные формы (эпиграммы, шутки, афоризмы) можно рассматривать как геном коллективного человеческого интеллекта.

Ключевые слова*: малая форма; литература; направление; геном; развитие, жанр*

This article concerns some aspects of humorous and satirical small forms culture development in West and East European literature. In this connection the author touches upon the principal trends of anecdotes and adjacent genres evolution from Antiquity to New times, putting accent on their specific features in Russian culture in comparison to Western (French) literature. The results of multi-aspect review of theoretical material give full ground to state that anecdotes as well as adjacent small literary forms (epigrams, jokes, aphorisms) can be considered to be the genome of collective human intelligence.

Key words*: small form; literature; trend; genome; development; genre*

It is well known, that small literary satirical genres such as anecdotes, epigrams, fables, aphorisms, epitaphs, etc. have always been an object of high interest and numerous controversies. The deep connection between these genre varieties is quite obvious, since they have common genetic basis and similar compositional, structural

features. Thus, according to existing encyclopedic references, anecdotes are small prosaic satirical or didactic stories or jokes making fun of any specific person or an event. The main compositional features of anecdotes are recorded in the Dictionary of a famous Russian researcher N.F. Ostolopov (1821): "Two parts make up an anecdote, taken in its current meaning: one concludes a sentence of an object or a thing that produced the thought; the other one is a sharp phrase, together they can be called a knot or a denouement" [13, c.134]. Of course this definition can be also applied to an epigram which has been created as a small genre on the basis of anecdotic stories. Both present satirical utterances, witty and caustic, directed at a certain person or an event, but epigrammatic works mostly exist in a rimed, poetic form. So, it is just the lapidary nature of epigrams that allows them to maintain structural stability as a sign of the genre. This structure brings them closely to other related short satirical genres – epigrams and fables, aphorisms, parodies, proverbs, sayings, etc., which forms' variety is a necessary condition of the European prosaic (poetic) literature successful development [12, c.187]. Most often, it`s a "sharp thought" fit into several sentences.

The plot in all funny jokes, in particular, anecdotic ones, usually develops rather resiliently, sometimes being even compressed to the limit. Therefore, anecdotes together with epigrams are similar to proverbs and sayings, since for them condensation of the meaning into a short verbal formula is essential. The essence of an anecdote as a highly condensed thought or idea, framed in a laconic form and reflecting some important, meaningful events, problems, aspects of life, every day activity remains actually the same for centuries [14, c.156]. The topics of anecdotes cover not only family, love, friendship, but also political issues, what is quite natural. War conflicts, political, international events are inevitably reflected in the people`s witty thoughts and creative verbal activities. In general, most of the great or significant cultural events and socio-political changes accompanying different historical periods of humanity evolutional development have always found and will surely find their reflection in small literary genres [9, c.84]. That`s why we can surely name anecdotes as well as epigrams, aphorisms, fables, proverbs, sayings, parodies, etc. the condensed people`s witness or the genome of collective human intelligence. Of course anecdotes' specificity and thematic trends are greatly influenced by social-cultural context, historical, ethnic traditions, customs and particular features of national mentality.

The popularity of anecdotes and epigrams as their "smaller sisters" is facilitated by the intensive fictionalization of this small form, polished to a dazzling brilliance by the human brain and his immortal soul [4, c.128]. It has always been used as a tool of emotional discharge, generating impression and creating personal contacts. The humorous effect produced by an anecdote as a short joke is conditioned by the stylistic means of unexpected end, or failed expectations widely used in this genre. Anecdotes as well as other small forms vary significantly by their content and embrace a large scope of mood, involving humor, irony, satire, sarcasm and some mixed manifestations. Having originated in the era of antiquity, in the period of antique Greco-Roman traditions [1, c.145], anecdotes as well as epigrams endured

considerable modifications. It took them more than two and a half thousand years before finally taking the forms and manifestations that we are familiar with. One can suppose that small forms' evolution is genetically predetermined by ancient epitaphs which are considered to be the oldest "tools" provoking comic, humorous effect on people. The effect is also produced by laconic, condensed plots and non-standard (non)rimed forms. Besides, the language of anecdotes, dating back to pre-historic literary traditions, is credited to the famous fabulist Ezop [16, c.178] who is considered to be the creator both a rich fable heritage and a specific language full of alliterations, reminiscences, insinuations. The language was used mostly by the oppressed simple people, deprived of any other means of expressing their thoughts, challenges and wishes. Probably, this ancient literary and conceptual heritage has become widely used by Western and Eastern Europe authors who tried to apply it to their national heritage by adding to Ezop`s style and plots their individual elements, (nick)names, details, etc.

The ancient jokes containing condensed wisdom of several generations and transmitted orally from mouth to mouth gave birth to other satirical small forms, such as fables and epigrams. So, the early people`s funny, humorous stories fixed in memory and greatly varying in size, style, topics, etc. probably served as a platform on which most satirical genres were generated and developed for centuries [14, c. 198]. But if in the period of antiquity the only form of anecdotes was a short oral utterance, from the 15-th century and up to our time it exists mainly in a written form, preserved in various collections, including Internet ones. In fact, the so-called low small genres flourished magnificently in French literature, though it should be noted, that no less striking examples could be found in Polish literature. From here comes, by the way, the very name of extremely brief and bright works of a famous Polish writer Stanislaw Jezhi Letz (20-th century), whose sharp "phrashki" have become aphorisms, sentences, etc. [6, c.118]. In general, speaking of anecdotes and epigrams, we should always remember that it is impossible to isolate them in their pure form, completely separating them from parables, fables and parodies, pamphlets and feuilletons, as well as their folklore soil.

For the French poets of Renaissance, small satirical genres gradually ceased to be exclusively descriptive and moralistic. "Philosophical" thoughtfulness was certainly reinforced by their ironic attitude to life, to society, to themselves [8, c.149]. And already in the 16th century the "acute Gallic sense" so characteristic of the satirical literature of medieval France happily came into contact with ancient experience, which gave these small genres clarity, measure, completeness and certain elegance. These jokes have already ceased to be deliberately rude and obscene, as it carried a certain generalization and morality. Thus, critical notes on various aspects of human existence, acquiring universal generalization, retained the sharpness of the topical document. Of course, it didn't happen immediately: one had to "overcome not only the inertia of the ancient tradition with its abstract philosophizing and descriptiveness, but also the obsessive didacticism of medieval thinking" [10, c.154].

The appeal of Renaissance poets to the ancient forms was one of the symptoms of "classical antiquity revival". The writers and poets of that era were able, perhaps for the first time in the history of world culture, to overcome their class and estate division, any kind of limitation, and to realize the rights and power of a free human intellect and artistic word. They seemed to foresee the innate breadth and ideological emancipation of small satirical genres. In literature of this time one can come across pure imitations and even translations from ancient anthologies. The most frequent victim of the latter was Martial with his sharp political and everyday epigrams, exposing human vices and weaknesses, as well as playful epitaphs and auto-epitaphs [10]. The first true master of the Renaissance epigram was Clement Marot (1497-1544), although attempts of this kind were made by the French authors much earlier. Marot successfully combined ancient experience with specific local humor, which, among other things, has always been characterized by balancing on the edge of what is permitted and even almost obscene. The skill of Clement Marot, the author of a large cycle of anecdotes and epigrams (almost 300 miniatures), was grounded in the fact that "the poet never crossed this invisible line, never fell into either flat scoffing or rude greasiness" [8, c. 134].

The main formal features of small funny forms were defined in the 17th century, and their subject matters were also worked out. Three of their most characteristic features have been identified: laconism, topical satire, unexpected denouement. These miniatures are becoming an ironic genre and, as a result, a sharp weapon in literary disputes, social life, and political struggle. This capacity of small genres is already clearly recognized by others. For example, C.A. Montesquieu called them "small sharp arrows, inflicting deep and incurable wounds" [8, c. 132]. The paradox of these genres' development is characterized by the fact that earlier the authors of funny jokes, who wrote "for themselves" or for a few friends, kept publishing their works; later the works often remained handwritten and even oral for a long time. Nevertheless, the works instantly became known and enticing to the whole society, because they vividly responded to all events that worried the people. This is how small anecdotic and epigrammatic forms gradually became one of the most poignant and satirical commentaries in the history of the era [10, c.167].

As far as Russian small satirical literary forms are concerned, their basis was greatly prepared by the people`s actual folklore trends and genres, such as "chastushki", "poteshki", songs-jokes, as well as by sharp proverbs, sayings, etc. The elements of small anecdotic jokes appeared in Russia rather early and even in the form of condemns, dating back to the Byzantine tradition of accusatory speech [10, c.126]. Most anecdotes of that time, as a rule, ridiculed idolatry, witchcraft, ritual dances preserved from the pre-Christian faith. The most often targeted among human vices were drunkenness, love of gold, slander, malice, lies and fornication. In the Baroque era, the socio-historical setting for elegant satire also matured. Foreign anecdotes, fables, jokes, were translated into Russian, domestic wits mastered a new form and style. The personal principle, unknown to the literature of the Russian Middle Ages,

prompted the development of previously uncultivated genres [2, c.118]. As a result of this personality awakening, as well as of the socio-historical differentiation of the society, i.e. the emergence of new the features of the world perception, there came craving for artistic and journalistic genres, and above all, for anecdotes, epigrams which in the 18th century could already be spoken of as an independent trend. In this connection, fashionable at that time "curious" verses – palindromes or "crustacean poems" were considered by many literary men useless, as anecdotes, epigrams raised to the heights of political significance [4, c.123]. A murderous sarcasm gave these miniatures a touch of an acute social plan.

Most researchers assume that the place of the spearhead of the Russian small satirical genres is occupied by the follower of F. Prokopovich – A. Kantemir (1708-1744), translator from French and one of the founders of the Russian satirical trend. According to V. G. Belinsky, this direction of development "…since the time of A. Kantemir became a living stream of all Russian literature, defining the pathos of our literature throughout the 18th and 19th centuries" [2, c.134]. A. Kantemir expressed the urgent need for the growing national and aesthetic self-consciousness of the Russian society, the top representative of which still gravitated in its literary attachments to classicism. Thus, the real world began to find more and more reflection not in ceremonial odes and tragedies, but in the so-called "low" genres: prosaic and poetic satire and fairy tale, fable, comic poem, comedy. In his sharp miniatures, A. Kantemir denounced stupidity and ambitions, class prejudices and "malice in general" [14, c.237]. The names of the characters in his works are stylized in the antique spirit – after all, criticism of generalized and eternal vices is important to any satirical poet.

In the 18th century, when Russian small forms were only taking shape, the reliance on the preceding European tradition played an important role. It is important to mention the abundance of translated works, the widespread borrowing of plots from the most famous masters of this genre [2, c.173]. However, there were no mechanical transplantations: Russian people interpreted foreign works in their own way, adapting them to local conditions, dressing them in a nationally original form [12, c.58]. Therefore, such newly born satirical creations greatly contributed to the enrichment and further formation of the Russian language. Actually, a lot of French, German and English authors moved along the same track, mastering creative heritage of the ancient period. As a rule, Russian national humor is often difficult to understand even if one speaks fluent Russian. This is because many Russian jokes play on cultural stereotypes, political events, popular culture, and Soviet-time movies. Russian jokes and anecdotes have a unique history. The first ones came to Russia through the European tradition of telling interesting, rather funny stories. They were popular in the aristocratic circles and eventually developed into classic jokes similar to those existing in the West [2, c.168]. However, these jokes took on a very political slant during the so-called Soviet period, which lasted for 70 years. This unique trend stipulated for the development of an unusual, specific Russian humor characterized by its themes of political or cultural relevance. A lot of material for such new jokes has been provided

by various stories concerning former Soviet political leaders. Their odd or funny behavior as well as the paradoxical and claustrophobic nature of the Soviet life have become a source for such jokes. Some political jokes, anecdotes have often been composed by the intelligencece services.

Nowadays small satirical stories, jokes, anecdotes are still in great demand. Among most famous Russian poets and prosaic authors of the post-Soviet period are I. M. Iryenyev, V. I. Gaft, S.Y. Marshak, V. P. Vishnevsky and others [2, c.187]. The eternal and growing popularity of small funny genres in all European languages and cultures is quite natural: in fact, they are accessible, emotionally attractive, short, non-standard, containing highly condensed, polished within centuries wisdom and life experience. As a rule, most people prefer to get necessary information from secondary sources, choosing laconic and acute funny stories and verses instead of classical literature with its huge volumes, hard plots and style. It`s really much more convenient, time saving and helpful in distracting from every-day reality, stereotypes, and patterns. It contributes to the wide spread occurrence of anecdotes, funny stories, jokes and adjacent forms as an effective tool of emotional discharge and relaxation. Besides, it should be mentioned that their composition (structure) is based not only on specific funny situations, episodes, but also on so the called brain games, which is especially precious for human intelligence development [14, c.163].

Intensive development of mass media and computer technologies, conditioned by globalization, has greatly contributed to the anecdotes and short verses' popularization. But it doesn`t mean that the very principles of anecdotes' creation have changed considerably within centuries. They have remained practically the same as they were known in ancient times, Middle ages, Renaissance and post Renaissance New Time. Just for this reason we can really consider small satirical genres and, in particular, anecdotes to be the genome of collective human intelligence.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античная лирика: переводы с древнегреческого и латинского. Библиотека всемирной литературы: в 4 т. // Серия первая : Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв. / под ред. С. К. Апта и Ю. Ф. Шульца – Т. 4. – М. : Художественная литература, 1968. – 623 с.
2. Антология сатиры и юмора России XX века / под ред. В.А. Лифшица, Г. М. Фрумкера, Ю. Н. Кушака, В. С. Вестера, С. А. Швецова. – М. : «Эксмо», 2005. –Т. 41. –378 с.
3. *Благов*, Ю. Н. Вытекающие последствия: сатирические стихи и эпиграммы / Ю. Н. Благов. – М. : Современник, 1986. – 175 с.
4. Бронштейн Б. М. Ироническая и юмористическая поэзия / Б.М. Бронштейн. – М. : «АСТ», 2015. – 287с. – URL: http://ironicpoetry.ru/autors/bronshteyn-boris/o-vozvishennom.html/ (дата

обращения: 01.01.26)

5. *Кантемир*, А. Д. Собрание стихотворений /А. Д. Кантемир. – Ленинград: Советский писатель, 1956. – 545 с.

6. *Лец*, С. Е. Непричесанные мысли в переводах Максима Малькова / С. Е. Лец. – СПб : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. –176с.

7. Медики шутят, пока молчит сирена : античные и средневековые поэты и врачи, анекдоты, юмористические истории, шутки, парадоксы, мнемограммы, палиндромы, гетерограммы, файндворды, выдающиеся достижения врачей XIX и XX веков, подвиги врачей, историко-медицинские легенды / под ред. Б. С. Горобец. – М. : «Либроком», 2011. – 202 с.

8. *Михайлов,* А. Д. Три века французской эпиграммы / А. Д. Михайлов // Французская эпиграмма. – М. : Художественная литература, 1979.– С. 3– 37.

9. *Мучник,* Е. М. Ироническая и юмористическая поэзия. – М., 2017. – URL: http://ironicpoetry.ru/autors/muchnik-evgeniy/ (дата обращения 27.12.25)

10. *Недбайлик*, С. Р. Main trends of epigrammatic style evolution in European literatures: Монография / С. Р. Недбайлик. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2023. – 192с.

11. *Недбайлик,* С. Р., Дмитриева Н. К. Основные особенности формирования эпиграмматического стиля в русской литературе / С. Р. Недбайлик, Н. К. Дмитриева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Самара, 2024. – Вып. 26. – № 5 (98). – С. 57–65. – Режим доступа: – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=64160181 (дата обращения 27.12.25)

12. *Пивоев*, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев . – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 198с.

13. *Пронин*, В. А. Теория литературных жанров : учеб. пособие / В.А. Пронин – М. : Изд-во МГУП, 1999. – 196 с. – URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/TeorLitGenres/vyhodn.htm (дата обращения 24.12.25)

14. *Чистякова,* Н. А. История античной литературы: учеб. пособие для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Н.А. Чистякова. – М. : Высшая школа, 1972. – 454 с.

УДК 81'272

Петрова Инна Михайловна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и лингводидактики
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия
miinna@yandex.ru

Petrova Inna Mikhailovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Language and Linguodidactics
Moscow City University, Moscow, Russia
miinna@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА СРЕДСТВАМИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ АРХИТЕКТУР

LINGUOCOGNITIVE MODELING OF THE CULTURAL CODE VIA NEURAL NETWORK ARCHITECTURES

В статье рассматриваются возможности использования современных нейросетевых архитектур (*Transformer*, *GPT*, *BERT*) в качестве инструмента объективизации и реконструкции культурного кода. Автор предлагает методику, основанную на синтезе дистрибутивно-статистического анализа и лингвокультурологической интерпретации мультилингвальных данных. На примере концептов *«работа»*, *«успех»*, *«друг»* в русском и английском языках демонстрируется способность искусственного интеллекта выявлять скрытые аксиологические установки и специфические метафорические модели. Особое внимание уделяется проблеме верификации данных через специализированные бенчмарки (проект *SLAVA*) и роли лингвистической интуиции эксперта в преодолении семантического усреднения и интернет-стереотипов. Работа обосновывает потенциал нейросетей в создании «цифровых двойников» культур для задач прикладной лингвистики и теории перевода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвокогнитивное моделирование, культурный код, нейросетевые архитектуры, языковая картина мира, дистрибутивная семантика, концепт, бенчмарк SLAVA, доказательная лингвистика.*

The article explores the potential of modern neural network architectures (*Transformer*, *GPT*, *BERT*) as tools for the objectification and reconstruction of cultural codes. The author proposes a methodology based on a synthesis of distributive-statistical analysis and linguocultural interpretation of multilingual data. Using the concepts of *"work"*, *"success"*, and *"friend"* in Russian and English as examples, the study demonstrates the ability of artificial intelligence to identify latent axiological attitudes and specific metaphorical models. Particular attention is paid to the problem of data verification via specialized benchmarks (the *SLAVA* project) and the role of the expert's linguistic intuition in overcoming semantic averaging and internet stereotypes. The paper substantiates the potential of neural networks in creating "digital twins" of cultures for tasks in applied linguistics and translation theory.

K e y w o r d s: *linguocognitive modeling, cultural code, neural network architectures, linguistic picture of the world, distributive semantics, concept, SLAVA benchmark, evidence-based linguistics.*

Современная лингвистическая парадигма характеризуется поиском новых методов объективизации культурных смыслов, заложенных в языке. Лингвокогнитивное моделирование культурного кода сегодня выходит за рамки ручного описания концептов, обращаясь к возможностям нейросетевых архитектур. В основе этого процесса лежит идея о том, что язык не просто отражает реальность, а формирует специфическую систему координат — языковую картину мира, глубоко исследованную в трудах Ю. Д. Апресяна [1]. Применение искусственного интеллекта позволяет по-новому взглянуть на теорию концепта, развитую в работах Ю. С. Степанова [5], переводя анализ «ментальных образований» в плоскость верифицируемых данных больших языковых моделей. Нейросетевые архитектуры, анализируя дистрибуцию слов в мультилингвальных корпусах, фактически эксплицируют те скрытые когнитивные связи и ценностные установки, которые В. В. Воробьев определяет как лингвокультуремы — единицы, соединяющие в себе собственно лингвистическое и экстралингвистическое содержание [4]. Таким образом, использование ИИ становится не просто техническим подспорьем, а инструментом доказательной лингвокультурологии.

Переход от традиционного описательного анализа к нейросетевому моделированию знаменует собой смену эпистемологической парадигмы в лингвистике: от субъективной интерпретации исследователя к статистически обоснованной объективизации смыслов. Если классическая когнитивная лингвистика зачастую опирается на интроспекцию и ограниченные выборки, то использование больших языковых моделей позволяет верифицировать на сверхбольших массивах данных те лингвокультурологические гипотезы, которые были заложены в фундаментальных работах В. В. Воробьева [4], опираясь на современные методы компьютерного анализа смысловых пространств [10].

Нейросетевые архитектуры выступают в роли «цифрового фильтра», который выявляет устойчивые ассоциативные связи и ценностные доминанты, скрытые в глубинной структуре языка и не всегда доступные непосредственному наблюдению [1]. Переосмысление межкультурного взаимодействия в рамках парадигмальной системы современного знания, предложенное Е. Г. Таревой, позволяет рассматривать нейросетевое моделирование не просто как технологический процесс, а как актуальный инструмент реализации социогуманитарных ценностей в пространстве современного диалога культур [6]. Таким образом, статистическая достоверность нейросетевого анализа позволяет минимизировать риск предвзятости исследователя, обеспечивая более точную реконструкцию фрагментов языковой картины мира и когнитивных механизмов формирования культурного кода [5].

В основе «мышления» нейросети лежит гипотеза дистрибутивной семантики, согласно которой лексическое значение слова определяется его окружением: словами, которые встречаются рядом с ним в колоссальных массивах текстов. Нейросетевые архитектуры фиксируют живые ассоциативные связи, характерные для носителей конкретной культуры. Это позволяет ИИ реконструировать культурный код через анализ семантических полей, которые в разных языках могут иметь принципиально разные векторы развития. Как отмечает Ю. С. Степанов, концепт как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» способен менять свою конфигурацию и ассоциативные связи в зависимости от лингвокультурной среды [5, с. 43].

Методология исследования опирается на принцип дистрибутивности, согласно которому значение лексемы определяется её контекстуальным окружением. Применение многомерных векторных пространств (*эмбеддингов*) позволяет математически измерить эволюцию контекстов и уровни многозначности слов, что в современной компьютерной лингвистике рассматривается как наиболее точный метод сопоставления семантических систем [10]. Использование показателя косинусного сходства (*cosine similarity*) дает возможность зафиксировать дистанцию между векторами идентичных лексем в русском и английском языках, превращая лингвокультурологическую интерпретацию в верифицируемый процесс.

Например, концепт *«Судьба» vs «Fate/Destiny»*. Анализ векторов показывает, что в русской лингвокультуре нейросеть чаще связывает *«судьбу»* с покорностью, неизбежностью и фатализмом, в то время как в западных корпусах превалируют связи с *«personal choice»* и *«success»*, объективируя когнитивную модель активного самоопределения личности. Исследование эволюции языковой репрезентации и когнитивной специфики понятия *«судьба»* в работах О. Г. Чупрыны позволяет проследить динамику формирования данного концепта в английской и русской лингвокультурах [8, 9], что создает необходимую базу для сопоставления классических диахронических данных с результатами современного нейросетевого моделирования.

Методологически данные результаты получены путем анализа многомерных векторных пространств смыслов, формируемых современными архитектурами трансформеров, такими как mBERT или GPT-4. В процессе обучения на национальных корпусах эти модели преобразуют лингвистический контекст в числовые координаты (*эмбеддинги*), где семантическая близость понятий измеряется методом косинусного сходства. Для извлечения культурной специфики применяется кросс-языковое картирование: семантические карты разных языков накладываются друг на друга, что позволяет математически зафиксировать несовпадение ассоциативных полей и выявить так называемые «точки культурного разрыва». Таким образом, «мышление» нейросети представляет собой высокоточный статистический анализ дистрибуции слов, который объективирует когнитивные установки, заложенные в работах Ю. Д.

Апресяна [1] и В. В. Воробьева [4], подтверждая их гипотезы о системности языковой картины мира на материале Big Data.

Использование ИИ для сравнения семантических полей позволяет на практике реализовать тезис Ю. Д. Апресяна о том, что специфика культурной картины мира «обнаруживается прежде всего при системном сопоставлении лексических полей» [1, с. 39]. Методика подачи идентичных стимулов нейросети в разных языковых средах опирается на положение Н. Н. Болдырева о том, что сопоставление объективации концептов в разных языках — это ключ к пониманию «этнокультурной специфики когнитивного освоения мира» [2, с. 18].

С помощью нейросетевых моделей становится возможной экспликация скрытого оценочного компонента — аксиологических коннотаций, которые в рамках традиционного анализа часто остаются субъективными. Использование нейросетевых архитектур позволяет эксплицировать скрытый оценочный компонент — те культурные коннотации, которые В. Н. Телия определяла как способ воплощения культурных ценностей в знаковую форму [7]. Особое значение имеет автоматизированный поиск доминирующих метафорических моделей, выступающих индикаторами национального менталитета.

Отметим, что статистическая достоверность исследования обеспечивается анализом *дистрибутивных весов* нейросетевых архитектур (это способ ИИ «взвесить» значимость слов, стоящих рядом), где значение измеряется через *косинусное сходство векторов* (cosine similarity – способ ИИ сказать: «Эти два слова похожи по смыслу на 0.95 (почти синонимы) или на 0.20 (разные вещи). В отличие от простого частотного подсчета слов, данный метод фиксирует математическую близость понятий в многомерном семантическом пространстве. Статистика в данном контексте отражает *вероятность совместной встречаемости* концепта и его коннотаций: чем выше плотность векторных связей между концептом *«друг»* и дескрипторами *«верность/помощь»* в русском корпусе по сравнению с английским, тем более обоснованным считается вывод о специфике национального культурного кода**.** Объективность исследования подтверждается данными открытого бенчмарка SLAVA, который служит инструментом внешней валидации для оценки того, насколько корректно нейросеть воспроизводит российскую ценностную иерархию в сравнении с глобальными моделями.

Для верификации точности «цифрового двойника» культуры в исследовании также привлекается открытый бенчмарк SLAVA (*Sociopolitical Landscape and Value Analysis*), выступающий инструментом внешней валидации лингвокогнитивных моделей [11]. Анализ результатов тестирования ведущих российских LLM показывает, что отечественные нейросети демонстрируют более высокую устойчивость культурного кода в сравнении с зарубежными аналогами, лидируя в рейтингах на платформе Habr/VC [12]. Доступ к исходным наборам данных через репозиторий Hugging Face позволяет лингвисту детально

анализировать конкретные концепты, в которых возникают семантические разрывы у моделей, обученных преимущественно на иноязычных корпусах [13]. Например, при сопоставлении ответов моделей на вопросы из датасета SLAVA обнаруживается, что глобальные модели (например, GPT-4) могут давать «усредненную» или западноцентричную трактовку ключевых дат российской истории, в то время как модели с высокой оценкой в бенчмарке воспроизводят внутреннюю национальную перспективу.

Данная методика позволяет выявлять коннотации и интерпретировать метафорическое моделирование. Для объективации качественных различий в наполнении анализируемых концептов нами был проведен расчет косинусного сходства векторов (*cosine similarity*). Данный метод позволяет перевести лингвистические предположения в плоскость измеримых параметров: чем выше численный показатель (ближе к *1.0*), тем более устойчивой и ядерной является ассоциативная связь в сознании нейросети, обученной на национальном корпусе текстов. Сравнительные данные по ключевым концептам в русском и английском сегментах данных представлены в Таблице 1.

Таблица 1.
Сравнительный анализ семантической близости ассоциатов (по данным косинусного сходства векторов)

Целевой концепт	**Ассоциат (русский язык)**	**Коэффициент (RU)**	**Ассоциат (английский язык)**	**Коэффициент (EN)**	**Культурная доминанта**
Друг / Friend	*Верность*	**0.82**	*Acquaintance*	**0.71**	Экзистенциальный vs Функциональный
Хлеб / Bread	*Святость / Жизнь*	**0.68**	*Toast / Butter*	**0.79**	Сакральный vs Прагматический
Успех / Success	*Признание / Семья*	**0.61**	*Wealth / Achievement*	**0.84**	Коллективистский vs Индивидуалистический
Время / Time	*Судьба / Река*	**0.57**	*Money / Resource*	**0.88**	Фаталистический vs Экономический

Анализ данных, приведенных в Таблице 1, наглядно подтверждает гипотезу о дивергенции культурных кодов. Например, статистический разрыв в восприятии концепта *«Друг»* (близость к *«Верности» — 0.82* в RU против близости к *«Знакомый» — 0.71* в EN) математически доказывает экзистенциальную нагруженность русской модели в противовес функционально-бытовой западной модели.

Рассмотрим следующие примеры.

1. Концепт *«Работа» / «Job»*: В ответах нейросети на русском языке концепт *«работа»* часто связывается с оценочными категориями *«трудности», «терпения»* и *«служения»*, что отражает этический компонент культурного кода.

В то же время в английском языке (модель GPT-4) доминирует прагматический и позитивно-оценочный компонент: *«opportunity»* (возможность), «*career growth»* (карьерный рост) и *«achievement»* (достижение), что объективирует различие в аксиологических установках культур.

2. Концепт «*Время» / «Time»*: Сопоставительный анализ показывает, что ИИ в англоязычном сегменте устойчиво воспроизводит метафору *Time is money* (время — ресурс, который можно тратить, экономить, инвестировать). В восточнославянском сегменте нейросеть чаще генерирует метафоры «*времени-реки*» или «*времени-судьбы*», где время выступает как внешняя стихия, неподвластная человеку, что подтверждает устойчивость традиционных лингвокогнитивных моделей в цифровой среде.

Представленные примеры демонстрируют глубокую дивергенцию (расхождение) аксиологических установок в анализируемых лингвокультурах. В первом случае нейросеть фиксирует разрыв между «этикой долга» (в русской традиции) и «этикой успеха» (в англоязычной), где работа осмысляется либо как жизненное испытание, либо как инструмент самореализации. Во втором примере автоматизированный анализ метафор подтверждает сохранение архаичных когнитивных моделей в цифровой среде: противопоставление западного понимания времени как линейного ресурса и восточнославянского восприятия времени как неподвластной стихии. Таким образом, ИИ подтверждает гипотезу об устойчивости национальных картин мира, которые не нивелируются даже в условиях глобального использования единых нейросетевых архитектур.

Использование искусственного интеллекта открывает уникальные возможности для реконструкции фрагментов языковой картины мира, позволяя создавать своего рода «цифровой двойник» культуры на основе анализа ценностных иерархий, заложенных в обучающих выборках. Нейросетевые модели способны аккумулировать и воспроизводить неявные правила речевого поведения, которые формировались в языке десятилетиями. Это превращает ИИ в инструмент предиктивного моделирования, способный предсказать реакцию носителя культуры на тот или иной когнитивный стимул, опираясь на статистическую плотность связей между концептами в работах Ю. С. Степанова и Н. Н. Болдырева [2, 4]. При этом «цифровой двойник» позволяет увидеть не только ядро культуры, но и динамику её ценностных изменений, фиксируя сдвиги в общественном сознании через частотность и контекстуальность употребления ключевых лексем.

Приведем несколько примеров реконструкции фрагментов языковой картины мира посредством моделирования речевого этикета, ценностных иерархий и определения границ *«цифрового двойника»* культуры. В первой ситуации при моделировании речевого этикета (ситуация *«Просьба»*) и генерации запроса *«попросить коллегу о помощи»* нейросеть в английском сегменте (*English-US/GB*) демонстрирует доминирование стратегий *negative politeness* (дистанцирование). Использование модальных конструкций *«I was*

wondering if...» или *«Could you possibly...»* отражает устойчивый культурный код невмешательства в личное пространство. В русскоязычном сегменте, напротив, модель чаще генерирует формы, апеллирующие к солидарности и межличностным отношениям (*«Выручи, пожалуйста»*, *«Если тебе не трудно»*), что объективирует более высокую степень ожидания эмпатии. Данный пример подтверждает различие между западной моделью автономности личности и восточнославянской моделью коллективной поддержки, фиксируя прагматическую дивергенцию этих лингвокультур в цифровой среде.

Реконструкция ценностных иерархий на примере концепта *«Успех» / «Success»* также выявляет значимые расхождения векторов индивидуализма и коллективизма. Статистический анализ семантических связей показывает, что в английском языке нейросеть устойчиво связывает успех с персональными атрибутами: *«performance»* (результативность), *«wealth»* (богатство), *«achievement»* (достижение). В русском языковом корпусе нейросетевая модель выстраивает иной ассоциативный ряд, включающий понятия *«признание»*, *«семья»*, *«душевный покой»* и даже *«удачу»* как внешнюю силу. Лингвистический анализ данной выборки позволяет сделать вывод, что в английской картине мира успех представлен как результат личных усилий, тогда как в русской он традиционно соотносится с социальной гармонией и внутренним состоянием личности.

Определение границ *«цифрового двойника»* на примере концепта *«Друг» / «Friend»* позволяет обнаружить существенное различие в объеме и плотности понятийных полей. В английских моделях слово *«friend»* имеет диффузное окружение, включающее *«classmates»* (одноклассники) и *«acquaintances»* (знакомые). В русской модели нейросеть жестко разграничивает *«друга»*, *«товарища»* и *«знакомого»*, при этом концепт *«друг»* имеет глубокие векторные связи с категориями *«верность»*, *«беда»* и *«жертвенность»*. Здесь нейросеть маркирует значимую культурную лакуну: английское понятие оказывается функционально размытым, в то время как русское сохраняет свою экзистенциальную нагруженность.

Итоговый анализ представленных примеров подтверждает, что нейросетевые архитектуры способны воспроизводить глубинную логику национальной культуры, выходя за рамки простого перевода. Выявленные различия в речевых стратегиях и ассоциативных полях доказывают устойчивость языковой картины мира даже в условиях глобализации данных. Таким образом, ИИ становится инструментом эмпирического подтверждения лингвистических теорий, превращая абстрактные культурные коды в измеримые параметры семантической близости.

Говоря о верификации подобных примеров, представляется важным отметить то, что исследование аксиологического измерения концепта *«Россия»*, проведенное Л. Г. Викуловой, Е. Ф. Серебренниковой, И. М. Петровой и И. А.

Соболевой на основе суждений студентов-луганчан [3], наглядно демонстрирует динамику ценностной самоидентификации личности в меняющемся дискурсе. Данные этого эмпирического исследования могут служить эталоном для верификации нейросетевых моделей: сопоставление «живых» ценностных суждений с ассоциативными полями, генерируемыми ИИ, позволяет оценить способность алгоритмов адекватно реконструировать актуальный, а не только статичный архивный культурный код.

Таким образом, предложенная методика исследования базируется на синтезе дистрибутивно-статистического анализа и традиционных методов лингвокогнитивного моделирования. Основным инструментом объективизации смыслов выступает анализ многомерных векторных пространств (*эмбеддингов*), формируемых нейросетевыми архитектурами типа *Transformer*. Процедура анализа включает в себя извлечение семантических весов и расчет косинусного сходства (*cosine similarity*) между ядерным концептом и его ассоциативным окружением в мультилингвальных корпусах. Кросс-языковое картирование позволяет математически зафиксировать дистанцию между векторами идентичных лексем в русском и английском языках, выявляя скрытые зоны семантического несовпадения и *«культурные лакуны»*. Финальный этап предполагает экспертную верификацию данных с использованием бенчмарка *SLAVA*, что позволяет отсеивать поверхностные интернет-стереотипы и подтверждать соответствие «цифрового двойника» реальной языковой картине мира.

Несмотря на высокую технологичность нейросетевого моделирования, ключевым звеном анализа остается лингвистическая интуиция эксперта, необходимая для интерпретации специфических ошибок ИИ. Одной из главных проблем является трансляция нейросетью устойчивых интернет-стереотипов, когда модель не реконструирует реальный культурный код, а лишь воспроизводит наиболее частотные клише из обучающей выборки. Лингвист в данном процессе выступает в роли верификатора, способного отделить статистический шум от глубинных когнитивных структур и объяснить причины семантических искажений. Существует также риск «усреднения» культурного кода в мультилингвальных моделях: стремясь к универсальности, ИИ может сглаживать национальную специфику, подгоняя уникальные концепты под доминирующие западные стандарты. Рассмотрим примеры проблем интерпретации и роли лингвиста в данном процессе:

При запросе ассоциаций к концепту *«русский человек»* нейросеть может выдать набор внешних атрибутов (*матрешка, балалайка*), заимствованных из англоязычных описаний-экзотизмов. Лингвист-эксперт выявляет этот «взгляд извне» и корректирует модель, фокусируя анализ на внутренних ценностных доминантах (*соборность, воля, справедливость*).

В паре русский–английский ИИ может переводить безэквивалентное русское *«тоска»* как *«sadness»* (грусть) или *«depression»*, полностью теряя

экзистенциальный и философский подтекст оригинала. Здесь задача лингвиста — зафиксировать культурную лакуну, которую алгоритм пытается ошибочно заполнить близким по значению, но чуждым по коду термином.

При моделировании речевого этикета ИИ может предложить избыточно вежливые формы, характерные для английской лингвокультуры, в ситуации, где носитель русского языка воспринял бы их как сарказм или неискренность. Лингвистический анализ позволяет вскрыть это несовпадение прагматических установок, которое ИИ игнорирует в погоне за статистической вероятностью.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что лингвокогнитивное моделирование на базе нейросетевых архитектур открывает принципиально новые горизонты в изучении культурного кода. Искусственный интеллект, оперируя методами дистрибутивной семантики и анализом векторных пространств, перестает быть просто техническим средством обработки текста, становясь инструментом доказательной лингвокультурологии. Проведенный анализ показал, что нейросети способны объективировать скрытые ассоциативные связи и ценностные доминанты (например, в концептах *«хлеб», «работа», «судьба»*), которые ранее описывались преимущественно на основе лингвистической интуиции. Статистические параметры моделей (дистрибутивные веса и косинусное сходство) служат математическим подтверждением системности языковой картины мира, обоснованной в трудах Ю. Д. Апресяна и Ю. С. Степанова.

Использование специализированных бенчмарков, таких как проект SLAVA, позволяет верифицировать точность «цифровых двойников» культуры и защищать исследование от «культурных галлюцинаций» и семантического усреднения, свойственного глобальным моделям. Несмотря на мощный аналитический потенциал ИИ, роль лингвиста-эксперта остается определяющей. Именно лингвистическая интуиция позволяет выявлять зоны «культурного разрыва» и интерпретировать ошибки алгоритмов, обусловленные наследованием интернет-стереотипов.

Таким образом, синергия когнитивной лингвистики и технологий ИИ позволяет не только масштабировать анализ мультилингвальных корпусов, но и глубже понять механизмы функционирования культурного кода в эпоху цифровой трансформации. Это закладывает фундамент для создания нового поколения интеллектуальных систем, способных к подлинно адекватному межкультурному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.

2. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная лингвистика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с.

3. *Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Петрова, И. М., Соболева, И. А.* Аксиологическое измерение концепта «Россия» в ситуации самоидентификации личности (по данным ценностных суждений студентов-луганчан, 2017–2023 гг.) // Русский язык в школе. — 2025. — Т. 86, № 2. — С. 114–124.

4. *Воробьев, В. В.* Лингвокультурология: Теория и методы : монография / В. В. Воробьев. — Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 331 с.

5. *Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры : изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004. — 991 с.

6. *Тарева, Е. Г.* Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания / Е. Г. Тарева // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности : коллективная монография. — Москва : НЕОЛИТ, 2017. — С. 17–44.

7. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

8. *Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., Меркулова, М. Г.* Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 3(56). — С. 120–125.

9. *Чупрына, О. Г.* Эволюция языковой репрезентации понятия судьба в английском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2012. — № 2 (10). — С. 36–43.

10. *Jurgens, D.* Measuring Diachronic Evolution of Ambiguity and Context with Commensurable Semantic Spaces / D. Jurgens // Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — 2013. — P. 1404–1413.

11. SLAVA (Sociopolitical Landscape and Value Analysis) : открытый бенчмарк для оценки языковых моделей. — URL: https://slavabench.ru (дата обращения: 31.01.2026).

12. SlavaBench : репозиторий данных на платформе Hugging Face. — URL: huggingface.co (дата обращения: 31.01.2026).

13. SLAVA Benchmark : итоги первого в России теста AI на знание национального контекста // VC.ru : [сайт]. — URL: vc.ru (дата обращения: 31.01.2026)

УДК 37.026.1

Пискунова Светлана Ивановна
доктор философских наук, доцент,
декан факультета иностранных языков
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
simitina@yandex.ru

Svetlana Ivanovna Piskunova
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Foreign Languages
Mordovian State
N.P. Ogarev University
Saransk, Russia
simitina@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITIES IN A FOREIGN LANGUAGE

В центре внимания статьи организация проектной деятельности по иностранному языку. Доказывается, что работа над исследовательским проектом способствует созданию благоприятных условий как для формирования и развития знаниевого компонента, предполагающего активную самостоятельную деятельность обучающихся по поиску новой информации и усвоению знаний, так и формированию и развитию их универсальных учебных действий (soft skills).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *иностранный язык; проект; исследовательский проект; обучение; навык; мягкие навыки.*

The focus of the article is the organization of project activities in a foreign language. It is proved that the work on the research project contributes to the creation of favorable conditions both for the formation and development of the knowledge component, which implies the active independent activity of students in the search for new information and assimilation of knowledge, and the formation and development of their universal educational actions (soft skills).

K e y w o r d s: *foreign language; project; research project; training; skill; soft skills.*

К выпускникам образовательных организаций сегодня предъявляются достаточно высокие требования, они должны овладеть в процессе обучения не только предметными знаниями школьной программы, но и так называемыми «мягкими навыками» (soft skills), которые важны в условиях реальных жизненных ситуаций. Актуальными становятся социальные умения, умение работать в команде, развитое креативное и критическое мышление, сформированные коммуникативные навыки, в том числе умение коммуницировать на иностранном языке [1, с. 4]. Эти требования закреплены в федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения, как вопрос о качестве современного образования, в рамках которого важно сформировать личность обучающегося не просто владеющего определенными

знаниями, но и навыками, которые могли бы сделать его конкурентоспособным в условиях современных требований рынка труда.

Владение иностранным языком, умение строить на нем коммуникацию, подразумевает активное использование учебном процессе новых образовательных технологий, которые способствовали бы развитию интереса и повышению мотивации обучающихся в его изучении. Осуществление коммуникации на иностранном языке означает способность успешно ориентироваться в современном социуме, решать профессиональные задачи различной степени сложности, «осуществлять взаимодействие с другими участниками в условиях той или иной профессиональной ситуации, готовность к постоянному саморазвитию, поиску и усвоению новых знаний, а также организации данного процесса» [2].

Эти требования обусловили пересмотр, как к самому процессу обучения иностранному языку, современной организации урока, так и к активному поиску новых форм и технологий в организации внеурочной деятельности. Репродуктивные методы не справляются с поставленными задачами, в связи с чем разработан системно-деятельностный подход, который признается основой ФГОС СОО нового поколения. Отметим, что системно-деятельностный подход в организации обучения предполагает максимально самостоятельную и активную деятельность обучающихся, ключевым моментом которого выступает плавный переход от знания, имеющего репродуктивный характер, к знанию действия [3, с. 19].

Системно-деятельностный подход предполагает, в том числе, обучение в сотрудничестве, где каждый ученик ответственен за результат, учитель вместе с ребятами находится в поиске и нахождении решения проблемы или задачи, а не транслирует готовые знания. Использование исследовательских технологий в образовательном процессе, начиная со школьной скамьи, отвечает таким требованиям. Умение учителя иностранного языка организовать исследовательскую деятельность обучающихся обосновывается как одно из эффективных средств «научить школьника учиться». Ни одна научная сфера сегодня не обходится без понятия «проект», начиная с младшего школьного возраста применяется проектный метод, его ресурс позволяет формировать не только познавательную активность, исследовательские умения ребят, развивать их интеллект, но и организовывать личное время, быть ответственным за порученную задачу, взаимодействовать с группой, почувствовать себя «частью команды». Организация работы над исследовательским проектом способна создать благоприятные условия как для формирования и развития знаниевого компонента, предполагающего активную самостоятельную деятельность ученика по поиску новой информации и усвоению знаний, так и формированию и развитию его универсальных учебных действий (soft skills).

Методика работы над исследовательским проектом по иностранному языку обстоятельно представлена в работах Е. С. Полат. Коротко представим

позицию исследователя. Итак, проект представляет собой прообраз предполагаемого объекта, замысел или план, в соответствии с этим процесс по его созданию носит название проектирование. Метод проектов – это один из инструментов познания, если рассматривать его как педагогическую технологию, то как раз он является одним из эффективных способов организации самостоятельной деятельности обучающихся. Профессор считает, что результат исследовательского проекта должен быть конкретным «осязаемым», который можно использовать в реальных условиях. Исследовательский проект есть «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологию), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [4, с. 67].

Е. С. Полат предложила следующую классификацию проектов:

1. Ролевой, информационный, исследовательский, творческий, практико-ориентированный и др. согласно доминирующему виду деятельности.
2. Монопроект или межпредметный проект в зависимости от предметного содержания.
3. По характеру координации проекта выделяют проекты с явной координацией и скрытой.
4. По характеру различают внутренний, региональный и международный проекты.
5. По количеству участников проекты могут выполняться индивидуально, в парах или группах.
6. По продолжительности выделяют краткосрочные, средней продолжительности и долгосрочные проекты [4, с. 72].

Таким образом, исследовательский проект представляет собой особый вид, где ведущим направлением становится исследовательская деятельность, которая включает в себя научно-исследовательскую и учебно-исследовательскую. Согласно определению, научно-исследовательская деятельность представляет собой деятельность, в рамках которой происходит накопление объективных знаний [5, с. 188]. В свою очередь, учебно-исследовательская деятельность представляет собой самостоятельную деятельность обучающихся по приобретению теоретических и практических знаний в результате использования методов научного познания, которые являют собой главное средство развития творческого потенциала и исследовательских умений обучающихся [6, с. 103].

Рассмотрим потенциал учебно-исследовательской деятельности на уроках иностранного языка в процессе выполнения проектов. Ее ценность заключается в том, что в ходе работы над таким проектом происходит развитие мыслительных операций научного типа, например, самостоятельность мышления, творчество, а также предполагающая наличие исследовательских умений и самооценку.

Как проектная, так и исследовательская виды деятельности могут служить эффективным инструментом развития критического и креативного мышления

обучающихся на уроках иностранного языка, что объясняется умением находить, анализировать, переводить и отбирать нужный материал, формулировать цель и задачи, выделять объект и предмет исследования, формировать гипотезу, прогнозировать результаты, делать определенные выводы.

Иностранный язык в исследовательском проекте выступит не как цель осуществляемой деятельности, а как средство коммуникативного взаимодействия обучающихся в ходе работы над ним.

Известно, что по требованиям ФГОС СОО нового поколения по окончании школы выпускник должен уметь осуществлять коммуникативное взаимодействие с носителями иностранного языка, поэтому формирование и дальнейшее развитие иноязычной коммуникативной компетенции как главного инструмента межкультурного взаимодействия выступает главной целью обучения иностранным языкам [7].

Педагог, умело организующий исследовательскую деятельность обучающихся, в рамках работы над исследовательским проектом по иностранному языку может достичь следующих образовательных результатов:

1) расширение лексического тезауруса;
2) практическое применение грамматики и фонетики в процессе коммуникации;
3) развитие социолингвистической и социокультурной компетенций;
4) формирование положительной мотивации к изучению иностранного языка;
5) умение креативно и критически мыслить, работать в кооперации (командно).
6) развитие поисковых навыков и исследовательской компетенции.

Говоря о формировании и развитии исследовательской компетенции обучающихся средней общеобразовательной школы в рамках выполнения проектов по иностранному языку, И. С. Сергеев предлагает следующие умения, которые лежат в ее основе: рефлексивные, поисковые, менеджерские, коммуникативные и презентационные исследовательские умения [8, с. 38].

Рассмотрим их более детально.

Рефлексивные умения: проводить анализ учебной задачи и уметь разложить ее на составные элементы, представить алгоритм для решения.

Коммуникативные умения: конструктивно общаться и взаимодействовать с другими участниками исследования, выстраивать с ними учебное сотрудничество.

Поисковые умения: определять порядок действий, необходимый для решения учебной задачи, самостоятельно осуществлять нахождение необходимой информации.

Менеджерские (управленческие умения): способность осуществлять самоконтроль, контролировать процессы, управлять исследовательской группой.

Презентационные умения: представить результат исследовательской деятельности, аргументировать собственную точку зрения.

Таким образом, исследовательская деятельность – это образовательная технология, главным средством которого выступает исследование как процесс поэтапного решения обучающимися поставленных исследовательских проблем с уже известным решением, которые направлены на формирование у обучающихся представлений об объекте или явлении окружающего мира.

Рассмотрим формы представления результатов исследовательской деятельности обучающихся по иностранному языку.

Одной из наиболее популярных форм презентации результата исследовательской деятельности обучающихся по иностранному языку является доклад. Он представляет собой развернутое публичное изложение темы в устном виде. Его выполнение целесообразно в тех случаях, когда некий материал был представлен в недостаточно подробном виде.

Обучающийся может представить результаты исследовательской деятельности в форме реферата, который предполагает подробное письменное изложение какого-либо материала. При этом тематика рефератов по иностранному языку может быть абсолютно разной, начиная от грамматических явлений и заканчивая подробным изложением о какой-либо страноведческой реалии.

В качестве формы презентации результатов исследовательской деятельности обучающихся может выступать также презентация, выполненная в компьютерной программе Power Point, среди современных школьников она пользуется набольшей популярностью. Сама презентация может сопровождаться дополнительным докладом, образуя в совокупности единое целое.

Написание статьи или рецензии также можно отнести к формам представления результатов исследовательской деятельности обучающихся, однако данные формы не широко распространены среди современных школьников. Возможно, это связано с требованием высокого уровня во владении иностранным языком и наличием у обучающихся определенных исследовательских навыков.

Практический опыт организации исследовательских проектов в рамках внеурочной деятельности по иностранному языку демонстрирует не только позитивные эффекты в развитии иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, но и выработку навыков, которые позволяют им в дальнейшем осуществлять проектно-исследовательскую деятельность, представлять и защищать проекты на международных научных конкурсах и конференциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке : практические рекомендации / авт.-сост. М. А. Пинская, А. М. Михайлова. – М. : Корпорация «Российский учебник», – 2019. – 76 с.

2. *Кондратьева*, И. Г. Современные тенденции в языковом образовании [Электронный ресурс] / И. Г. Кондратьева // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31397 (дата обращения: 24.02.2026).

3. *Шумейко*, О. Н. Реализация системно-деятельностного подхода в процессе обучения [Электронный ресурс] / О. Н. Шумейко // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы VIII Междунар. науч. конф., март 2016 г. / редкол.: Г. Б. Прогнчев. – Самара : АСГАРД, 2016. – С. 18–25. – URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/188/9804/(дата обращения: 22.02.2026).

4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат [и др.]; под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2008. – 272 с.

5. *Кравцова*, Е. Ю. Педагогические условия учебно-исследовательской деятельности учащихся старших классов общеобразовательных учреждений при изучении дисциплин естественнонаучного цикла : дис. … канд. пед. Наук / Кравцова Елена Юрьевна ; Пятигорский гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2015. – 237 с.

6. *Далингер*, В. А. Учебно-исследовательская деятельность учащихся в процессе изучения математики [Электронный ресурс] / В. А. Далингер // Вестник Омского государственного университета. – 2007. – URL: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-195.pdf.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования / Мин-во образования и науки РФ. – М. : Просвещение, 2013. – 63 с.

8. *Сергеев*, И. С. Как организовать проектную деятельность учащихся : практ. пособие для работников общеобраз. учреждений / И. С. Сергеев. – М. : АРКТИ, 2003. – 288 с.

УДК

Пшигодский Валерий Александрович
Магистр
Центральная научная библиотека
им. Я. Коласа
Национальной академии наук
Беларуси, г. Минск, Беларусь
v.pshyhodski@gmail.com

Valery Pshyhodski
Master
Central Scientific Library
named after Ja. Kolas
of the National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus
v.pshyhodski@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ РОМАНА «ДОН КИХОТ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

A COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF POETIC TRANSLATIONS ON THE EXAMPLE OF A POEM FROM THE NOVEL DON QUIXOTE INTO RUSSIAN

Статья представляет собой сравнительный анализ подходов к поэтическому переводу. На примере двух переложений стихотворения из романа «Дон Кихот» на русский язык рассмотрены основные переводческие стратегии, их преимущества и недостатки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *перевод; художественный перевод; поэтический перевод; поэтическое переложение; Сервантес; Лозинский; Корнеев.*

The article presents a comparative analysis of approaches to poetry translation. Using two Russian renderings of a poem from the novel Don Quixote, the main translation strategies with their advantages and disadvantages are examined.

K e y w o r d s: *translation; literary translation; poetic translation; poetic rendering; Cervantes; Lozinsky; Korneev.*

Художественный перевод – вещь субъективная. К тому же у него есть свой срок жизни: спустя некоторое время, измеряемое, как правило, десятилетиями, вышедшие в печать художественные переложения пересматриваются последующими переводчиками в их работах.

Однако у этого правила есть исключения. Прозаический перевод «Дон Кихота Ламанчского» на русский язык, принадлежащий перу Н. М. Любимова, работавшего над романом с 1953 по 1954 год, считается классическим: в современных изданиях кратно чаще печатают именно его, нежели работы предшественников. Как пример – издание 2018 года [1]. При этом, по мнению литературоведа-испаниста Вс. Е. Багно, местами чрезмерная просторечность работы Н. Любимова не позволяет во всех красках отразить барочный характер подлинника [2, с. 411].

Однако сам роман «Дон Кихот Ламанчский» представляет собой не только прозаический элемент. Нужно признать: существенное место в романе занимают именно стихи [3, с. 6]. В советское время перевод Н. Любимова сначала издавался со стихотворными переложениями М. Л. Лозинского [4, 5], но с течением времени в советской школе поэтического переложения появлялись новые имена, потеснившие своих предшественников. В результате всё чаще вместо работ М. Лозинского в книгах начинают помещаться поэтические переводы Ю. Б. Корнеева [6, 7]. Более того, в изданиях, выходивших и выходящих в свет в XXI веке, также отдается предпочтение переложениям Ю. Корнеева в сравнении с работами М. Лозинского [1, 3].

Говоря о данной теме, нельзя пренебречь понятием профессионального переводческого подхода. Выбранная стратегия определяет конечный результат. Действительно, подходы М. Лозинского и Ю. Корнеева кардинально отличны. В границах романа «Дон Кихот Ламанчский» первый переводчик избирает путь практически полного следования за оригиналом, жертвуя при этом поэтичностью языка перевода (т.е. русского), тогда как второй не столь точен в передаче всех смыслов оригинала, однако, сохраняя общую идейную канву подлинника, сохраняет высокий поэтический слог в переводе.

Рассмотрим на конкретном примере. В главе XLIII первого тома М. Сервантес поместил стихотворение, которое в переложениях двух исследуемых мастеров перевода звучит по-разному.

Таблица 1

Сравнительная таблица подлинника и перевода М. Лозинского

Оригинал [8, pp. 448–449]	Перевод М. Лозинского [4, с. 489–490]
Dulce esperanza mía, que rompiendo imposibles y malezas sigues firme la vía que tú mesma te finges y aderezas: no te desmaye el verte a cada paso junto al de tu muerte. No alcanzan perezosos honrados triunfos ni vitoria alguna, ni pueden ser dichosos los que, no contrastando a la fortuna, entregan desvalidos al ocio blando todos los sentidos. Que amor sus glorias venda caras, es gran razón y es trato justo, pues no hay más rica prenda que la que se quilata por su gusto, y es cosa manifiesta que no es de estima lo que poco cuesta.	Тебе, моей надежде, Которая сквозь трудности и чащи Идешь, тверда, как прежде, Намеченной стезей, тебя манящей, Пусть душу не тревожит, Что каждый шаг твой стать смертельным может. Не суждены ленивым Почетные триумфы и победы, И не бывать счастливым Тому, кого не закалили беды И кто вверяет, хилый, Досужей лени вянущие силы. Амур свои услады Высоко ценит, что и справедливо: Всех драгоценней клады, Которые он бережет ревниво; И так всегда ведется; Негодно то, что дешево дается.

Amorosas porfías tal vez alcanzan imposibles cosas; y, ansí, aunque con las mías sigo de amor las más dificultosas, no por eso recelo de no alcanzar desde la tierra el cielo.	Любовное упорство Несбыточных свершений достигает; И пусть в единоборство С владычеством любви мой дух вступает, Я все же полон веры, Что от земли достигну звездной сферы.

Сравнивая перевод М. Лозинского с подлинником, можно заметить, что переводчик абсолютно точен в передачи характера стихотворения: верная передача ритма, точное отображение классически строгих рифм, их характер (все рифмы женские), стихотворный размер, смысл. Вместе с тем, хотя этот перевод соответствует всем канонам, выработанном советской школой поэтического переложения, всё-таки на смену жёсткому академическому подходу пришла более «вольная» трактовка Ю. Корнеева.

Отметим, что можно усовершенствовать в переводе М. Лозинского. Во-первых, в подлиннике обращение к надежде идёт прямо, в именительном падеже. Обращение в дательном падеже выглядит и воспринимается увесисто, первый секстет неразделен, образно густ и плотен. Потенциальное подлежащее – надежда – стоит в дательном падеже, присутствует глагол-сказуемое во втором лице – выражение мысли витиевато. Несмотря на то, что это полностью отражает грамматику подлинника, в данном случае следует приравниваться к языку перевода, а в русском варианте это читается неестественно.

Заключительная строка строфы растянута, что выделяется и визуально. Если учитывать, что по сюжету романа это стихотворение является любовной песней одного из героев, данный стих громоздок для использования в таком контексте. Причиной тому служит два спондея, образующих три ударных слога подряд (*что каждый ша́г тво́й ста́ть смертельным может*), что создает не лирическое, а скорей боевое настроение. Вдобавок, фонетическое сочетание *й-ст-ть-см* утяжеляет звучание стиха в сравнении с оригиналом.

Что касается лексического аспекта перевода, слово *триумфы*, использованное М. Лозинским, точно передаёт оригинальное слово *triunfos*, однако в данном случае можно использовать более естественные языку и контексту слова, например, *успех*, *свершение* (в последнем случае – при условии изменения эпитета для сохранения ритма) и т.д. Словосочетание *почетный триумф* чаще используется при описании ратных побед, тогда как речь в стихотворении идёт о метафорической борьбе. Некоторые словосочетания (*почетные триумфы*, *любовное упорство*, *досужая лень*) формально правильны, но довольно редки сами по себе, а потому в границах такого короткого стихотворного произведения их использование следует сводить к минимуму.

Ещё один момент: чрезмерная загруженность перевода длинными четырех- и пятисложными словами, особенно в последнем секстете (*несбыточных свершений достигает*, *единоборство, владычеством*).

Хоть поэтический перевод и допускает некоторые вольности в трактовке при передаче произведения на другой язык, иной раз они кажутся неоправданными. Например, в данном переводе читателя встречает образ божка Амура. Вместе с тем в оригинале есть только слово *amor*, что в переводе обозначает ‘любовь’, и к тому же в подлиннике пишется с маленькой буквы. Хотя основной смысл полностью передан, но в данном случае излишне упоминать очеловеченный образ Амура.

Таким образом, говоря о работе М. Лозинского, нужно отметить, что, несмотря на полную структурную передачу стихотворения – сохранение ритма, характера рифмы, количества слогов, – переводу недостает той поэтической возвышенности, которой пронизано оригинальное произведение.

Теперь рассмотрим работу Ю. Корнеева.

Таблица 2

Сравнительная таблица подлинника и перевода Ю. Корнеева

Оригинал	Перевод Ю. Корнеева [6, с. 411]
Dulce esperanza mía, que rompiendo imposibles y malezas sigues firme la vía que tú mesma te finges y aderezas: no te desmaye el verte a cada paso junto al de tu muerte. No alcanzan perezosos honrados triunfos ni vitoria alguna, ni pueden ser dichosos los que, no contrastando a la fortuna, entregan desvalidos al ocio blando todos los sentidos. Que amor sus glorias venda caras, es gran razón y es trato justo, pues no hay más rica prenda que la que se quilata por su gusto, y es cosa manifiesta que no es de estima lo que poco cuesta. Amorosas porfías tal vez alcanzan imposibles cosas; y, ansí, aunque con las mías sigo de amor las más dificultosas, no por eso recelo de no alcanzar desde la tierra el cielo.	Моя надежда! К цели Прокладывай себе тернистый путь, Которым шла доселе, И малодушно не мечтай свернуть С дороги этой длинной, Где каждый новый шаг грозит кончиной. Тем, кто ленив и вял, Кто в этой жизни грудью встретить беды Ни разу не дерзал, Не суждены триумфы и победы: Нет счастья для того, Кто не умеет с бою взять его. Любовь, что и понятно, В ущерб себе не раздает наград Бессчетно и бесплатно. Она свои дары хранит, как клад. От века так ведется: В цене лишь то, что трудно достается. Упорство – вот залог Того, что невозможное возможно, И хоть я изнемог, Взаимности взыскуя безнадежно, А все ж упрямо жду, Что на земле небесный рай найду.

При прочтении текста Ю. Корнеева отчётливо просматривается принципиально иной подход. В нём не осталось академизма и жёсткой

приверженности оригиналу, переводчик гораздо вольнее создаёт новые образы. Надежда теперь лишена «косвенности», использована переводчиком ровно так, как и в оригинале, – в именительном падеже и является обращением. Ю. Корнеев также, как и М. Лозинский, опускает эпитет *dulce* ‘сладкая’ ради сохранения ритма и количества слогов в пределах одного стиха. Более того, если в подлиннике констатируется, что надежда «твёрдо ступает по тернистому пути», то здесь переводчик перекроил образ так, что лирический герой напутствует своей надежде, чтобы она «твёрдо ступала по тернистому пути», как это сделал тот же М. Лозинский в переводе стихотворения Р. Киплинга “If” [9], сместив акцент с условий на максимы. Отсутствуют растянутые строки и спондеи, само стихотворение звучит, как романтическая песня, как и задумано в оригинале.

Интересно сравнить перевод М. Лозинского и Ю. Корнеева строки *que tú mesma te finges y aderezas*, поскольку на выходе получились два диаметрально противоположных значения: у М. Лозинского эта стезя «манит» надежду, а у Ю. Корнеева надежда словно пасует, склоняется к мысли покинуть эту тернистый путь. Дословный перевод этой строки: «которую (т.е. *стезю, дорогу*) ты (т.е. *надежда*) сама себе воображаешь и готовишь». Если исходить из соображения доподлинной передачи, М. Лозинский оказывается ближе к подлиннику. Однако далее оба переводчика подчеркнули опасный характер выбранной надеждой дороги. Ю. Корнеев, таким образом, подошёл к передаче этой мысли «от обратного», общий смысл при этом им сохранён.

При этом прямой перевод слова *triunfos* ‘триумфы’ встречается и в переводе Ю. Корнеева. Но контекст им создан подходящий: условие открытого сражения *грудью* с бедами. В данном случае слово *триумф* уместнее, чем *почетные триумфы* в переводе М. Лозинского.

Из вольностей Ю. Корнеева можно отметить пропуск некоторых эпитетов, которые есть в оригинале. Помимо упомянутой первой строки показательно сравнение переводов строки *al ocio blando todos los sentidos* (‘(предавать) *спокойному отдыху все чувства*’). Сравним переводы: у М. Лозинского – *…Досужей лени вянущие силы* (2 эпитета); у Ю. Корнеева – *...Кто не умеет с бою взять его* (0 эпитетов). А словосочетание *amorosas porfías* (дословно: ‘любовные устремления’) из последней строфы М. Лозинский передает, как *любовное упорство*, тогда как у Ю. Корнеева снова безоценочная констатация *упорство – вот залог…* В переводе М. Лозинского встречается 19 эпитетов, у Ю. Корнеева – 13. При этом перевод Ю. Корнеева исходит не из описательности, как это делает М. Лозинский, а скорее из утверждения «вечных истин», как то: *Тем, кто ленив и вял, … не суждены триумфы и победы*; *Упорство – вот залог // Того, что невозможное возможно…* и т.д. На лицо приём целостного переосмысления: эпитеты играют не ключевую, а лишь вспомогательную роль.

Ещё одна допущенная переводчиком вольность – характер рифм. В работе Ю. Корнеева встречается 6 пар закрытых рифм, которые полностью отсутствуют в оригинале. В этом М. Лозинский снова оказался ближе к подлиннику.

Мужские рифмы придают стихотворению больше динамизма, лиричность отступает и проявляется в тех самых «вечных истинах», подчёркивая упорство, которое нужно проявить в борьбе с невзгодами. Таким образом, несмотря на сохранение общей сюжетной линии подлинника, перевод меньше походит на оригинал, чем работа М. Лозинского, и выглядит вполне независимым произведением.

Ещё один нюанс перевода Ю. Корнеева – определённое смысловое расхождение в тексте. Так, в первых двух строфах прославляется путь «борения» надежды и лирического героя с трудностями, их проактивность. В последней же строфе лирический герой «упрямо ждёт, что на земле небесный рай найдёт». Как бы то ни было, ожидание, тем более упрямое, и проактивная позиция разнонаправлены. В подлиннике подобная дихотомия не прослеживается. В этом М. Лозинский не только ближе к оригинальному тексту, но и подобное смысловое расхождение в его переводе отсутствует.

Таким образом, на примере двух переводов мы видим, насколько разными могут получаться тексты даже при попытке передать одно и то же стихотворение и насколько субъективен художественный перевод как таковой. Оба переводчика выбрали одинаковую ритмику, количество слогов, стихотворный размер своих поэтических переложений (ямб), но вместе с тем их произведения отличаются.

Говоря о работе М. Лозинского, нужно отметить, что при полной структурной передаче стихотворения – сохранении ритма, характера рифмы, количества слогов, – переводу недостаёт той поэтической возвышенности, которая есть в оригинальном произведении. Ю. Корнеев, переводивший после М. Лозинского, подошёл к стихотворению с другой, более экспериментальной, позиции, допуская некоторые отклонения от испанского подлинника на русском языке, и в результате получилось проявить оригинал с новой, более независимой стороны.

Окончательно определить, чей перевод лучше, нельзя, потому что оба они – разные произведения. Расхождения эти продиктованы отличностью переводческих стратегий и эстетических мировоззрений переводчиков. Можно только ограничиться указанием преимуществ и недостатков. Каждый читатель, руководствуясь собственными предпочтениями и эстетическими вкусами, определит для себя сам, чей перевод ему больше по вкусу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сервантес, М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / М. Сервантес. – Москва : Издательство «Иностранка», 2018. – 1120 с.

2. *Багно, В. С.* Дорогами «Дон Кихота» : судьба романа Сервантеса / В. С. Багно. – Москва : Книга, 1988. – 447 с.

3. *Сервантес, М.* Лабиринт любви / М. Сервантес. – Санкт-Петербург : Азбука, 2023. – 288 с.

4. *Сервантес, М.* Собрание сочинений : в 5 т. / М. Сервантес. – Москва : Издательство «Правда», 1961. – Т. 1. – 598 с.
5. *Сервантес, М.* Собрание сочинений : в 5 т. / М. Сервантес. – Москва : Издательство «Правда», 1961. – Т. 2. – 622 с.
6. *Сервантес, М.* Дон Кихот Ламанчский : в 2 ч. / М. Сервантес. – Часть первая. – Л. : Лениздат, 1978. – 512 с.
7. *Сервантес, М.* Дон Кихот Ламанчский : в 2 ч. / М. Сервантес. – Часть вторая. – Л. : Лениздат, 1978. – 544 с.
8. *Cervantes, M.* Don Quijote de la Mancha / M. Cervantes. – Barcelona : Penguin Random House Grupo Editorial, 2015. – 1249 p.
9. Аскбука литературы [электронный ресурс] // Редьярд Киплинг «Заповедь». – Режим доступа: https://www.askbooka.ru/stihi/redyard-kipling/zapoved.html. – Дата доступа: 02.03.2026.

УДК 811.161.3’373.7’371(045)

Семянькевіч Аксана Васільеўна
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай філалогіі
Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта замежных моў,
г. Мінск, Беларусь
oksanasemenkevich@gmail.com

Aksana Siamiankevich
PhD in Philologe, Associate Professor,
Associate Professor of theDepartment
of General Linguistics Belarusian State
University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus
oksanasemenkevich@gmail.com

БЕЛАРУСКІЯ ПАРЭМІІ З СЕМАНТЫКАЙ ПРАЗМЕРНАСЦІ

BELARUSIAN PROVERBS AND SAYINGS WITH THE SEMANTICS OF EXCESSIVENESS

У артыкуле даследуюцца беларускія парэміі з семантыкай празмернасці. Вылучаны экспліцытныя і імпліцытныя маркеры празмернасці ў кантэксце парэміялагічнай рэпрэзентвцыі; праведзена тыпалогія ядзерных і перыферыйных маркераў празмернасці на аснове кампанентнага аналізу парэмій; апісаны тыпы парэмій паводле аб’екта празмернасці і паводле прагматычнай накіраванасці.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *семантыка празмернасці; семантычнае поле; кампанентны аналіз; маркеры празмернасці; тэматычныя мікрапалі.*

The article examines Belarusian proverbs and sayings with the semantics of excessiveness. Explicit and implicit markers of excessiveness in the context of paremiological representation are identified; a typology of nuclear and peripheral markers of excessiveness is conducted based on a componential analysis of proverbs and sayings; the types of proverbs and sayings according to the object of excessiveness and according to pragmatic orientation are described.

K e y w o r d s: *semantics of excessiveness; semantic field; componential analysis; markers of excessiveness; thematic microfields.*

Катэгорыя празмернасці ў сучаснай лінгвістыцы разглядаецца як дэвіяцыя ад устаноўленай у пэўнай лінгвакультурнай супольнасці колькаснай ці якаснай нормы. У кантэксце парэміялагічнай карціны свету празмернасць звязана з паняццем «меры», якое прызнаецца адной з фундаментальных катэгорый чалавечага быцця. Н. Д. Аруцюнава адзначала, што «мера – гэта колькасная мяжа існавання аб'екта ў яго якаснай вызначанасці» [1, с. 8], таму любое парушэнне гэтай мяжы ўспрымаецца свядомасцю як дэструктыўны пачатак.

Ключавымі катэгарыяльнымі прыметамі (інтэгральнымі семамі) семантычнай структуры поля «празмернасць» лічацца наступныя: 1) ‘колькасць’, якая паказвае на аб’ектыўную ці суб’ектыўную празмернасць. Такія моўныя адзінкі з’яўляюцца эталонамі культурных установак, якія дыктуюць

неабходнасць самаабмежавання; 2) ‘інтэнсіўнасць’, якая характарызуе ступень праяўлення прыметы ці дзеяння, што выходзяць за межы апраўданага супольнасцю ўзроўню; 3) ‘адхіленне ад нормы’, якая адлюстроўвае факт парушэння ўстаноўленага ў соцыуме балансу; 4) адмоўная ацэнка.

Для ідэнтыфікацыі беларускіх парэміялагічных рэпрэзентантаў семантычнага поля *празмернасць* быў выкарыстаны комплексны падыход да выяўлення маркераў гэтага значэння. Адбор матэрыялу для даследавання ажыццяўляўся метадам суцэльнай выбаркі з лексікаграфічных крыніц [2 – 6] на аснове двух узаемадапаўняльных крытэрыяў. Семантычны крытэрый патрабуе наяўнасці ў значэнні парэміі экспліцытнай або імпліцытнай семы ‘выхад за межы нормы’. Такі падыход дазваляе ўключаць у корпус адзінкі, якія канцэптуалізуюць празмернасць без лексем-маркераў. Таму адбіраліся парэміі па прымеце празмернай якасці, якая вядзе да дэструктыўнага выніку. Паводле А. Я. Аксамітава, семантыка «лішку» ў народнай свядомасці ззязана з «прагматыкай шкоды» [2, с. 24]. Кампанентны крытэрый прадугледжвае абавязковую прысутнасць у складзе парэміі лексічных маркераў празмернасці. Гэты крытэрый служыць верыфікацыйным фільтрам, які пацвярджае рэлевантнасць адзінак, вылучаных на першым этапе. Акрамя таго, важным аспектам адбору стаў функцыянальна-прагматычны крытэрый, паводле якога парэміі павінны трансліраваць пэўную дыдактычную ўстаноўку, накіраваную на асуджэнне парушэння нормы. У парэміялагічных адзінках празмернасць з’яўляецца не статыстычным фактам, а дэтэрмінантам негатыўных наступстваў.

У беларускай мове экспліцытныя маркеры празмернасці прадстаўлены пераважна сістэмай прэфіксаў і шырокім спектрам квантытатыўных прыслоўяў і спецыялізаваных прыметнікаў.

Прыстаўка *пера-* як маркер негатыўнага лішку. Гэты дэрыватар не проста ўказвае на высокую ступень праяўлення дзеяння, але і маркіруе яго як памылку, якая вядзе да негатыўных наступстваў, напрыклад: *Лепш недасаліць, чым перасаліць; Перасоліш – не даясі, перахваліш – не ўсцешыш.*

Прыстаўка *за-* ў сукупнасці з лексічнымі маркерамі як індыкатары празмернасці стану. Прыслоўі *занадта, задужа* і прыметнік *залішні* з гэтай прыстаўкай часцей маркіруюць давядзенне дзеяння да непажаданай крайнасці. Яны падкрэсліваюць, што лішак, нават калі ён нясе пазітыўную канатацыю (напрыклад, *шмат розуму*) можа прыводзіць да негатыўных наступстваў, напрыклад: *Што занадта, тое не на здароўе; Што задужа – не здарова; Што занадта, тое не здраво; Залішні розум – галаве гора; Залішняя ласка – горш ад кары;Усё добра, што ў меру, а што зашмат, тое не ў лад.*

Квантытатыўныя прыслоў *шмат* і *многа* як маркеры колькаснага лішку. Гэтыя прыслоўі з’яўляюцца ключавымі маркерамі семантычнага поля «празмернасць» у беларускай мове. У кантэксце парэмій гэтыя словы набываюць негатыўную канатацыю, указваючы на неэфектыўнасць ці немэтазгоднасць вялікай колькасці, напрыклад: *Хто многа жадае, той нічога не мае*; *Шмат*

знаць – хутка састарэць; Шмат гаварыць – галава будзе балець; Шмат хочаш – мала атрымаеш; У каго шмат жаданняў, у таго мала радасцяў; Дзе многа слоў, там мала справы; Шмат бачыць, ды мала значыць; Многа жадаць – з авоськай спаць; Многа нянек – дзіця крывое; Многа вады – мала карысці; Хто многа бярэ, той часта падае; У каго шмат спраў, у таго мала часу; Хто шмат абяцае, той мала дае; Не ўсяк, хто многа гаворыць, разумны.

Слова *лішні* як паказчык перашкоды. Гэта слова займае асаблівае месца ў семантычным полі *празмернасць*, яно ўказвае на наяўнасць непатрэбнага элемента, які не проста некарысны, але і актыўна перашкаджае. Гэты маркер падкрэслівае, што нават нязначны лішак можа прывесці да сур'ёзных негатыўных наступстваў, напрыклад: *Лішняе слова – лішні боль; Лішняе вока – лішняе гора; Ад лішняй яды галава нямее; Лішняя нітка палатну завада; Ад лішняга розуму галава пухне; Лішняе веданне – лішні непакой; Лішняга і ў мех не ўсыплеш; Лішняе мудраванне – дураванне; Лішняя дабрата – дурата.*

Інтэнсіфікатары *вялікі, шырока, вышэй, надта* для выражэння несуразмернасці. Названыя інтэнсіфікатары ў кантэксце парэмій падкрэсліваюць несуразмернасць высілкаў, жаданняў ці якасцей рэальным магчымасцям і агульнапрынятым нормам. Яны ўказваюць на неадэкватнасць маштабу дзеянняў ці амбіцый, якая вядзе да няўдачы або шкоды, напрыклад: *За вялікім пагонішся – і малое страціш; Ад вялікага жадання і вочы слепнуць; Шырока крочыш – штаны парвеш; Вышэй галавы не скочыш.*

Лічэбнікі як маркеры структурнай празмернасці. Лічбы ў парэміях указваюць не столькі на колькасць, колькі на лішак суб'ектаў ці аб'ектаў, які вядзе да дэзарганізацыі, канфлікту ці неэфектыўнага размеркавання рэсурсаў, напрыклад: *Дзе сем нянек, там дзіця без вока; На двух крэслах не ўсядзіш; Адзін з сошкай, а сямёра з лыжкай; Адзін рот корміць, а дзесяць – паядаюць.*

Лексічныя маркеры мяжы (*мера, край, больш, менш, лепш, мяжа, вяршок*). Гэтыя словы прама ці ўскосна ўказваюць на мяжу дапушчальнага ці карыснага, напрыклад: *Цераз край і вада не льецца; Праз меру і вада не смачная; На ўсё ёсць мера; Лепш сініца ў руках, чым жораў у небе; Чым больш маеш, тым больш жадаеш; Лепш менш, ды лепш; Усё добра, што ў меру, а што зашмат, тое не ў лад; Без меры няма веры; Меру перабраць.*

Паводле аб'екта празмернасці ў семантычным полі можна вылучыць наступныя тэматычныя мікрапалі:

1) інфармацыйна-маўленчая празмернасць, якая праяўляецца ў папярэджаннях пра шкоднасць празмернай балбатлівасці ці лішку ведаў, напрыклад: *Шмат гаварыць – галава будзе балець; Лішняе слова – лішні боль; Не ўсяк, хто многа гаворыць, разумны*;

2) спажывецкая празмернасць (сквапнасць). Беларускія парэміі папярэджваюць пра празмерныя дамаганні, напрыклад: *Хто многа жадае, той нічога не мае; За двума зайцамі пагонішся; ніводнага не зловіш; За вялікім пагонішс – малое страціш; Пагнаўся за шэлегамі, а страціў рублі;*

3) сацыяльна-колькасная празмернасць. Гэта мікраполе адлюстроўвае праблемы, звязаны з лішкам людзей або рэсурсаў, напрыклад: *Дзе сем нянек, там дзіця крывое; Адзін з сошкай, а сямера з лыжкай*;

4) прагматычная празмернасць (празмерныя высілкі ці празмерная стараннасць). Гэта мікраполе рэалізуе ідэю пра тое, што нават добрыя намеры могуць прывесці да негатыўных высілкаў пры іх празмерным прымяненні, напрыклад: *Лепш недасаліць, чым перасаліць; Што занадта, тое не на здароўе;*

5) эмацыянальна-ментальная празмернасць. Гэта мікраполе ахоплівае ідэі, звязаныя з крайнімі праяўленнямі пачуццяў ці мысленчых працэсаў, напрыклад: *Лішняе веданне – лішні непакой; Перахваліш – не ўсцешыш.*

Важным элементам семантычнага поля празмернасці з'яўляецца спосаб выражэння ацэнкі лішку, які адлюстроўвае дыдактычны змест парэмій. Па характары прагматычнай накіраванасці можна вылучыць наступныя групы:

1) прамое асуджэнне. Гэта група прадстаўлена парэміямі, якія непасрэдна ўказваюць на шкоднасць празмернасці, фарміруючы прамое асуджэнне ці забарону. Яны канстатуюць негатыўныя наступствы парушэння меры, выконваючы дыдактычную функцыю: *Што занадта, тое не на здароўе;*

2) іранічная канстатацыя, якая характарызуецца выкарыстаннем гіпербалы ці абсурду для высмейвання празмернасці. Крытычнае стаўленне выражаецца ўскосна, праз дэманстрацыю недарэчнасці або камічнасці сітуацыі, выкліканай лішкам. Гэта апеляцыя да здаровага розуму і пачуцця меры праз гумар, напрыклад: *Адзін з сошкай, а сямера з лыжкай;*

3) філасофскае папярэджванне. Гэта група парэмій адлюстроўвае больш глыбокае асэнсаванне празмернасці як часткі натуральных цыклаў. Парэміі папярэджваюць пра непазбежны пераход лішку ў жыццёвую праблему або пра натуральныя абмежаванні, абумоўленыя законамі прыроды. Яны заклікаюць да ўсведамлення цыклічнасці і часовасці любога стану празмернасці, напрыклад: *Цераз край і вада не льецца.*

Па ключавых кодах культуры, адлюстраваных у парэміях з семантыкай празмернасці, уяўляецца магчымым вылучыць наступныя тыпы:

1) парэміі, якія рэпрэзентуюць універсальныя канстанты. Гэтыя адзінкі асэнсоўваюць лішак як пэўную мяжу, за якой любая пазітыўная тэндэнцыя непазбежна абарочваецца негатыўнымі наступствамі. Такія парэміі апелююць да фундаментальнага ўсведамлення фатальнасці любога лішку, канцэптуалізуючы яго як крытычную кропку. Гэта заканамернасць адлюстроўвае інтуітыўнае ўсведамленне раўнавагі і меры як прынцыпаў быцця. У беларускай традыцыі гэты тып прадстаўлены прагматычнымі і дастаткова зямнымі формуламі, напрыклад: *Усё добра, што ў меру, а што зашмат, тое не ў лад; Вышэй галавы не скочыш; За вялікім пагонішся – і малое страціш; Лепш менш, ды лепш; Што занадта, тое не на здароўе*; *Без меры няма веры.* Вобразам-індыкатарам для ілюстрацыі гэтай універсальнай заканамернасці ў многіх лінгвакультурах, і ў тым ліку беларускай, з'яўляецца вада – сімвал жыцця і адначасова сілы, што

можа гэта жыццё зруйнаваць. Беларускія парэміі *Праз меру і вада не смачная; Цераз край і вада не льецца* дэманструюць ідэю пра тое, што нават вада, самая неабходная рэч для жыцця, можа быць некарыснай. Разам з тым, той жа вобраз у беларусаў можа ўказваць на пазітыўную празмернасць, напрыклад: *Лішняя вада ў калодзежы не шкодзіць*. Такая амбівалентнасць увогуле характэрна для архетыпных культурных сімвалаў;

2) парэміі, якія рэпрэзентуюць празмернасць праз побытавыя і матэрыяльныя коды. У беларускім парэміялагічным фондзе празмернасць у побытавай сферы займае значнае месца, што сведчыць пра высокую ступень рэфлексіі над лішкамі і гаспадарчай нядбайнасцю ў паўсядзённым жыцці. Празмернасць у такіх адзінках маркіруецца канкрэтнымі вобразамі, якія паказваюць на практычную шкоду парушэння меры, напрыклад: *На двух крэслах не ўсядзіш; Адзін з сошкай, а сямёра з лыжкай; Ад лішняй яды галава нямее; Лішняя нітка палатну завада; Шырока крочыш – штаны парвеш; Многа жадаць – з авоськай спаць;*

3) парэміі, якія рэпрэзентуюць празмернасць праз фізіялагічна-гастранамічны код. У такіх парэміях лішак вядзе да фізіялагічных непажаданых наступстваў (хвароба, боль), напрыклад: *Перасоліш – не даясі, перахваліш – не ўсцешыш; Салодкая яда не заўсёды ў карысць; Ад лішняй яды галава нямее; Ад салодкага і зубы баляць; Ад салодкага і зубы баляць.* Гэтыя адзінкі ўказваюць на страту задавальненя, практычнай каштоўнасці праз пэўныя фізіялагічныя празмернасці, звязваючы фізічны дыскамфорт з ментальным цяжарам лішкаў;

4) парэміі, якія рэпрэзентуюць празмернасць праз сацыяльны код і камунікацыю. У беларускіх парэміях сацыяльны аспект абмежаваны сям'ёй ці невялікай супольнасцю. Акцэнт робіцца на праблемых, выкліканых залішнім кіраваннем ці несправядлівым размеркаваннем рэсурсаў унутры невялікай групы: *Адзін рот корміць, а дзесяць – паядаюць; Многа нянек – дзіця крывое; Дзе многа слоў, там мала справы; Хто шмат абяцае, той мала дае.* Такія адзінкі падкрэсліваюць важнасць парадку, асабістай адказнасці і справядлівасці ў вузкім коле, дэманструючы прагматычны і лакальны падыход да праблем сацыяльнай празмернасці;

5) парэміі, якія рэпрэзентуюць «пазітыўны лішак». Гэта рэдкі выпадак станоўчай канатацыі празмернасці. Такія прыклады паказваюць, што празмернасць не заўсёды ўспрымаецца выключна негатыўна, можа быць апраўдана ў пэўных сітуацыях, найперш звязаных з дабрабытам. У беларускай лінгвакультуры такія рэдкія прыклады, як *Ад лішку галава не баліць; Лішняя вада ў калодзежы не шкодзіць* звязаны з канцэпцыяй выжывання, запасаў на выпадак непрадказальных абставін або адсутнасці прамой шкоды ад лішняга.

Такім чынам, ядзернымі сродкамі рэпрэзентацыі семантыкі празмернасці ў беларускай парэміялагічнай лінгвакультуры, з'яўляюцца прэфіксы (*пера-, за-*), квантытатывы, спецыялізаваныя словы (*лішні*) і словы-інтэнсіфікатары. Беларускія парэміі часцей акцэнтуюць практычную шкоду і нерацыянальнасць

лішку, алегарычныя вобразы прысутнічаюць, але складаюць колькасную перыферыю. Адзінкавыя выпадкі «пазітыўнага лішку» звязаны з канцэпцыяй запасу.

ЛІТАРАТУРА

1. *Арутюнова*, Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
2. *Аксамітаў, А. Я.* Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы : тэмат. слоўнік / А. Я. Аксамітаў. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 444 с.
3. *Гілевіч, Н. С.* З народнай мудрасці : (прыказкі і прымаўкі) / Н. С. Гілевіч. – Мн. : БДУ, 1975. – 182 с.
4. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1976. – (Беларуская народная творчасць).
5. Янкоўскі, Ф. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. Янкоўскі. – Мн. : Выш. шк., 1992. – 504 с.
6. Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – Мн. : Выш. шк., 1974. – 384 с.

УДК 81.33

Соколова Ангелина Вячеславовна
ассистент кафедры языкознания и переводоведения
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия
Angelina.V.Sokolova@gmail.com

Angelina Sokolova
Assistant Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies
Moscow City University,
Moscow, Russia
Angelina.V.Sokolova@gmail.com

ПЕРЕВОД КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО: РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

TRANSLATION AS AN INTERCULTURAL MEDIATION: THE ROLE OF DISCURSIVE MARKERS IN POLITICAL COMMUNICATION

Статья посвящена дискурсивным частицам, позволяющим выявлять актуальные характеристики компонентов высказывания, что обеспечивает процесс межличностного взаимодействия. Подчеркивается значимость дискурсивных маркеров в политической коммуникации, а также необходимость сохранения исследуемых частиц при переводе.

Ключевые слова: *политический дискурс*; *дискурсивные частицы; русско-английский перевод; устный синхронный перевод; межкультурное взаимодействие*.

The article is devoted to discursive particles, which make it possible to identify the relevant characteristics of the utterance components to ensure the process of interpersonal interaction. The importance of discursive markers in political communication is emphasized. The author states that there is a need to preserve the particles in interpretation.

Key words: *political discourse; discursive particles; Russian-to-English interpretation; simultaneous interpretation; intercultural interaction*.

Как справедливо отмечает О. Н. Селиверстова, «…весьма частые смены парадигм в лингвистике XX века в значительной степени (не всегда, конечно) были вызваны не получением новых данных о языке, а сознательным или бессознательным стремлением упростить объект исследования с тем, чтобы к нему были приложимы более точные методы» [1, с. 13]. Представляется важным начать настоящую статью именно с данного замечания, поскольку оно во многом определяет направленность последующих выводов. Следует также подчеркнуть, что не ставится задача проследить, каким образом развивалась лингвистическая мысль в зависимости от выходящих на первый план научных подходов; не преследуется и идея дать оценку изысканиям отечественных и зарубежных

ученых разных периодов становления лингвистической науки. Актуальным видится лишь то, что наблюдаемая тенденция к объективизации, порой приводит к излишней формализации описания тех или иных явлений языка, что не может не привести к невольному упущению существенных составляющих интерпретации исследуемого феномена. Иными словами, в попытках достичь четкости описания ученые жертвуют, по их мнению, незначительными компонентами, которые не вписываются в общую модель, однако подобный подход приводит к искажению самого предмета исследования.

Схожая тенденция к опущению, на первый взгляд, несущественных элементов наблюдается и в переводе, в частности, в устном синхронном переводе, который более других его типов подвержен разного рода трансформациям, обусловленным, в первую очередь, временными ограничениями, скоростью и четкостью речи спикера и т. д. При этом кажется очевидным, что далеко не все преобразования текста на языке перевода могут быть оправданы описанными объективными трудностями осуществления самого процесса УСП. Более того, как показал критический анализ языкового материала, некоторые переводческие решения могут повлечь за собой значительные сдвиги в семантической структуре высказывания, что спровоцирует нарушение коммуникативного канала, поддержание которого имеет первостепенное значение именно в рамках политического взаимодействия.

Безусловно, как отечественные, так и зарубежные ученые неоднократно обращались к исследованию особенностей речевого поведения субъекта акта коммуникации в разных ситуациях кросс-культурного взаимодействия [2; 3], а также к поиску решений проблем перевода различных структур языка [4; 5; 6], однако немногие исследования были посвящены семантико-функциональным особенностям и стратегиям перевода дискурсивных маркеров, а именно дискурсивных частиц, употребляемых в «живой» речи политика.

Материалом работы выступают видео интервью / выступлений на пресс-конференциях политических деятелей Российской Федерации, а также записи русско-английского неподготовленного синхронного перевода выбранных фрагментов. В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к примерам из интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина американскому журналисту Т. Карлсону, которое политик дал в 2024 году. Длительность интервью составляет 1 час 10 минут. Длительность речи спикера (В. В. Путина) составляет 1 час 2 минуты. Первичная разметка скрипта (объем – 58,123 знака с пробелами), содержащего ответы Президента РФ на вопросы интервьюера, позволила выделить 45 контекстов, содержащих следующие дискурсивные частицы: *ведь* (3); *даже* (13); *именно* (9); *как бы* (4); *как раз* (2); *разве* (2); *только* (12).

Анализ скрипта устного синхронного перевода данных реплик показал, что в большинстве случаев переводчики (на записи звучат два голоса) опускали

исследуемые единицы, что в некоторых случаях приводило к модификации коммуникативного намерения автора высказывания, ср.:

- *А когда Варшава им в принципе ничего не ответила и практически **как бы** отвергла эти требования, они начали обращаться в Москву. – Warsaw declined and rejected that, and then they turned to Moscow.*
- *Они заигрались и вынудили Гитлера начать Вторую мировую войну **именно** с них. Почему началась война 1 сентября 1939 года **именно** с Польши? – The Poles played too much. As a result of that, Hitler started the war with them against them on the 1st of September 1939*
- ***Даже** если мы вспомним, назад вернёмся, 1654 год, когда эти территории вернулись в состав Российской империи… – In 1654 when Ukraine was reunified, got reunified with Russia…*
- *Это было Великое Литовское княжество. Его **даже** называли Литовско-Русское, потому что… – The Grand Lithuanian Duke Dom… The Lithuanian-Russian duchy, as…*
- ***Ведь** этот развал Советского Союза был инициирован, по сути, руководством России. – The collapse of the Soviet Union was basically the initiative of the Russian leadership.*
- *А после Второй мировой войны Украина получила ещё часть не **только** польских до войны территорий – сегодня Западная Украина, часть венгерских территорий и часть румынских. – And after the Second World War, Ukraine received part of the lands that belonged to Poland before and part of land that had belonged to Hungary and Romania before.*

Как видно из примеров, опущение микроструктурных элементов напрямую влияет на коммуникативную нагрузку высказывания. Так, например, во втором фрагменте В. В. Путин не случайно использует повтор, а также риторический вопрос, что позволяет спикеру, с одной стороны, подчеркнуть свою позицию, с другой стороны, побудить собеседника к построению собственных выводов с опорой на доводы оппонента. При переводе данный пример, как и другие, преобразуются в перечисление исторических фактов, в некоторой степени лишенных личной оценки говорящего, что, вне всяких сомнений, искажает интенцию автора и не может обеспечить реакцию получателя сообщения на иностранном языке сопоставимую с откликом носителей русского языка.

Следует также отметить, что в ряде случаев переводчик не опускает дискурсивный маркер, однако причиной этому служит скорее тот факт, что высказывание содержит устойчивую конструкцию – частица *даже* в связке с союзом *если*: *…было сказано, что, **если даже** советские самолёты полетят в сторону Чехословакии через территорию Польши, они будут сбиваться над территорией Польши. – …said that **even if** Soviet planes would fly over Poland, they would be downed, he said. But it doesn't matter.* Другим обьяснением может послужить длина предложения, наличие в нем прецизионной информации, ср.: *У*

*нас с ним **даже** на этот счёт не было никаких разговоров. –We haven't **even** had any conversation on that.*

Как отмечает О. А. Сулейманова, существует острая необходимость «очертить пути развития переводческой профессии, а также в режиме опережения готовить профессиональных переводчиков <…>, вооружая их разнообразными навыками» [7, с. 120], среди которых должна быть системная отработка не только базовых стратегий перевода (например, русское обстоятельство времени / места / причины – английское подлежащее, ср.: *В прошлом году произошло / В Москве заявили / Из-за землетрясения погибло – Last year witnessed / Moscow stated / The earthquake claimed*), но и попытка сфокусировать внимание как молодого поколения переводчиков, так и более опытных коллег на не менее частотных, но более «уязвимых» при переводе структурах, в частности, дискурсивных частицах, отличающихся исключительным функционально-семантическим разнообразием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Селиверстова, О. Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С.12-26.
2. *Карданова-Бирюкова, К. С.* Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) / К. С. Карданова-Бирюкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 85-97.
3. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе : монография / О. А. Сулейманова, Д. Б. Никуличева, М. А. Фомина [и др.] ; под общ. ред. О. А. Сулеймановой. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2018. – 304 с.
4. История, теория и дидактика переводческой деятельности / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова, В. И. Ермолович, К. И. Таунзенд [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Гавриленко. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2023. – 208 с.
5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622085 Российская Федерация. Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод - тексты и видеозаписи) : № 2022621929 : заявл. 02.08.2022 : опубл. 18.08.2022 / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, А. В. Соколова, М. А. Фомина ; заявитель Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». – EDN CZFRQX.
6. *Соколова, А. В.* Анализ особенностей синхронного русско-английского перевода высказываний-хеджей, описывающих когнитивные

операции говорящего (на материале корпуса устного перевода) / А. В. Соколова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 267-271.

7. *Сулейманова, О. А.* К вопросу об оптимизации модели подготовки современного переводчика / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, Т. Ю. Голубева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1(37). – С. 114-122.

УДК 81.33

Рябова Марина Эдуардовна
доктор философских наук,
профессор, профессор кафедры
германистики и лингводидактики
Московский городской педагогический
университет
г. Москва, Россия
ryabovaMEh@mgpu.ru

Тульцева Анастасия Эдуардовна
Старший преподаватель
кафедры германистики и
лингводидактики
Московский городской педагогический
университет
г. Москва, Россия
tulcevaae@mgpu.ru

Marina Ryabova
Doctor of Philosophical Sciences,
Full Professor
Professor of the Department of German
Studies and Linguistic Didactics,
Moscow City University,
Moscow, Russia
ryabovaMEh@mgpu.ru

Anastasia Tultseva
Senior Lecturer of the Department of
German Studies and Linguistic Didactics,
Moscow City University,
Moscow, Russia
tulcevaae@mgpu.ru

АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПЛАТФОРМЫ PERPLEXITY

ANALYSIS OF ADAPTATION OF LANGUAGE CAPABILITIES OF THE PERPLEXITY PLATFORM

В статье актуализируется эволюция языковых возможностей платформы Perplexity AI и анализируются три ключевых направления адаптации: внедрение функции изучения иностранных языков, персонализация ответов через механизмы памяти и профилирования пользователя, а также участие в разработке многоязычных моделей для языков с ограниченными цифровыми ресурсами. Делается вывод о существовании «языкового неравенства» в современных ИИ-интерфейсах.

Ключевые слова*: Perplexity AI; языковая адаптация; большие языковые модели; персонализация, изучение языков; многоязычные модели.*

This article updates the evolution of the Perplexity AI platform's language capabilities and analyzes three key areas of adaptation: the implementation of foreign language learning, personalized responses through memory and user profiling mechanisms, and participation in the development of multilingual models for languages with limited digital resources. It concludes that a "linguistic divide" exists in modern AI interfaces.

Key words*: Perplexity AI; language adaptation; large language models; personalization, language learning; multilingual models.*

В настоящее время является очевидным, что стремительное развитие генеративных нейросетей привело к трансформации традиционных поисковых систем в интеллектуальных ассистентов, способных не только находить информацию, но и адаптироваться к коммуникативным предпочтениям пользователя. Актуальность исследования обусловлена расширением глобальных ИИ-сервисов на неанглоязычные рынки и необходимостью оценки качества их локализации.

Развитие подобных систем связано с широким распространением крупных языковых моделей (Large Language Moodels, LLM), описанных в работах T. B. Brown [1]. Эти модели демонстрируют высокую эффективность при обработке естественного языка и способны генерировать связные тексты, отвечая на сложные запросы пользователей. В то же время большинство современных языковых моделей обучается преимущественно на англоязычных корпусах, что приводит к так называемому языковому дисбалансу и снижению качества обработки менее представленных языков. По мнению E. M. Bender, подобная ситуация может приводить к систематическим ограничениям в понимании культурно и лингвистически специфичных элементов [2]. К тому же заявления авторов о поддержке языка далеко не всегда гарантируют высокое качество семантической обработки, культурную релевантность и адекватность генерируемых ответов для носителей неанглоязычных культур.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте развития интеллектуальных характеристик нейронных сетей, таких, как «способность к обучению, адаптивность и возможность обработки сложных данных, которые делают их эффективным средством для анализа и прогнозирования» [3, с. 153]. В связи с этим возникает необходимость изучения особенностей функционирования таких систем в различных языковых средах.

Платформа Perplexity AI, основанная в 2022 году бывшими исследователями OpenAI, Meta и Quora (А. Сринивасом, Д. Яратсом, Д. Хо и Э. Конвински), представляет собой характерный пример такой эволюции [4]. К середине 2025 года платформа достигла объема обработки более 780 миллионов поисковых запросов ежемесячно, что свидетельствует о ее растущем влиянии на рынке ИИ-решений.

Целью статьи является выявление закономерностей функционирования платформы Perplexity при обработке запросов на русском языке и немецком языках, включая семантическое понимание, генерацию ответов и работу с культурно-специфическим контентом.

Методологическую основу составили сравнительный анализ ответов на параллельные запросы (русский/немецкий), экспертная оценка лингвистической корректности и тестирование на предмет учета региональных реалий. Установлено, что платформа демонстрирует высокую эффективность при работе

с фактологическими запросами, однако испытывает некоторые трудности при интерпретации идиом, неологизмов и контекстно-зависимых конструкций. Высказано предположение о связи качества ответов с доступностью англоязычных источников по теме запроса.

Обратимся к более подробному описанию особенностей и функционала данной платформы. Фундаментальной отличительной чертой Perplexity является применение архитектуры Retrieval-Augmented Generation (RAG), которая обеспечивает принципиально иной подход к генерации ответов по сравнению с традиционными чат-ботами. При поступлении запроса система выполняет поиск в интернете в реальном времени, извлекает фрагменты из релевантных источников и передает их в языковую модель для формирования итогового ответа. Данный подход не только минимизирует проблему предоставления недостоверной информации, но и создает технологическую основу для языковой адаптации.

Следует отметить, что существует обычная и Pro-версии модели, и преимуществом последней является тот факт, что для ее пользователей возможен выбор между различными другими языковыми моделями - GPT-5.2, Claude 4.5 Sonnet, Gemini 3 Pro, Grok 4.1 и собственные модели Sonar от Perplexity.

К числу недавних разработок модели относится функция ИИ-тренера, помогающего изучить иностранные языки, что даже составило определенную конкуренцию популярным мобильным приложениям для их изучения, таким, как например Duolingo.

Ключевым направлением языковой адаптации Perplexity является внедрение персонализации на основе пользовательских данных. В ноябре 2025 года компания анонсировала функцию памяти (memory), позволяющую ассистентам запоминать предпочтения, интересы и контекст предыдущих взаимодействий.

Принципиальное отличие подхода Perplexity заключается в том, что история коммуникации с пользователем не используется в качестве тренировочных данных для модели, а напрямую применяется для формирования ответов. Традиционные модели рассматривают историю пользователя как вероятностный контент для генерации следующего токена, тогда как Perplexity извлекает релевантный контекст из хранилища памяти и использует его непосредственно при формировании ответов. К тому же, в своем личном профиле в приложении пользователь может указать свои данные – возраст, местоположение, интересы, предпочтительный язык. В таком случае модель дает более персонифицированные ответы.

Следует отметить, что данная концепция играет большую роль для развития ИИ-экосистем. Формируется новый тип взаимодействия между ИИ-моделью и чловеком, при котором не пользователь подстраивается под конкретную модель, а модель адаптируется под когнитивные особенности и коммуникативные предпочтения пользователя.

Крайне важным аспектом языковой адаптации Perplexity является также участие в разработке многоязычных моделей для языков с ограниченными цифровыми ресурсами. Perplexity участвует в создании многоязычных ИИ-моделей для шведского, французского, немецкого и других языков. Это направление деятельности свидетельствует о понимании разработчиками того факта, что языковая адаптация не может ограничиваться поддержкой доминирующих языков (английского, китайского, испанского), но должна включать развитие инструментов для сохранения и поддержки иного лингвистического разнообразия. Целесообразно при этом применить комплексную систему критериев, которая включает лингвистическую корректность, семантическую адекватность, прагматическую уместность и культурную релевантность.

Для более детального выявления особенностей функционирования платформы был проведен сравнительный анализ ответов Perplexity на параллельные запросы на русском и немецком языках и проводилась оценка лингвистической корректности, семантической адекватности и культурной релевантности ответов. Для обеспечения представленности выборки был разработан набор из 80 параллельных запросов на русском и такое же количество эквивалентных запросов на немецком языке, которые были сгруппированы по трем тематическим блокам:

1. фактологические запросы, которые предполагали получение объективной информации, например, *«Когда был основан Московский государственный университет» („Wann wurde die Moskauer staatlicher Universität gegründet?“);*
2. идиоматические выражения, например, *«водить за нос» („j-n an der Nase herumführen“);*
3. культурно-маркированные вопросы, требующие знания локальных реалий и исторического контекста, например, *«В чем особенность высшего образования в России?» („Was sind die Besonderheiten die Hochschulbildung in Russland?“).*

Следует отметить, что ответы анализировались в бесплатной версии платформы; возможно отличие результатов при премиум-доступе.

При анализе ответов оценивалась полнота, точность и структурированность ответов на русском и немецком языках по единой шкале от 1 до 5 баллов; оценивалась грамматическая корректность, стилистическая адекватность и точный перевод идиом. При этом отмечались случаи ошибочной интерпретации региональных реалий, неверных социально-культурных обобщений и буквальную трактовку фразеологии, так, например, запрос *«Что значит «водить за нос?»* платформа на русском языке показала точное объяснение с примерами из контекста (оценка 5 баллов), в то время как на немецком эквиваленте ответ был грамматически верен, но семантически упрощен, без нюансов эмоциональной окраски (оценка 4 балла). Также в

фактологических запросах ответы на русском демонстрировали большую точность дат и фактов (средний балл 4,8), чем на немецком (4,2), где встречались небольшие орфографические ошибки в топонимах, например *„Moskauer staatlicher Universität“*, вместо *„staatliche“*.

Для идиоматических выражений разница была более заметна: русский вариант платформы справлялся с фразеологическими нюансами в 88% случаев (средний балл 4,5), предлагая синонимы и конкретные контексты, с объяснениями и примерами из литературы и быта *(«обманывать, вводя в заблуждение»*), в то время как немецкие ответы часто ограничивались буквальным переводом (средний балл 3,7), игнорируя идиоматические вариации типа *„an der Nase herumführen“* в разговорных регистрах и приводя лишь упрощенное значение этого фразеологизма *„j-n täuschen“*.

Культурно-маркированные вопросы выявили наибольшие расхождения: на русском ответы адекватно отражали специфику при запросе охарактеризовать систему российского высшего образования (бесплатное или платное образование, соответствие программ вузов реальным требованием работодателей), в немецком же преобладали обобщения стереотипного характера *(„zentralisiertes System mit Schwerpunkt Theorie“*).

Результаты эксперимента по тематическим блокам можно представить в виде таблицы.

Таблица

Сравнительные результаты анализа языковой адаптации Perplexity по тематическим блокам для русского и немецкого языков

Блок запросов	Русский язык (средний балл)	Немецкий язык (средний балл)
Фактологические (n=30)	4,8	4,1
Идиоматические (n=25)	4,5	3,4
Культурные (n=25)	4,3	3
Общий средний балл	4.5	3,8

Таким образом, можно сделать вывод, что платформа Perplexity лучше адаптирована к русскому языку (общий средний балл 4,5), особенно в культурных и идиоматических аспектах; ответы же на немецком языке представлены в данном случае в более упрощенном виде. Данный факт требует будущей доработки в будущих обновлениях платформы.

Нельзя оставить без внимания также тот факт, что, как и другие ИИ-системы, Perplexity сталкивается с проблемой генерации правдоподобных, но фактически неверных ответов, так называемых «галлюцинаций». Например, при заведомо выдуманном идиоматическом выражении на русском языке «во всю

воронежскую» вместо «во всю ивановскую», платформа придумала его объяснение с оговоркой, что это выражение встречается редко.

Очевидно, что, как и другие ИИ-платформы, Perplexity также представляет собой инструмент, который существенно может обогатить методику преподавания иностранных языков. Но лишь от преподавателя будет зависеть, насколько грамотно ИИ может быть интегрирован в педагогический процесс, поскольку центрльная роль человека в обучении должна быть обязательно сохранена [5, с. 114].

Следует отметить также все чаще встречающуюся проблему академической честности и этичного использования ИИ-моделей при написании научных работ, как отмечала, например, И.В. Тивьяева [6]. Генерируемый контент должен подлежать тщательной проверке, особенно если речь идет о ссылках на источники литературы, что очень важно, например, при написании разного рода итоговых студенческих работ [7].

Анализ языковой адаптации платформы Perplexity позволяет сделать вывод о формировании новой парадигмы взаимодействия человека и искусственного интеллекта. В литературе уже отмечалось, что «развитие искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей приводит к интеграции субъекта в информационно-коммуникационную среду, которая становится необъемлемой частью его активности, включающей его виртуальную представительство в цифровом пространстве» [8, с. 101]. От простого предоставления информации на основе поисковых запросов платформа эволюционирует к персонализированному ассистенту, способному адаптироваться к языковым предпочтениям, уровню владения языком и когнитивным паттернам пользователя.

Следует отметить три основных направления адаптации Perplexity – это образовательная функция, персонализация через память и участие в разработке многоязычных моделей отражают общую тенденцию развития ИИ, а именно движение от универсальных инструментов к контекстно-осознанным системам, учитывающим индивидуальные и культурные особенности пользователей.

Таким образом, можно сделать вывод, что результаты исследования указывают на необходимость углублённой лингвокультурной адаптации англоцентричных ИИ-платформ. Можно сделать вывод о том, что техническая поддержка как русского, так и немецкого языка не всегда коррелирует с качеством семантической обработки, что требует разработки специализированных языковых моделей для обеспечения полноценной языковой инклюзивности в глобальных ИИ-сервисах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J.D., et al.* Language Models Are Few-Shot Learners //Advances in Neural Information Processing Systems, 33, pp. 1877-1901.

2. *Bender, E. M., Gebru, T., McMillan-Major, A., & Shmitchell, S.* On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT'21), 2021, pp. 610-623. doi.org/10.1145/3442188.3445922

3. *Шатохина, О. А.* Использование нейронных сетей для адаптивного обучения иностранным языкам / О. А. Шатохина, М. Э. Рябова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2025. – № 3(72). – С. 153-164. – DOI 10.26456/vtpsyped/2025.3.153. – EDN PWBBZI.

4. *Perplexity AI Team.* Introducing AI assistants with memory. Perplexity AI Official Blog, November 26, 2025. – URL: https://geekflare.com/ai/glossary/perplexity-ai/

5. *Тульцева, А. Э.* Интеграция большой языковой модели Qwen3-Max в методику преподавания русского языка как иностранного: потенциал и ограничения / А. Э. Тульцева // Проблемы подготовки будущих учителей русского языка в странах Африки вне естественного русскоязычного лингводидактического образовательного пространства : Материалы Международной научно-практической конференции, Липецк, 13 ноября 2025 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 110-114. – EDN BQCPCT.

6. *Тивьяева, И. В.* Академическая коммуникация в эпоху больших языковых моделей: этический аспект / И. В. Тивьяева // Педагогический дискурс: вызовы цифровизации и трансформация образовательных практик : Материалы IV Всероссийской конференции, Москва, 03–05 марта 2025 года. – Москва: ООО "Языки народов мира", 2025. – С. 396-402. – EDN ZOQTVI.

7. *Тивьяева, И. В.* Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе / И. В. Тивьяева, С. В. Михайлова, А. А. Казанцева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2024. – № 2(54). – С. 202-218. – DOI 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15. – EDN AAGZXZ.

8. *Рябова, М. Э.* Цифровой субъект в культуре сетевой повседневности: вызовы и перспективы / М. Э. Рябова // Вестник Гуманитарного университета. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 99-105. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08. – EDN CQXIOU.

УДК 811.161.3

Чайка Наталля Уладзіміраўна
доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Natallia Uladzimirauna Chaika
Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

СЕМАНТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ КАНСТРУКЦЫЙ З ЭЛІПСІСАМ ДЗЕЯСЛОВА

SEMANTIC ORGANIZATION OF SENTENCES WITH VERB ELLIPSIS

У артыкуле даследуюцца семантычныя асаблівасці канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў беларускай мове, якія характарызуюцца пропускам дзеяслоўнага кампанента пры захаванні сэнсавай паўнаты выказвання. Прааналізавана ўзаемадзеянне сінтаксічных, семантычных і прагматычных фактараў, якія ўплываюць на інтэрпрэтацыю эліптычных канструкцый у кантэксце сучаснай беларускай мовы. Адзначаецца, што эліпсіс дзеяслова з'яўляецца тыповым сродкам эканоміі моўных сродкаў і стварэння кароткіх, дынамічных выказванняў, што асабліва актуальна ў сферы медыйнай камунікацыі і гутарковай мовы. Даследаванне накіравана на выяўленне спецыфічных рыс функцыянавання эліптычных канструкцый у беларускай мове з улікам прагматычнага кантэксту і кагнітыўных механізмаў разумення мовы.

К л ю ч э в ы я с л о в ы: *эліпсіс дзеяслова; семантыка; сінтаксіс; прагматыка; беларуская мова; камунікацыя; эканомія мовы.*

This article examines the semantic characteristics of sentences with verb ellipsis in the Belarusian language, which are characterized by the omission of the verbal component while preserving the semantic integrity of the statement. The interaction of syntactic, semantic, and pragmatic factors influencing the interpretation of elliptical sentences within the context of contemporary Belarusian is analyzed. It is noted that verb ellipsis is a typical means of economizing linguistic resources and creating concise, dynamic statements, which is particularly relevant in the sphere of media communication and colloquial language. The study aims to identify the specific features of the functioning of elliptical sentences in Belarusian, taking into account the pragmatic context and cognitive mechanisms of language comprehension.

K e y w o r d s: *verb ellipsis; semantics; syntax; pragmatics; Belarusian language; communication; language economy.*

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы на сучасным этапе выклікала значнае пашырэнне адзінак дынамічнага сінтаксісу: канструкцый з эліпсісам дзеяслова, парцэляваных канструкцый, канструкцый з імпліцытнай семантыкай, з сінтаксічнай рэдукцыяй і кампрэсіяй, вытворных канструкцый, падпарадкаваных універсальным філасофскім законам актуалізацыі неабходнай

інфармацыі. Антрапацэнтрычны характар сучасных моўных працэсаў выклікаў тэндэнцыю да ўдасканалення механізмаў рэгулявання моўнай сістэмы, што паўплывала на карэляцыю паміж развіццём мыслення і матэрыяльнымі сродкамі яго выражэння. У сувязі з гэтым тыпалагічнае апісанне адзінак дынамічнага сінтаксісу з выяўленнем спецыфікі моўных з'яў і заканамернасцей іх функцыянавання стала адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннага і замежнага мовазнаўства. Гэту працу ў поўным аб'ёме магчыма ажыццявіць толькі з дапамогай вытлумачальнага патэнцыялу тыпалагічнай характарыстыкі аб'екта і метадалогіі, якая выяўляе сутнасць і прыроду сінтаксічнай з'явы.

Трансфармацыя сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы тлумачыцца агульнымі тэндэнцыямі сучаснасці – эканоміі моўных сродкаў, дыстынктнасцю выказвання, тэндэнцыяй да аналітызму і патрэбай інфармацыйнага акцэнтавання. Названыя фактары абумоўліваюць шырокае функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый – канструкцый няпоўных, эліптычных, вытворных, рэдукаваных, парцэляваных і сегментаваных, а таксама з імпліцытнай семантыкай. Сінтаксічная сістэма беларускай мовы імкліва мяняе аблічча – канструкцыі набываюць структурную фрагментарнасць, сінтаксічныя сувязі і адносіны нейтралізуюцца, канструкцыі скарачаюцца да памеру рэплікі, прэдыкатыўнасць выражаецца сродкамі кантэксту або імпліцытна, часцей назіраецца «другаснае прэдыцыраванне» ў сказах розных структурных тыпаў. Таму падобныя з'явы выклікаюць цікавасць даследчыкаў на сучасным этапе.

Семантычная арганізацыя канструкцый з эліпсісам дзеяслова як адметная з'ява беларускай мовы, якая адлюстроўвае эканомію моўных сродкаў і экспрэсіўнасць выказвання, патрабуе грунтоўнага лінгвістычнага аналізу. Актуальнасць даследавання абумоўлена некалькімі фактарамі. Па-першае, эліпсіс дзеяслова з'яўляецца тыповым сродкам фарміравання кароткіх і дынамічных выказванняў, шырока прадстаўленым у сучаснай беларускай мове, асабліва ў сферы медыйнай камунікацыі і гутарковай мовы. Па-другое, нягледзячы на значную колькасць прац, прысвечаных праблеме эліпсіса ў розных мовах, структура і функцыянаванне эліптычных канструкцый з дзеясловам у беларускай мове патрабуе ўдакладнення. Акрамя таго, вывучэнне сінтаксічнай арганізацыі эліптычных канструкцый мае важнае значэнне для ўдакладнення граматычнай тэорыі, а таксама для практыкі выкладання беларускай мовы, у прыватнасці, для фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі навучэнцаў. Такім чынам, комплекснае даследаванне сінтаксічных і семантычных асаблівасцей канструкцый з эліпсісам дзеяслова ўяўляецца надзвычай актуальным і неабходным для далейшага развіцця беларускага мовазнаўства.

Семантычная арганізацыя эліптычных канструкцый вывучалася прадстаўнікамі розных школ і напрамкаў – структурнай лінгвістыкі (Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А. В. Грудзева, А. М. Мухін, Т. Д. Шабанава) [1–5], семантычнага напрамку ў мовазнаўстве (К. Карлсан, П. А. Лекант, Г. А. Золатава) [6–8],

функцыянальнага напрамку даследавання (Т. А. Коласава, Я. У. Лісочанка, С. С. Дзікарова, Б. Хаўнспергер, А. Унішэўска) [9–13]. У рамках структурнай лінгвістыкі, як адзначае Дж. Арма, эліпсіс разглядаецца як працэс выключэння элементаў з паверхневай структуры сказа пры захаванні поўнай семантычнай інтэрпрэтацыі [1]. А. В. Грудзева падкрэслівае, што эліпсіс абумоўлены прынцыпам эканоміі моўных сродкаў і спрыяе спрашчэнню сінтаксічнай структуры, не ўплываючы на агульны сэнс выказвання [3]. А. М. Мухін акцэнтуе ўвагу на фармальных крытэрыях вызначэння эліптычных канструкцый, у прыватнасці, на магчымасці аднаўлення прапушчаных элементаў з кантэксту [4]. Семантычны напрамак у мовазнаўстве звяртае ўвагу на ролю семантычнага кантэксту ў разуменні эліптычных канструкцый. К. Карлсан сцвярджае, што разуменне эліпсісу залежыць ад наяўнасці агульнай семантычнай базы ведаў у камунікантаў [6]. П. А. Лекант адзначае, што эліптычныя канструкцыі часта выкарыстоўваюцца для выражэння тэматычнай інфармацыі, якая ўжо вядомая слухачу [7]. Г. А. Золатава разглядае эліпсіс як сродак выражэння імпліцытнасці ў мове, падкрэсліваючы яго сувязь з працэсамі кагнітыўнай апрацоўкі інфармацыі [8]. Функцыянальны напрамак даследавання эліптычных канструкцый акцэнтуе ўвагу на іх камунікатыўнай функцыі і на ролі кантэксту ў іх інтэрпрэтацыі. Т. А. Коласава падкрэслівае, што эліптычныя канструкцыі выкарыстоўваюцца для стварэння эфекту лаканічнасці і дынамічнасці выказвання [9]. Я. У. Лісочанка адзначае, што эліпсіс можа служыць сродкам выражэння эмацыянальнай ацэнкі і суб’ектыўнага стаўлення да прадмета выказвання [10]. Б. Хаўнспергер разглядае эліптычныя канструкцыі як сродак узмацнення камунікатыўнага ўздзеяння на адрасата [12].

Нягледзячы на значную колькасць даследаванняў, семантычная арганізацыя эліптычных канструкцый у беларускай мове, асабліва канструкцый з эліпсісам прэдыката, застаецца недастаткова вывучанай. Неабходна даследаваць узаемадзеянне семантычных, сінтаксічных і прагматычных фактараў, якія ўплываюць на інтэрпрэтацыю эліптычных канструкцый у кантэксце беларускай мовы. Важным з’яўляецца вызначэнне семантычных роляў, якія выконваюць розныя кампаненты эліптычных структур, і аналіз механізмаў аднаўлення прапушчаных элементаў на аснове кантэксту і ведаў пра свет. Такое даследаванне дазволіць паглыбіць разуменне асаблівасцей функцыянавання эліптычных канструкцый у беларускай мове і вызначыць іх ролю ў камунікатыўным працэсе.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца комплексны семантычны аналіз канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў беларускай мове. Для дасягнення пастаўленай мэты запланавана вырашэнне задач – прааналізаваць семантычныя асаблівасці залежных кампанентаў эліптычных канструкцый, у прыватнасці, інтэнсіўнасць і характар семантычных сувязей паміж кампанентамі, а таксама выявіць спектр семантычных функцый, якія выконваюць эліптычныя

канструкцыі ў беларускім маўленні, уключаючы выражэнне прэсупазіцый, імплікацый і іншых неяўных значэнняў.

Для вырашэння пастаўленых задач выкарыстоўваецца комплекс метадаў, уключаючы метад кампанентнага аналізу для выяўлення семантычных прыкмет кампанентаў эліптычных канструкцый, метад дыстрыбуцыйнага аналізу для высвятлення валентнасных сувязей дзеяслова, метад кантэкстнага аналізу для вызначэння ролі кантэксту ў інтэрпрэтацыі эліпсісу і метад семантычнага мадэлявання для прадстаўлення семантычнай структуры эліптычных канструкцый.

У якасці матэрыялу даследавання выкарыстоўваюцца прыклады эліптычных канструкцый з дзеясловам, адабраныя з беларускай мастацкай літаратуры, публіцыстыкі, гутарковай мовы і электронных тэкстаў.

Характар аб'екта даследавання (семантычная арганізацыя сінтаксічнай адзінкі) патрабуе абавязковай яго фармалізацыі. Мадэлі і схемы канструкцый з эліпсісам дзеяслова адлюстроўваюць найбольш значныя ўласцівасці аб'екта сінтаксісу: кампанентны склад мадэлей пэўнага семантычнага тыпу і від кампенсаторнага кампанента, што дае магчымасць сістэматызаваць і класіфікаваць названыя аб'екты. Фармалізацыя сінтаксічнага аб'екта дазваляе ў поўнай меры прымяніць колькасныя параметры пры пабудове тыпалогіі і выявіць ступень рэгулярнасці сінтаксічных з'яў і іх характар. Статыстычны аналіз выступае адным з асноўных пры пабудове сістэмы семантычных тыпаў канструкцый з эліпсісам дзеяслова: універсальны або ўнікальны характар элементаў сістэмы абумоўлены, ак рамя якасных, колькаснымі параметрамі. Такім чынам, пабудова кампенсаторнай тыпалогіі семантычнай арганізацыі канструкцый з эліпсісам дзеяслова падразумявае выяўленне сістэмы семантычных тыпаў, сістэмы кампенсаторных кампанентаў (паказчыкаў семантыкі), якаснага складу мадэлей з рознай семантыкай, ступені частотнасці і прадуктыўнасці мадэлей. Сістэма семантычных тыпаў канструкцый з эліпсісам дзеяслова пабудавана намі на аснове кампенсаторнай прыкметы, яна прадстаўлена 10 элементамі. Колькасць семантычных тыпаў канструкцый з эліпсісам дзеяслова абмежавана, што абумоўлена спецыфікай іх структурнай арганізацыі немагчымасцю рэалізаваць асобныя тыпы семантыкі з дапамогай залежных кампанентаў (аб'ектнага і акалічнаснага відаў). Не могуць рэалізавацца некаторыя віды семантыкі нязменнага стану тыпу *Бацька – настаўнік*, што вызначаецца спосабам выражэння прэдыкатыўнага кампанента. Іменныя часціны мовы, што выконваюць функцыю выказніка, не могуць мець залежных кампанентаў, што выступалі б у якасці кампенсаторнага. Пэўныя віды семантыкі стану могуць рэалізавацца ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова толькі пры ўмове сінанімічных пераўтварэнняў тыпу *Мікола – у камсамольцах*.

У канструкцыях з эліпсісам дзеяслова не зафіксавана ні адна з разнавіднасцей семантыкі актыўнага дзеяння, не звязанага непасрэдна з аб'ектам, тыпу *настаўнічаць, сталярнічаць*. Працяглае актыўнае дзеянне

функцыянальна набліжаецца да семантыкі стану, а гэта значыць – у мадэлі будуць адсутнічаць аб'ектныя кампаненты, што выступаюць у якасці кампенсаторных. Семантыка актыўнага дзеяння можа быць прадстаўлена ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова пры ўмове наяўнасці кампанентаў, што ўказваюць на спосаб або час працякання працэсу і змяшчаюць прамое ўказанне на адпаведную семантыку: *Зязюля. А хто мне дасць навейшае абсталяванне для кармацэха – ты, суседзі?! Мужчына ў акулярах. Дзіўна! З такой псіхалогіяй – і столькі гадоў на чале калектыву…* (А. Дзялендзік).

Найбольш тыповай для канструкцый з эліпсісам дзеяслова з'яўляецца семантыка дынамічнай лакалізацыі. Гэта абумоўлена тым фактарам, што абмежаваны характар семантычнай спалучальнасці лакатываў дазваляе ім набываць дамінантны характар у рэалізацыі семантыкі руху: пры адсутнасці кампанента з аб'ектным значэннем кампанент з лакатыўным значэннем маркіруе выключна семантыку дынамічнай лакалізацыі: *Галгоўскі – у горад свой родны, // Падгол – у любімы калгас* (П. Броўка). Гэта дазваляе зрабіць выснову, што тып прэдыката вызначае якасны склад кампанентаў мадэлі і, адпаведна, тыповы характар у працэсе функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова маюць менавіта семантычныя кампаненты, а не сінтаксемы, як лічаць некаторыя даследчыкі. Сінтаксемы набываюць поліфункцыянальны характар і часам утвараюць значны функцыянальны дыяпазон. Аднак пры гэтым яны не маюць семантычнага напаўнення і выступаюць базавымі структурнымі кампанентамі. Семантыка дынамічнай лакалізацыі найбольш прадуктыўная ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы: яна прадстаўлена класам, які ўключае значную колькасць відаў, што адлюстроўваюць усе магчымыя сэнсавыя адценні: рух суб'екта ад пачатковага пункта, рух, суадносны са спосабам, і інш.. Пашыранае функцыянаванне эліптычных канструкцый з семантыкай дынамічнай лакалізацыі абумоўлена значным дыяпазонам сэнсавых адценняў кампанентаў з лакатыўным значэннем і кампанентаў, што ўскосна маркіруюць семантыку руху, – фінітыў, медыятыў, дыменсіў і інш.: *Уладзімір Андрэевіч, да вас настаўніца, Лідзія Сямёнаўна* (А. Макаёнак); *А немцы, немцы – сургунём. // Ён палівае іх агнём* (П. Броўка).

Іх камбінацыя ў спалучэнні з кампанентамі аб'ектнага і суб'ектнага тыпу дазваляе сфарміраваць самы вялікі клас мадэлей у сінтаксічнай сістэме беларускай мовы. Прадуктыўнасць канкрэтнай мадэлі абумоўлена фармальна-граматычным дыяпазонам кампанентаў, што ўваходзяць у яе склад. Устаноўлена, што транзітыў можа выражацца амаль усімі формамі назоўнікаў, займеннікаў, а таксама прыслоўямі. Мадэль *агенс – прэдыкат – транзітыў* з'яўляецца найбольш прадуктыўнай і набывае ўніверсальны характар: *Дарога полем, // Блізка лес. // Насустрач – афіцэр СС* (П. Броўка); *Чытальная зала. // Акно. // І холад пустога перона. // Снягоў галашэнне. // Яно – за мною ў дзверы вагона* (Л. Дранько-Майсюк).

Унікальны характар мадэлей абумоўлены фактарам фармальнага абмежавання. Напрыклад, каагенс і дыстрыбутыў-2 могуць выражацца выключна назоўнікамі і займеннікамі ў форме творнага склону, таму мадэль *агенс – каагенс – прэдыкат – дыстрыбутыў-2* з'яўляецца малапрадуктыўнай і ўнікальнай: *– Ён жа ўсё па начах то з дзеўкай, то яшчэ з кім! – Яшчэ невядома, ты з кім* (І. Мележ).

Сістэматызацыя кампенсаторных кампанентаў у градуальным парадку дазваляе прадставіць іх ролю ў функцыянаванні канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Універсальны характар мае дырэктыў-фініш, паколькі гэта адзін з тыповых сродкаў рэалізацыі семантыкі дынамічнай лакалізацыі. Пры гэтым спосабы выражэння названага кампанента самыя разнастайныя. Унікальны характар маюць эліптычныя канструкцыі з каагенсам у функцыі кампенсаторнага кампанента тыпу *Мацей па начах – то з парторгам, то з партызанамі*, што абумоўлена нязначным дыяпазонам спосабаў выражэння (толькі форма творнага склону).

Эліптычныя канструкцыі выступаюць тыповым сродкам рэалізацыі семантыкі статальнай лакалізацыі, што абумоўлена іх структурна-семантычнымі асаблівасцямі. Тып прэдыката вызначае якасны склад кампанентаў: экзісцыенс, статальны прэдыкат і лакатыў. Лакатыў выступае ў якасці кампенсаторнага кампанента і мае канстантны характар. Семантыка статальнай лакалізацыі ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы мае сярэднюю ступень прадуктыўнасці: яна прадстаўлена невялікім класам элементаў: статальная лакалізацыя ў межах прасторавага арыенціра, статальная лакалізацыя па-за межамі прасторавага арыенціра, статальная лакалізацыя паміж прасторавымі арыенцірамі і інш.

Ступень прадуктыўнасці мадэлей экзістэнцыяльна-лакатыўнага тыпу абумоўлена фармальна-граматычнымі фактарамі: здольнасцю кампанентаў выражацца ў пэўнай колькасці граматычных форм. Найбольш прадуктыўная мадэль экзісцыенс – прэдыкат – лакатыў (у межах прасторавага арыенціра): яна рэалізуецца ў значнай колькасці структурных схем. Лакатыў, што ўказвае на размяшчэнне аб'ектаў у межах прасторавага арыенціра, можа выражацца ўсімі часцінамі мовы, таму мадэль мае ўніверсальны характар: *На полі – жыта, жыта // З вачамі васількоў* (А. Іверс). Колькасныя і якасныя прыкметы дазваляюць кваліфікаваць мадэлі *экзісцыенс – прэдыкат – лакатыў – спосаб і экзісцыенс – каэкзісцыенс – прэдыкат – лакатыў* як нетыповыя. Іх унікальны характар абумоўлены якасным складам кампанентаў: каагенс, спосаб і тэмпаратыў часцей характарызуюць прэдыкаты з семантыкай руху або актыўнага дзеяння. У эліптычных канструкцыях экзістэнцыяльна-лакатыўнага тыпу іх роля факультатыўная: *Зноўку ў ліпавых начоўках дзіця і песня… Толькі гайданні* (Т. Бондар); *Травінка на губах – гарчынкаю папроку* (Т. Бондар). Рэалізацыя акцыянальнай семантыкі ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова таксама мае тыповы характар.

Сярэдняя ступень частотнасці эліптычных канструкцый з семантыкай актыўнага дзеяння абумоўлена поліфункцыянальным характарам сінтаксем, а значыць, павінны быць дадатковыя сродкі маркіроўкі семантыкі, што ўскладняе іх функцыянаванне. Семантыка актыўнага дзеяння падзяляецца на тры віды: актыўнае дзеянне, непасрэдна не звязанае з аб'ектам, актыўнае нераўтваральнае ўздзеянне, актыўнае пераўтваральнае ўздзеянне. Клас семантыкі актыўнага пераўтваральнага ўздзеяння ўключае значную колькасць элементаў і мае высокую ступень прадуктыўнасці. Адметнасцю гэтых канструкцый выступае фактар узаемадзеяння кампанентаў: аб'ект з'яўляецца элементам працэсуальнай прэдыкацыі і таму выступае ў ролі пацыентыва або бенефіцыенса. Такія сказы ўказваюць пераважна на актыўнае пераўтваральнае ўздзеянне ў фізічнай і сацыяльнай сферы, на род заняткаў суб'екта, а таксама на ўзаемадзеянне суб'екта і аб'екта ў фізічнай і сацыяльнай сферах. Мадэлі аналізуемых эліптычных канструкцый пры сярэдняй ступені частотнасці характарызуюцца невысокай ступенню прадуктыўнасці. Паказчыкам семантыкі актыўнага пераўтваральнага ўздзеяння выступаюць кампаненты, што набываюць дыферэнцыйную функцыю: у фізічнай сферы – *пацыентыў, аб'ектыў, бенефіцыенс, інструментыў*: *Раёну давялі такі план па малаку! А ён задумаў – басейн на пяцьдзясят метраў! Палац з зімнім садам* (А. Дзялендзік), у сацыяльнай сферы – *локум, медыятыў, крэатыў*: *Мы з вамі адну вялікую справу* (А. Дзялендзік). Адметнасцю класа эліптычных канструкцый з семантыкай актыўнага дзеяння, непасрэдна не звязанага з аб'ектам, выступае фактар семантычнага дамінавання: акцэнт робіцца на спосабе дзеяння, таму роля семантычнага аб'екта набывае факультатыўны характар.

Такім чынам, праведзены аналіз дазваляе сцвярджаць, што канструкцыі з эліпсісам дзеяслова ў беларускай мове з'яўляюцца важным элементам сінтаксічнай сістэмы, які характарызуецца пэўнай спецыфікай семантычнай арганізацыі. Сістэматызацыя семантычных тыпаў на аснове кампенсаторнай прыкметы выявіла абмежаваную колькасць тыпаў, што абумоўлена структурнымі абмежаваннямі і немагчымасцю рэалізацыі асобных відаў семантыкі праз залежныя кампаненты. Асаблівую ролю ў функцыянаванні эліптычных канструкцый адыгрываюць кампенсаторныя кампаненты, якія забяспечваюць семантычную паўнату выказвання пры адсутнасці дзеяслова.

Атрыманыя вынікі паказваюць, што найбольш тыповай з'яўляецца семантыка дынамічнай лакалізацыі, што звязана з дамінантным характарам лакатываў і іх абмежаванай семантычнай спалучальнасцю. Семантыка статальнай лакалізацыі таксама шырока прадстаўлена, аднак мае сярэднюю ступень прадуктыўнасці. У той жа час семантыка актыўнага дзеяння патрабуе дадатковых сродкаў маркіроўкі, што ўскладняе функцыянаванне эліптычных канструкцый дадзенага тыпу.

У заключэнне варта адзначыць, што праведзены семантычны аналіз канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў беларускай мове дазволіў выявіць асноўныя

заканамернасці іх функцыянавання і прадэманстраваў важнасць уліку як структурных, так і семантычных фактараў пры іх інтэрпрэтацыі. Перспектывы далейшых даследаванняў у дадзенай галіне могуць быць звязаны з інтэграцыяй фармальных і кагнітыўных падыходаў, што дазволіць паглыбіць разуменне механізмаў апрацоўкі эліптычных канструкцый у працэсе маўленчай камунікацыі, згодна з тэорыяй кагнітыўнай лігвістыкі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Harma, J.* Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. *Wiśniewski, M.* Przegląd równoważników zdania znamiennych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. *Грудева, Е. В.* Избыточность текста, редукция и эллипсис: (на материале русского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Грудева Елена Валерьевна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 40 с.
4. *Мухин, А. М.* Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
5. *Шабанова, Т. Д.* Предложение и его лимитативные модели : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Д. Шабанова. – М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.
6. *Carlson, K.* Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. *Лекант, П. А.* К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9 : Русский язык и литература. – С. 43–49.
8. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
9. *Колосова, Т. А.* О некоторых видах сложных эллиптических структур / Т. А. Колосова // Материалы по русско-славянскому языкознанию : сб. ст. / Воронеж. ун-т ; редкол.: В. И. Собинникова (науч. ред.). – *Воронеж*, 1979. – С. 78–87.
10. *Лисоченко, Л. В.* Высказывания симплицитной семантикой : логич., языковой и прагмат. аспекты / Л. В. Лисоченко ; отв. ред. Г. Ф. Гаврилова ; Сев.-Кавказск. науч. центр высш. шк. – Ростов н/Д : Изд-во Р ост. ун-та, 1992. – 152 с.
11. *Дикарева, С. С.* Координаты референции и явление глобального эллипсиса / С. С. Дикарева // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Богданов. – Л., 1988. – Вып. 3 : Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – С. 107–112.

12. *Hausperger, B.* Schprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / B. Hausperger. – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.

13. *Uniszewska, A.* The nature of linguistic processes determining the applicability of nomilizations applied to strings NP-COP-AP / A. Uniszewska // Glotto- didactica. – 2001. – Vol. 29. – P. 139–147.

УДК 81'253:811.112:378.147

Чертоусова Светлана Викторовна
кандида филологических наук,
доцент, доцент кафедры теории речи и перевода
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия
pippi-langstrumpf@yandex.ru

Svetlana Chertousova
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Speech Theory and Translation
Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
pippi-langstrumpf@yandex.ru

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PRE-TRANSLATION ANALYSIS IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF INTERPRETERS: METHODOLOGICAL ASPECTS

В статье представлена система упражнений для занятий по устному переводу, построенная на принципах модели «перевёрнутого класса». Доказано, что поэтапное формирование навыков предпереводческого анализа способствует последовательному развитию прогностических умений и терминологической компетенции обучающихся.

Ключевые слова*: предпереводческий анализ; «перевернутый класс»; вероятностное прогнозирование; абзацно-фразовый перевод; терминологическая компетенция; лексические навыки.*

The article presents a system of exercises for interpretation classes, built on the principles of the "flipped classroom" model. It is proved that the step-by-step formation of pre-translation analysis skills contributes to the consistent development of students' predictive abilities and terminological competence.

Key words*: pre-translation analysis; flipped classroom; probabilistic forecasting; liaison one-way interpreting; terminological competence; lexical skills.*

Бесспорным является тот факт, что успешное выполнение перевода невозможно без проведения предпереводческого анализа текста. В профессиональном обучении письменному переводу тщательно рассмотрены этапы работы с оригинальным сообщением и предлагаются разнообразные задания для отработки данного навыка [1]. Так, И. С. Алексеева выделяет следующие аспекты предпереводческого анализа: сбор внешних сведений о

тексте, определение источника и реципиента, состава информации и ее плотности, коммуникативного задания, речевого жанра произведения [2, с. 326–330]. Что касается устного перевода, то для него также требуется предпереводческий анализ, хотя он и выполняется обычно в условиях дефицита времени [2, с. 325]. Следует отметить, что хотя в письменном переводе анализ исходного текста давно стал обязательным дидактическим инструментом, в обучении устному переводу системная методика формирования соответствующих навыков и умений до сих пор разработана фрагментарно. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в обосновании методического потенциала предпереводческого анализа как неотъемлемого компонента профессиональной подготовки устных переводчиков в вузе.

Мы полагаем, что в контексте обучения в вузе предпереводческий анализ как при подготовке к устному, так и к письменному переводу достаточно эффективно моделирует формат «перевёрнутого класса» (*flipped classroom*), который представляет собой технику обучения, при которой «мероприятия, традиционно проводимые на занятиях в классе (например, объяснение нового материала), становятся домашним заданием, а потенциальная домашняя работа обсуждается в классе» [3, с. 117]. По сравнению с классическим форматом занятий, данная модель обладает рядом преимуществ: для нее характерны активное усвоение материала обучающимися, высокий уровень интерактивности, непосредственное применение полученных знаний на практике и возможность обмена опытом внутри учебной группы [4, с. 149]. Таким образом, в подобной коммуникативной ситуации роль преподавателя трансформируется: он выступает в качестве консультанта и помощника, который направляет самостоятельную исследовательскую работу студентов [5, с. 46].

Учебный план по специальности «Перевод и переводоведение» (специализация «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений»), реализующийся на факультете иностранных языков МГУ им. Н. П. Огарёва, предполагает отработку навыков устного перевода в рамках двух дисциплин: «Основы устного перевода 1 иностранного языка» (3 курс) и «Практический курс устного перевода 1 иностранного языка» (5 курс). Для подготовки специалистов-переводчиков с немецким языком как первым иностранным нами была создана и успешно внедрена система упражнений, построенная на принципах модели «перевёрнутого класса». Она показала достаточно высокую эффективность и получила положительный отклик от студентов. В рамках настоящей статьи будет представлен комплекс разработанных заданий для указанных выше учебных дисциплин и будут описаны их преимущества для формирования профессиональных компетенций будущего устного переводчика, в том числе навыков осуществления предпереводческого анализа.

Итак, принципиально важным в начале курса является определение актуальной и стимулирующей интерес обучающихся лексико-семантической

группы, с которой будет осуществляться работа. Учитывая тематику учебных пособий по немецкому языку соответствующих уровней (для обучающихся на 3 курсе обычно используются материалы уровня B1 CEFR, для 5 курса – уровню C1), а также содержание итогового государственного экзамена по переводу, мы предлагаем следующий перечень специальных областей: „Umwelt“, „Wirtschaft“, „Architektur“, „Neue Technologien“, „Geschichte“, „Politik“, “Armee und Verteidigung”, „Recht“ и др. Допустим, при работе над темой “Umwelt” можно сузить область исследования до конкретного аспекта, например, “Geologie und Vulkane” (геология и вулканическая деятельность). Первым общим домашним заданием традиционно является формирование тематического глоссария. При этом лексика самостоятельно структурируется студентами по семантическим разделам, таким как «Основные геологические структуры и понятия геологии» (*die Erdplatte, der Erdmantel, die Erdkruste, die Magmakammer, der Hotspot, das Gestein, die geologische Struktur, der Krater*), «Описание вулканических процессов» (*sich auftürmen, abtauchen, aufschmelzen, quellen, ausbrechen, explodieren, speien, brodeln, erstarren, aufeinander treffen*), «Последствия извержения и сопутствующие природные катастрофы» (*die verheerende Folge, die Landstriche vernichten, die Druckwelle, das Erdbeben auslösen, die Seuche, der Ernteausfall*) и т.д. Подобная подготовка терминологического списка позволяет впоследствии свести к минимуму лексические трудности в процессе устного перевода и тренирует навыки вероятностного прогнозирования. Кроме того, практика применения подобных заданий демонстрирует, что коллективная работа над языковым материалом стимулирует обмен знаниями в группе и усиливает учебную мотивацию студентов.

Ключевым этапом в освоении лексики как на занятиях по иностранному языку, так и в переводческой практике мы считаем формирование навыка её употребления. Специфика строя немецкого языка создаёт для студентов ряд типичных трудностей: для правильного использования лексем в речи необходимо знать управление глаголов, прилагательных, существительных (*ausbrechen aus D., Akk. überziehen mit Dat., gesättigt mit Dat., durchsetzt von Dat., der Ausbruch an Dat. / von Dat., das Reichtum an Dat., die Einwirkung auf Akk., die Freisetzung von Dat.*), спряжение сильных глаголов (*reiben – rieb – hat gerieben, aufschmelzen – schmolz auf – ist aufgeschmolzen, ausbrechen – brach aus – ausgebrochen, ergießen – ergoss – ergossen*), определять род и образование множественного числа существительных (*das Magma – die Magmen, der Erdmantel – die Erdmäntel, der Hotspot – die Hotspots*), идентифицировать и произносить заимствования в соответствии с устоявшимися нормами немецкого языка (*die Caldera, der Nevado Ojos del Salado*) и др. Для преодоления вышеуказанных сложностей эффективным инструментом представляется перевод с русского языка на немецкий и наоборот коротких фраз и предложений. Они должны быть насыщены тематической лексикой – малознакомой или потенциально сложной для правильного употребления. Приведем далее примеры подобных

предложений, которые могут подаваться как в аудиоформате (озвучиваться преподавателем), так и визуально (с выводом на экран интерактивной доски):

1) Wenn zwei tektonische Platten aneinander *reiben*, entstehen *Erdbeben*.

2) Durch den Druck und die Hitze im *Erdmantel* beginnt das *Gestein aufzuschmelzen*.

3) Das *Magma* ist flüssiges Gestein, das sich tief unter der Erde befindet.

4) *Der Reichtum an* Silizium bestimmt, wie zähflüssig Lava ist.

5) Die ozeanische *Erdkruste* ist großflächig mit einer dicken Schicht aus Sedimenten *überzogen*.

6) *Магма* часто *насыщена* растворёнными газами.

7) Горная порода *изрезана* многочисленными *кварцевыми жилами*.

8) *Горячая точка* под Гавайями порождает высокую *вулканическую активность* в этом регионе.

9) На *границе плит* вулканы могут в любой момент неожиданно *извергаться*.

10) *Жидкая лава* может *растекаться* на многие километры.

После выполнения подготовительных заданий студенты приступают непосредственно к практике аудиовизуального перевода. Им предлагается просмотреть видеоролик продолжительностью 5–7 минут по соответствующей тематике без остановок и пояснений. Аудиовизуальным материалом могут послужить ресурсы развлекательных или новостных платформ с актуальным контентом, в том числе в научно-популярном стиле. Как показывает практика, интервью и монологические высказывания интерпретируются обучающимся значительно легче, нежели документальные или новостные сюжеты с монотонным закадровым голосом. Так, для работы над темой “Geologie und Vulkane” хорошо подходят научно-популярные видео каналов «Terra X Plus» [6], “Real Wild Deutschland” [7], “SFR Kids” [8] – например, ролик об энергии супервулканов [9]. В нем фактологическая информация подкрепляется графиками и схемами, что способствует её лучшему пониманию и интерпретации. Фрагмент транскрипции такого видео иллюстрирует его содержание: “Viele Vulkane entstehen durch das Reiben und Türmen von zwei Erdplatten, ganz ähnlich wie auch Gebirge entstehen. Aber das ist nicht die ganze Wahrheit. Nur wenn eine Platte unter die andere abtaucht und das Gestein aufgeschmolzen wird, können über diesen Magmakammern Vulkane entstehen. Genauso kann es dazu kommen, wenn sich tektonische Platten voneinander wegbewegen. Durch den entstandenen Riss quillt nämlich Magma. Übrigens, es existieren auch Vulkane mitten auf einer tektonischen Platte. Sie entstehen, wenn sich im Erdmantel besonders heiße Bereiche, sogenannte Hotspots, entwickeln, die die Erdkruste darüber stärker aufheizen als üblich“ [9].

В дидактических целях могут использоваться аудиовизуальные материалы каналов, осуществляющих озвучку сразу на нескольких языках. Например, популярный немецкий проект, создающий научно-популярные видео –

“Kurzgesagt” – имеет русскоязычную версию. Транскрипт видео «Что произойдет, если взорвется супервулкан?» может послужить источником как для составления глоссария, так и для тренировки последовательного абзацно-фразового перевода. Сравним фрагменты вводной части видео на немецком и русском языках:

Die Erde ist eine gigantische Kugel aus halb *geschmolzenem Gestein* mit einem Kern, so heiß wie die Sonnenoberfläche. Diese gewaltige Hitze, die noch vor ihrer Entstehung und dem Zerfall von Billionen Tonnen radioaktiver Elemente übrig ist, kann nirgendwo anders hin als an die Oberfläche. Tausende Kilometer lange Ströme aus Gestein tragen diese Energie bis an die *Erdkruste*. Dort steht ihnen nur die Erdkruste im Weg. Für uns mag sie sich fest anfühlen, aber eigentlich ist sie nur ein zerbrechlicher Film. Darunter lauert die Apokalypse. *Eruptionen*, die zigfach mächtiger sind als alle unsere Atomwaffen zusammen. Sie ersticken ganze Kontinente in giftiger Asche und toxischen Gasen. So verursachen sie in nur einem Jahr die *Klimaveränderungen* ganzer Jahrhunderte: Supervulkane. Wie groß können sie werden? Werden sie das Ende der Menschheit sein? [10]

Земля представляет собой гигантский шар из *полурасплавленной породы* с железным сердцем, столь же горячим, как поверхность Солнца. Титанические количества тепла, оставшиеся от его рождения и радиоактивного распада триллионов тонн радиоактивных элементов, не находят выхода, кроме как наверх. Потоки горных пород, простирающиеся на тысячи километров, несут эту энергию на *поверхность*. Земная кора – единственное препятствие на их пути. Нам она кажется прочной, но это всего лишь хрупкая преграда. Настоящий апокалипсис сможет вырваться наружу и вызвать *извержение* в десятки раз более мощное, чем все наше ядерное оружие вместе взятое, подвергая *климат вековым изменениям* за один год, в то время как континенты будут утопать в ядовитом пепле и газе. Супервулканы. Насколько большими они могут быть и положат ли они конец человечеству? [11]

Представленные тексты могут быть также использованы для отработки навыков редактирования, поскольку в любительском переводе на русский язык присутствуют отдельные нормативно-языковые и узуальные неточности. Благодаря высокой концентрации терминологии из области геологии и лексики соответствующего семантического поля работа с подобными материалами позволяет студентам эффективно активизировать и закрепить новый словарный запас.

Работа с видеоматериалом начинается с совместного обсуждения его основных тем и идей после первого просмотра. Затем студенты приступают к устному последовательному переводу фрагментов, длина которых зависит от их

уровня подготовки: абзацно-фразовое деление может варьироваться от одного-двух предложений до целостного смыслового отрывка длительностью до 30–40 секунд. После перевода каждого сегмента преподаватель и группа сразу разбирают ошибки, чтобы предотвратить их накопление и искажение смысла последующих частей текста.

Следующим этапом при подготовке к устному переводу становится отработка навыков письменно-устного перевода с листа, для которого в качестве источника подходят материалы новостных порталов и научно-популярных статей. Основным требованием при подборе таких текстов, по нашему мнению, должна быть их высокая терминологическая насыщенность при минимальном использовании художественных тропов и стилистических фигур, поскольку избыточность последних смещает фокус с основной учебной цели упражнения – тренировки максимально точной передачи фактуальной информации. Кроме того, при подготовке текста для перевода не запрещается осуществлять необходимые лексические и синтактические трансформации для снятия трудностей в дальнейшем при его интерпретации на занятии. Так, на основе научно-популярных статей об образовании вулканической лавы был подготовлен текст под названием «Вулканическое тепло: энергия из глубин Земли». В нем в доступной для неподготовленного читателя форме объясняется, как вулканическая активность формирует геологические структуры и как связанная с ней геотермальная энергия преобразуется в электричество: “Viele Länder nutzen vulkanische Wärme zur Energiegewinnung. Dafür bestimmen Fachleute die heißesten Stellen und bohren Brunnen bis zu den erhitzten Gesteinen und Wasser. Heißer Dampf schießt an die Oberfläche und wird zum Kraftwerk geleitet, um Elektrizität zu erzeugen. Geothermiekraftwerke nutzen faktisch eine erneuerbare Ressource, da die Erde ständig Wärme produziert. Außerdem verursachen sie weit weniger Umweltverschmutzung und Treibhausgasemissionen. Allerdings ist der Prozess der Wärmegewinnung sehr kostspielig. Es muss in große Tiefen gebohrt werden, wobei die seismische Aktivität der Region zu berücksichtigen ist, um kein Erdbeben auszulösen. Zudem müssen die Geothermiekraftwerke in unmittelbarer Nähe der Wärmequellen liegen. Meistens befinden sich solche Orte fernab von Städten und den Hauptverbrauchern von Energie”. В ходе выполнения упражнения продуктивным является коллективное обсуждение переводческих решений и предложение альтернативных вариантов перевода отдельных фраз.

На завершающем этапе освоения лексической темы важно выявить и проанализировать переводческие трудности, с которыми столкнулись студенты, а также совместно разработать эффективные стратегии для их преодоления. Такой подход, реализуемый в рамках модели «перевёрнутый класс», позволяет максимально эффективно использовать аудиторное время для интенсивной практики переводческих умений и глубокой рефлексии учащихся. Эта деятельность направлена на критическую оценку и последующее развитие их

профессиональных навыков, что полностью соответствует требованиям современных образовательных стандартов.

Итак, разработанная и апробированная в рамках дисциплин по устному переводу система упражнений, интегрирующая предпереводческий анализ в модель «перевёрнутого класса», подтвердила свою эффективность в формировании навыков вероятностного прогнозирования, терминологической компетенции и критической рефлексии переводческих решений. Методический потенциал данного формата реализуется через поэтапную организацию самостоятельной работы студентов: от составления структурированного глоссария и отработки лексико-грамматических трудностей до аудиовизуального перевода и совместного обсуждения переводческих решений и стратегий, что обеспечивает органичный переход от репродуктивной деятельности к продуктивной. Таким образом, видится, что системное внедрение предпереводческого анализа в формате «перевёрнутого класса» в профессиональную подготовку устного переводчика позволяет не только компенсировать дефицит аудиторного времени, но и формирует устойчивый алгоритм действий в условиях стресса, что является залогом дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Персидская, А. С.* Предпереводческий анализ текста : учебно-методическое пособие для студентов языковых направлений / А. С. Персидская. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2025. – 145 с.
2. *Алексеева, И. С.* Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / И. С. Алексеева. – М. : Academia; СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 346 с.
3. *Итинсон, К. С.* Технология «перевернутый класс» в вузе: потенциал и проблемы внедрения / К. С. Итинсон // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9. № 3 (32). – С. 117–119.
4. *Енбаева, Л. В.* Технология flipped classroom на уроке английского языка / Л. В. Енбаева, М. А. Иванова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2017. – № 13. – С. 143–147.
5. *Акрамова, Л. Ю.* Отличительные особенности модели «перевернутый класс» (flipped classroom) / Л. Ю. Акрамова // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 6 (24). – С. 44–48.
6. Terra X // ZDF. – URL: https://www.zdf.de/terra-x-366 (date of access: 20.02.2026).
7. Little Dot Studios. – URL: https://www.littledotstudios.com/de-de/channels (date of access: 20.02.2026).

8. SRF Kids // SRF. – URL: https://www.srf.ch/kids (date of access: 20.02.2026).
9. Das sind die gefährlichsten Vulkane der Welt // YouTube. – URL: https://youtu.be/GHvh_shYCCA?si=4PS0RnwH_UTOB5k7 (date of access: 20.02.2026).
10. Was passiert, wenn ein Supervulkan ausbricht? // Dinge Erklärt – Kurzgesagt. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=yzzkb3YayGo (date of access: 20.02.2026).
11. Что произойдет, если взорвется супервулкан? // Kurzgesagt на русском. – URL: https://rutube.ru/video/7b56077bf51bf11e8cd7ebb6e27d7000/ (дата обращения: 20.02.2026).

SUMMARY

E. D. Adalevskaya

ADAPTATION AS A STRATEGY OF EQUIRYTHMIC TRANSLATION (BASED ON IMAGINE DRAGONS' LYRICS)

The article analyzes the features of poetic equirhythmic translation based on the lyrics of Imagine Dragons. Adaptation is considered one of the key strategies for rendering song lyrics taking into account the rhythmic organization, figurative content, and emotional expressiveness of the original. The stages of poetic translation required to create a pragmatically adequate and potentially performable text in Russian are identified. The conclusion highlights the importance of preserving rhythm, rhyme, syllabic structure, and naturalness of sound when translating English-language songs.

Y.P. Alioksa

THE CONCEPTS OF INTENSITY, GRADATION, EXPRESSIVENESS AND THEIR DIFFERENTIATION IN LINGUISTICS

The article explores aspects of differentiation of categories of gradation, intensity and expressiveness in linguistics, analyzes the role of the language norm as a starting point for scaling qualitative features. Special attention is paid to the suffixal method of intensification in the Belarusian language, which is considered as a productive means of creating gradational series.

A. V Alferov., G. E. Popova

INTERNAL FORM AS A CRITERION OF TRANSLATION RELEVANCE

The cognitive model of translation, based on the mechanisms of deverbalization and deconstruction, requires objectification of the evaluation of the result through the conceptualization of the internal form of translation

M. G. Bogova, A. V. Pavlova

LINGUISTIC AND CULTURAL DIFFERENCES IN CHARACTERISTICS OF BELARUSIAN AND ARABIC MYTHOLOGY HEROES

Ancient myths live on and remain a part of modern culture. Interest in mythology and its study remains undiminished, as it forms the foundation of any society's culture and ways of thinking. This article analyzes aspects of the characteristics of Belarusian and Arabic mythological heroes, highlighting their common features and emphasizing their differences.

S. E. Barzianets, K. D. Harokhava

VERBALIZING EXCESS WEIGHT
IN POLITICAL CORRECTNESS ERA

The article analyzes the implementation of political correctness principles in modern English linguistic practice, focusing on vocabulary describing excess weight. The results demonstrate the coexistence of stereotypes and a stable trend towards softened formulations, reflecting increased social sensitivity.

V. G. Brychykava

FILM VIDEO TRANSLATION AND ITS PLACE IN THE TRANSLATION CLASSIFICATION

The article analyzes features of film video materials as well as strategies for achieving translation adequacy. Strengths and weaknesses of the main film video translation types are described.

I. P. Biazlepkina

THE TRANSLATOR'S IDIOSTYLE FROM THE POSITION OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY TECHNOLOGICAL CHALLENGES

The article explores the phenomenon of the translator's individual style in light of interdisciplinarity and modern digital challenges. Based on Belarusian translations of R. Burns's poetry, it confirms that machine translation can only play a supporting role, while preserving the artistic integrity of the text requires the translator's unique creative intuition and a position of "outsideness".

A. V. Vinokurova

TRANSLATOLOGICAL CHARACTERISTICS OF NONCE WORDS IN THE SPANISH, ENGLISH, AND RUSSIAN LANGUAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article is devoted to an analysis of nonce words as manifestations of individual authorial word-formation in Spanish, English, and Russian from the perspective of translation studies. Based on existing definitions, their status is clarified as situationally conditioned and functionally motivated units arising in specific communicative contexts.

T. I. Garanovich

ENGLISH SYNTACTIC IDIOMS OF THE MODEL OF ALL+NPL AND THEIR CORRESPONDENCES IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

The article dwells on the composition and modus meanings of English syntactic idioms of the model of all+Npl and their phraseological correspondences in the Belarusian language.

L. N. Gluhenkaya

CAROL ANN DUFFY'S NEW 'SINCERITY' – IS IT NEW?

The article examines the concept of sincerity in the later poetry of Carol Ann Duffy, with particular focus on the poem Sincerity from the eponymous collection (2018). Situating the poem within the broader cultural framework of the movement commonly referred to as New Sincerity, the study explores the relationship between postmodern poetic strategies and the renewed emphasis on emotional authenticity and ethical engagement in the author's work. Through close reading of the poem's imagery, structure, and thematic progression, the article identifies that Duffy's treatment of sincerity does not represent a simple rejection of postmodernism but rather an evolutionary development within it, reflecting a transitional literary sensibility often associated with metamodern cultural paradigms. Ultimately, the poem is interpreted as a reflection of Duffy's mature poetic voice, in which personal authenticity, social awareness, and philosophical reflection converge to redefine the role of poetry in contemporary public discourse.

T. I. Golikova, A. A.a Azevich

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE FAMOUS FIGURES IN THE AMERICAN AND RUSSIAN CINEMA WORLD

The article deals with the description of the image of the two well-known figures in American and Russian cinema world – Tom Hanks and Nikita Mikhalkov based on their common and different features. The role of linguistic stylistic means such as epithets, metaphors, simile, oxymoron in the formation and strengthening their profiles is being described.

N. P. Gritskevich, A. S. Suntsova

THE LINGUISTIC FEATURES OF THE KOREAN HEALING NOVEL

The article examines a new trend in contemporary literature – Korean healing novels. The authors analyze the linguistic features of the healing novel based on the literary work "Welcome to the Hyunam-Dong Bookshop" by the Korean writer Hwang Bo-reum.

O. V. Zheleznyakova

ADAPTATION AS A SUCCESS FACTOR FOR LOCALIZED VERSIONS IN THE FILM AND VIDEO MARKET

The article examines adaptation as a key factor determining the success of a dubbed version of a film in the film and video market. Various types of adaptation (linguistic, cultural, technical) are analyzed. Criteria for assessing the quality of audiovisual translation are identified. The thesis is substantiated that in-depth adaptation, which takes into account the characteristics of the target audience and market conditions, directly affects the commercial success and audience recognition of the film. Special attention is paid to the balance between preserving the author's original intent and the requirements of the receiving culture.

M. A. Ivanova

A STRUCTURED PROMPT AS A TOOL FOR POST-EDITING MACHINE TRANSLATION OF CARDIOLOGY TEXTS

The article examines the creation and use of a structured prompt for post-editing machine translation of cardiology research texts. Based on a corpus of six texts and their translations, both from English language into Russian and from Russian language into English, the study shows that the prompt reduces the number of critical errors but does not replace expert validation.

S. V. Kolyadko

EMOTIVITY AS A MEANS OF INTERPRETING THE MEANINGS OF A POETIC WORK

The article explores emotivity as a means of interpreting meanings in a poetic text. The author distinguishes between the concepts of emotionality (a personal category) and emotivity (a textual category), revealing their role in the formation of the image-emotive. The mechanisms of interaction between emotive meaning and connotation are examined, and the connection between the emotive and the poetic trope is analyzed. Using a poem by Yauheniya Yanishchyts as an example, the article demonstrates how emotivity organizes the semantic space of the text. It is concluded that emotivity is not merely a stylistic feature but a constructive mechanism of meaning formation in poetry.

A. A. Kirushkina

ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN HIGHER EDUCATION

The author of the article describes the opportunities offered by the integration of chatbots (ChatGPT, Claude), intelligent tutors, speech and text generation and analysis tools into teaching and learning foreign languages in higher education.

T. P. Klyuchenovich, E. A. Babovoz

LEXICAL-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF NEOLOGISMS IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY

The article examines the emergence of neologisms as a consequence of scientific and technological progress. Lexical-semantic classifications of neologisms and their main functions in modern high-tech discourse and presented. The study is based on Elon Musk's speeches.

I. I. Konkova

METASTRUCTURES AS MEANS OF THE AUTHOR'S POSITION REFLECTION IN THE GENRE OF ENGLISH MONOGRAPH (CORPUS-BASED APPROACH)

This article is devoted to the analysis of metastructures acting as means of the author’s position reflection in the genre of English monograph using a corpus-based approach to provide statistical data.

N. A. Kopylova

VIRTUAL TRAVELLING AS A METHOD OF LANGUAGE IMMERSION

This article examines language immersion and virtual travelling as an innovative way to explore different places and cultures from home through digital platforms and language immersion. The concept, principles, and technologies of virtual travelling are presented.

O. K. Listratova

WORD STRUCTURE AND SEMANTICS:
THE PROBLEM OF REFLECTING FEMININITY IN GENDERLESS LANGUAGES

In the article, the authors systematize the linguistic mechanisms of reflecting femininity in genderless languages. The analysis based on the Korean language shows that despite the absence of grammatical gender marking within the word structure, the femininitive semantics is clearly expressed at the lexical and pragmatic levels.

T. A. Likova

IMPLEMENTATION OF PERSONALIZATION PRINCIPLES IN TEACHING ENGLISH TO ORIENTAL STUDIES STUDENTS THROUGH GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article focuses on teaching English to students of Oriental studies for international cooperation. It substantiates the need to move away from standardized programs that ignore language interference and specialized need of students. The goal is to develop technology for an adaptive formation of individual English language learning trajectories based on generative AI. An algorithm for diagnosing competencies, generating materials, and assessing effectiveness is presented.

Y. L. Maroz, K. A. Harupich

INTRALINGUAL TRANSLATION AS A TOOL FOR ENHANCING INFORMATION ACCESSIBILITY (A CASE STUDY OF PHARMACEUTICAL DISCOURSE)

The article examines the phenomenon of intralingual translation as a key instrument for bridging the communicative gap between medical experts and patients. Drawing on the theoretical frameworks of R. Jakobson and V. N. Komissarov, the paper explores the nature of adaptive transcoding within a single language. Primary focus is placed on the practical implementation of “Plain Language” principles as applied to highly specialised pharmaceutical texts. Through a proprietary adaptation of a drug information leaflet, the authors demonstrate specific lexical, syntactic, and pragmatic transformations aimed at increasing the accessibility of socially significant information. The findings are verified using linguostatistic metrics.

Maria Mosyagina

LINGUISTIC MECHANISMS OF MEDIA REPRESENTATION OF VALUES IN THE CONTEXT OF IDENTITY PRESERVATION

The article examines the linguistic mechanisms of media representation of values in English-language media discourse in the context of collective identity preservation. Evaluative, modal and pragmatic language means through which value meanings are constructed and reinforced in public consciousness are analysed. The research material includes texts from The Guardian.

S. R. Nedbailik

SMALL SATIRICAL FORMS AS A GENOME OF COLLECTIVE HUMAN INTELLIGENCE (DIACHRONIC ASPECTS)

This article concerns some aspects of humorous and satirical small forms culture development in West and East European literature. In this connection the author touches upon the principal trends of anecdotes and adjacent genres evolution from Antiquity to New times, putting accent on their specific features in Russian culture in comparison to Western (French) literature. The results of multi-aspect review of theoretical material give full ground to state that anecdotes as well as adjacent small literary forms (epigrams, jokes, aphorisms) can be considered to be the genome of collective human intelligence.

I. M. Petrova

LINGUOCOGNITIVE MODELING OF THE CULTURAL CODE VIA NEURAL NETWORK ARCHITECTURES

The article explores the potential of modern neural network architectures (Transformer, GPT, BERT) as tools for the objectification and reconstruction of cultural codes. The author proposes a methodology based on a synthesis of distributive-statistical analysis and linguocultural interpretation of multilingual data. Using the concepts of "work", "success", and "friend" in Russian and English as examples, the study demonstrates the ability of artificial intelligence to identify latent axiological attitudes and specific metaphorical models. Particular attention is paid to the problem of data verification via specialized benchmarks (the SLAVA project) and the role of the expert's linguistic intuition in overcoming semantic averaging and internet stereotypes. The paper substantiates the potential of neural networks in creating "digital twins" of cultures for tasks in applied linguistics and translation theory.

S. I. Piskunova

ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITIES IN A FOREIGN LANGUAGE

The focus of the article is the organization of project activities in a foreign language. It is proved that the work on the research project contributes to the creation of favorable conditions both for the formation and development of the knowledge component, which implies the active independent activity of students in the search for new information and assimilation of knowledge, and the formation and development of their universal educational actions (soft skills).

V. A. Pshyhodski

A COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF POETIC TRANSLATIONS ON THE EXAMPLE OF A POEM FROM THE NOVEL DON QUIXOTE INTO RUSSIAN

The article presents a comparative analysis of approaches to poetry translation. Using two Russian renderings of a poem from the novel Don Quixote, the main translation strategies with their advantages and disadvantages are examined.

A. O. Siamiankevich

BELARUSIAN PROVERBS AND SAYINGS WITH THE SEMANTICS OF EXCESSIVENESS

The article examines Belarusian proverbs and sayings with the semantics of excessiveness. Explicit and implicit markers of excessiveness in the context of paremiological representation are identified; a typology of nuclear and peripheral markers of excessiveness is conducted based on a componential analysis of proverbs and sayings; the types of proverbs and sayings according to the object of excessiveness and according to pragmatic orientation are described.

A. V. Sokolova

TRANSLATION AS AN INTERCULTURAL MEDIATION: THE ROLE OF DISCURSIVE MARKERS IN POLITICAL COMMUNICATION

The article is devoted to discursive particles, which make it possible to identify the relevant characteristics of the utterance components to ensure the process of interpersonal interaction. The importance of discursive markers in political communication is emphasized. The author states that there is a need to preserve the particles in interpretation.

M. E. Ryabova, A. E. Tultseva

ANALYSIS OF ADAPTATION OF LANGUAGE CAPABILITIES OF THE PERPLEXITY PLATFORM

This article updates the evolution of the Perplexity AI platform's language capabilities and analyzes three key areas of adaptation: the implementation of foreign language learning, personalized responses through memory and user profiling mechanisms, and participation in the development of multilingual models for languages with limited digital resources. It concludes that a "linguistic divide" exists in modern AI interfaces.

N. U. Chaika

SEMANTIC ORGANIZATION OF SENTENCES WITH VERB ELLIPSIS

This article examines the semantic characteristics of sentences with verb ellipsis in the Belarusian language, which are characterized by the omission of the verbal component while preserving the semantic integrity of the statement. The interaction of syntactic, semantic, and pragmatic factors influencing the interpretation of elliptical sentences within the context of contemporary Belarusian is analyzed. It is noted that verb ellipsis is a typical means of economizing

linguistic resources and creating concise, dynamic statements, which is particularly relevant in the sphere of media communication and colloquial language. The study aims to identify the specific features of the functioning of elliptical sentences in Belarusian, taking into account the pragmatic context and cognitive mechanisms of language comprehension.

S. V. Chertousova

PRE-TRANSLATION ANALYSIS IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF INTERPRETERS: METHODOLOGICAL ASPECTS

The article presents a system of exercises for interpretation classes, built on the principles of the “flipped classroom” model. It is proved that the step-by-step formation of pre-translation analysis skills contributes to the consistent development of students' predictive abilities and terminological competence.

СОДЕРЖАНИЕ

Адалевская Екатерина Дмитриевна ... 3

АДАПТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ЭКВИРИТМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА IMAGINE DRAGONS) ... 3

Алёкса Яна Пятроўна ... 8

ПАНЯЦЦІ ІНТЭНСІЎНАСЦЬ, ГРАДАЦЫЯ, ЭКСПРЭСІЎНАСЦЬ І ІХ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ Ў МОВАЗНАЎСТВЕ ... 8

Алферов Александр Владимирович ... 14

Попова Галина Евгеньевна ... 14

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК КРИТЕРИЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ... 14

Богова Майя Григорьевна ... 21

Павлова Анастасия Валерьевна ... 21

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ГЕРОЕВ БЕЛОРУССКОЙ И АРАБСКОЙ МИФОЛОГИИ ... 21

Борзенец Светланана Евгеньевна ... 27

Горохова Екатерина Дмитриевна ... 27

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕЛЕСНОЙ ПОЛНОТЕ В ЭПОХУ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ ... 27

Бричикова Валентина Георгиевна ... 33

КИНО/ВИДЕО ПЕРЕВОД И ЕГО МЕСТО В ОБЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ПЕРЕВОДА ... 33

Бязлепкіна Інга Пятроўна ... 43

ІДЫЯСТЫЛЬ ПЕРАКЛАДЧЫКА З ПАЗІЦЫЙ МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНАГА ПАДЫХОДУ Ў КАНТЭКСЦЕ СУЧАСНЫХ ТЭХНАЛАГІЧНЫХ ВЫКЛІКАЎ ... 43

Винокурова Анна Владимировна ... 50

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ИСПАНСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ... 50

Гаранович Татьяна Игоревна ... 58

АНГЛИЙСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МОДЕЛИ *OF ALL+*N_{PL} И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ... 58

Глухенькая Леся Николаевна ... 64

ТАК ЛИ НОВА «ИСКРЕННОСТЬ» КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ? ... 64

Голикова Татьяна Ильинична ... 72

Азевич Анастасия Анатольевна ... 72

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМИДЖА ИЗВЕСТНЫХ ПЕРСОН ИЗ МИРА АМЕРИКАНСКОГО И РОССИЙСКОГО КИНО ... 72

Грицкевич Наталья Петровна, ... 79

Сунцова А. С. ... 79
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ХИЛИНГ-РОМАНА ... 79
Железнякова Ольга Викторовна ... 84
АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ПЕРЕВОДНОЙ ВЕРСИИ ФИЛЬМА НА РЫНКЕ КИНО/ВИДЕОПРОДУКЦИИ ... 84
Иванова Мария Александровна ... 90
СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ПРОМПТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАГИННОГО ПЕРЕВОДА КАРДИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ... 90
Калядка Святлана Уладзіміраўна ... 96
ЭМАТЫЎНАСЦЬ ЯК СРОДАК ІНТЭПРЭТАЦЫІ СЭНСАЎ ПАЭТЫЧНАГА ТВОРА ... 96
Кирюшкина Анна Александровна ... 103
ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ) В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ... 103
Ключенович Татьяна Петровна ... 109
Бабовоз Елизавета Александровна ... 109
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ... 109
Конькова Инна Игоревна ... 116
МЕТАСТРУКТУРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МОНОГРАФИИ (КОРПУСНЫЙ ПОДХОД) ... 116
Копылова Наталья Александровна ... 123
ВИРТУАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОГРУЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ ... 123
Листратова Ольга Константиновна ... 129
Борисевич Ирина Викторовна ... 129
СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЛОВА: ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ФЕМИННОСТИ В ГЕНДЕРНО НЕЙТРАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ ... 129
Лыкова Татьяна Анатольевна ... 135
Малыгина Елена Валерьевна ... 135
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ СТУДЕНТЗОВ-ВОСТОКОВЕДОВ С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ... 135
Мороз Евгений Леонидович ... 144
Горупич Екатерина Александровна ... 144
ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА) ... 144
Мосягина Мария Сергеевна ... 150

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ 150
Недбайлик Сабина Рудольфовна 157
Дмитриева Наталия Константиновна 157
МАЛЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАК ГЕНОМ КОЛЛЕКТИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИТЕЛЛЕКТА (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 157
Петрова Инна Михайловна 164
ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА СРЕДСТВАМИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ АРХИТЕКТУР 164
Пискунова Светлана Ивановна 174
ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 174
Пшигодский Валерий Александрович 180
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ РОМАНА «ДОН КИХОТ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК 180
Семянькевіч Аксана Васільеўна 187
БЕЛАРУСКІЯ ПАРЭМІІ З СЕМАНТЫКАЙ ПРАЗМЕРНАСЦІ 187
Соколова Ангелина Вячеславовна 193
ПЕРЕВОД КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО: РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 193
Рябова Марина Эдуардовна 198
Тульцева Анастасия Эдуардовна 198
АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПЛАТФОРМЫ PERPLEXITY 198
Чайка Наталля Уладзіміраўна 205
СЕМАНТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ КАНСТРУКЦЫЙ З ЭЛІПСІСАМ ДЗЕЯСЛОВА 205
Чертоусова Светлана Викторовна 213
ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 213
SUMMARY 221

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЯЗЫК, ОБУЧЕНИЕ, ПЕРЕВОД

Сборник научных статей по итогам
1-й Международной научно-практической конференции
Минск, 12 марта 2026 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. В. Железнякова*
Компьютерная верстка *Д. А. Махлаевой*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Мнск